

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и социологии
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура

Материалы Десятой Всероссийской, с международным
участием, научной конференции молодых ученых
Ижевск, 6-7 декабря 2022 г.



Ижевск
2023

УДК 94(470)"04/19"(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431
Е241

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УдГУ

Рецензенты: д-р. ист. наук, профессор, Заслуженный работник высшего образования РФ, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральный университет» Г.П. Мягков,
д-р ист. наук, профессор, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» С.С. Пашин.

Редколлегия: С.И. Вострокнутов, В.В. Долгов, А.Е. Загребин,
В.В. Иванов, А.Л. Колзина, М.Е. Корбут, К.Д. Николаева, В.В. Пузанов,
С.А. Радушинский, Т.М. Сабирова, А.С. Шулятьева.

Составитель и отв. редактор: Пузанов Д.В.

Е241 Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Десятой Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 6-7 декабря 2022 г.) / сост., отв. ред. Д.В. Пузанов. – Ижевск : Удмуртский университет, 2023. – 271 с.

ISBN 978-5-4312-1124-9

DOI:10.35634/978-5-4312-1124-9-2023-1-271

В сборнике представлены материалы Десятой Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых, которая проходила 6-7 декабря 2023 г. в г. Ижевске. Издание подготовлено кафедрой истории России, Центром изучения истории средневековой Руси УдГУ и Отделом исторических исследований УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, всех интересующихся историей Средних веков и Нового времени.

УДК 94(470)"04/19"(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431

ISBN 978-5-4312-1124-9

© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2023
© УдмФИЦ УрО РАН, 2023
© Авторы статей, 2023
© Д.В. Пузанов, сост., 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	9
<i>Выслоужилова Д.Л.</i> «От польского короля для папы Урбана: прошу я извинения за поступок страстного пана»: вопрос святотатства Николая Сапеги в источниках	9
<i>Попова Е.М.</i> «Псков и Новгород стоят в нелюбви»: история взаимоотношений двух городов в период шведской оккупации Новгорода	16
СЕКЦИЯ «СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА»	22
<i>Nguyen Tran Tan Hiep, Duong Thanh Nhan.</i> Compare the Political Institutions of Western Europe and Vietnam in the Early Feudal Period	22
<i>Шишкова А.Е.</i> Женские образы по «Антаподосису» Лиутпранда Кремонского	29
<i>Базьева Д.Э.</i> Специфика гендерных представлений в англосаксонской культуре Раннего средневековья (на примере образа Юдифи)	34
<i>Рац А.Г., Сабельников М.А., Бражников В.М.</i> Роман Кретъена де Труа «Персеваль, или Повесть о Граале»: особенности и моральные аспекты произведения	39
<i>Малькова А.Н.</i> Процессы конвергенции и дивергенции в культурных практиках русского Средневековья: стратегии повествования в «Повести временных лет» и в исландских сагах на примере сюжета о женской мести	43
<i>Гай С.Д.</i> Связь славянского бога Волоса/Велеса с загробным миром	48
<i>Киселев Р.С.</i> «Поток и разграбление» как архаический инструмент общественного перераспределения (по материалам летописных источников XI–XIII вв.)	55
<i>Сельков Д.С.</i> «Русский след» в болгарской междоусобице XIII в.	61
<i>Гребенников Н.Ю.</i> Перед лицом катастрофы: политическая ситуация в Поволжском регионе перед монгольским завоеванием	65
<i>Лазарев С.С.</i> О жанровой природе и мультинарративности агиографического сочинения Матвея Парижского «История святого короля Эдуарда»	71
<i>Никитин М.А.</i> Использование светской власти Церковью в преследовании альбигойцев по материалам канонов IV Латеранского собора 1215 г.	76
<i>Новосёлов А.Л.</i> Рассказ о чуде в Невской битве: история текста	81
<i>Новиков И.В.</i> К вопросу о времени прославления князя Тимофея (Довмонта) Псковского	89
<i>Несин М.А.</i> Русско-казанский конфликт начала 1480-х гг.	95
<i>Варнаков М.С.</i> О некоторых особенностях советской историографии положения иноземных купцов из Северной и Центральной Европы на территории Новгородской земли в XIII–XV вв.	105

<i>Лебедева А.А.</i> Вклад Фридриха Брунса в изучение ганзейской торговли в Бергене	110
<i>Головашкин В.С.</i> Меры по урегулированию конфликтных ситуаций на Немецком подворье в XIV в. (по материалам Новгородской скры 4 редакции)	116
<i>Tran Thi Uyen.</i> The Vietnamese Education System in the Middle Ages and Its Comparison with the Western Education System	120
<i>Трегубов О.О.</i> Общие замечания касательно отношений средневековых университетов и Церкви в эпоху Высокого средневековья	128
<i>Керимова Д.Т.</i> События 1-й половины 80-х гг. XV в. в Англии по описанию «Кройлендской хроники»	133
<i>Бурмистров Н.С.</i> Влияние греков на политику Ивана III	138
<i>Байкова А.Д.</i> Формирование великокняжеской титулатуры Ивана III в отечественной историографии 2-й половины XX в.	144
СЕКЦИЯ «ЕВРОПА В НОВОЕ ВРЕМЯ»	151
<i>Калугин И.А.</i> Вхождение удмуртского народа в состав России в трактовке П.В. Кильдебекова и Ф.П. Макарова	151
<i>Симонов И.А.</i> Основные особенности дипломатической переписки Ивана Грозного с европейскими правителями	158
<i>Степанов А.Ю.</i> Кризис Английской революции 1642–60-х гг. и республиканская модель его преодоления	165
<i>Шаипов Т.К.</i> Роль иноземных купцов в ходе посольства Ивана Чегоданова и Алексея Посникова 1656–1657 гг.	170
<i>Домрачев Н.Е.</i> Опыт передачи русского постоянного представительства в Польско-Литовском государстве от П.Б. Возницына к И.М. Волкову в 1689 г.	176
<i>Смирнов Е.Н.</i> Развитие мифа о «Благородном дикаре» во Франции в XVII в.	184
<i>Шулятьева А.С.</i> «Бьет челом сирота ваш»: о денежных спорах крестьян по сведениям челобитных XVII в. Угличской приказной избы	189
<i>Вахрамеев Д.О.</i> Разрушение клерикального и естественно-научного конформизма Франции в творчестве Б. Паскаля	195
<i>Гафуров С.О.</i> Универсалистский дискурс в письмах Ганса Ульриха фон Эггенберга	200
<i>Дюдя А.В.</i> Исследование человеческой природы и добродетели в работах Б. Мандевиля и Р. Стила	207
<i>Коротин В.А.</i> Использование античных сюжетов при конструировании образа Петра I в панегириках 1-й четверти XVIII в.	211
<i>Шестакова Н.Ф.</i> Образ Боудикки в визуальной культуре Великобритании	

в эпоху Кельтского возрождения (середина XVIII — начало XX в.)	217
<i>Посаженикова Е.К.</i> Особенности современной наполеонистики	222
<i>Коновалова Н.Д.</i> Болезнь и смерть Александра I в дискурсе французской прессы	227
<i>Вэй Синьи.</i> Проблема нравственного самосовершенствования в поэзии Н.А. Некрасова (к интерпретации творчества Н.А. Некрасова в аксиологическом аспекте)	234
<i>Охотникова Е.В.</i> Движение толстовцев в отчетах обер-прокурора синода К.П. Победоносцева	240
<i>Моисеева О.А.</i> Отношения Российской Церкви и МИДа с Константинопольским патриархом Иоакимом IV	243
<i>Окишев Д.Е.</i> Монеты в погребениях удмуртов 2-й половины XVIII — середины XIX в.	249
<i>Калугина Д.А.</i> Объекты хозяйственного назначения XVIII — начала XX в. (по материалам раскопок на Красной площади г. Сарапула)	254
<i>Хомыев Т.Б.</i> Развитие охоты в Закаспийской области (2-я половина XIX — начало XX в.)	258
<i>Маммалиева М.А.</i> Развитие скотоводческого хозяйства у туркмен (2-я половина XIX — начало XX в.)	264

CONTENTS

PLENARY SESSION	9
<i>Výsloužilová D.L.</i> “From the Polish King for Pope Urban: Please Forgive the Actions of That Vigorous Lord”: The Sacrilege of Mikolaĵ Sapieha in Written Sources	9
<i>Popova E.M.</i> “Pskov and Novgorod Stand in Dislike”: The History of the Relationship Between the Two Cities During the Swedish Occupation of Novgorod	16
SECTION “MEDIEVAL EUROPE”	22
<i>Nguyen Tran Tan Hiep, Duong Thanh Nhan.</i> Compare the Political Institutions of Western Europe and Vietnam in the Early Feudal Period	22
<i>Shishkova A.E.</i> The Images of Women in “Antapodosis” of Liutprand of Cremona	29
<i>Bazyaeva D.E.</i> The Specificity of Gender Representations in the Anglo-Saxon Culture of the Early Middle Ages (On the Example of the Image of Judith)	34
<i>Ratz A.G., Sabelnikov M.A., Brazhnikov V.M.</i> The Novel by Chretien de Troyes “Perceval, or the Tale of the Grail”: Features and Moral Aspects of the Work ..	39
<i>Malkova A.N.</i> Processes of Convergence and Divergence in the Cultural Practices of the Russian Middle Ages: Narrative Strategies in Rus’ Primary Chronicle and the Icelandic Sagas on the Example of the Plot of Women’s Revenge	43
<i>Gai S.D.</i> The Connection of the Slavic God Volos/Veles with the Afterlife	48
<i>Kiselev R.S.</i> “Potok i razgrableniye” as an Archaic Instrument of Social Redistribution (Based on Chronicle Sources of the 11th–13th Centuries)	55
<i>Selkov D.S.</i> “Russian Trace” in the Bulgarian Civil War of the 13th Century	61
<i>Grebennikov N.Y.</i> Before the Calamity: The Political Situation in the Volga Region Before the Mongol Conquest	65
<i>Lazarev S.S.</i> On the Genre Nature and Multinarrativity of the Hagiographic Work of Matthew Paris “The History of Saint Edward the King”	71
<i>Nikitin M.A.</i> Use of Secular Authorities by the Church for Persecution of Albigenians Based on Materials of the Canons of the Fourth Lateran Council of 1215	76
<i>Novoselov A.L.</i> The Story of the Miracle at the Battle of Neva: History of the Text	81
<i>Novikov I.V.</i> On the Timing of the Glorification of Prince Timothy (Dovmont) of Pskov	89
<i>Nesin M.A.</i> The Conflict Between Rus and Kazan Khanate of the Early 1480s	95
<i>Varnakov M.S.</i> Some Features of the Soviet Historiography of Foreign Merchants’ from Northern and Central Europe Situation on the Territory of Novgorod Land in the 13th–15th Centuries	105

<i>Lebedeva A.A.</i> Friedrich Bruns' Contribution into the Studying of Hanseatic Trade in Bergen	110
<i>Golovashkin V.S.</i> Conflict Occasions De-escalation Measures at the Nemetskoye podvorye in the 14th Century (Based on the Materials of The Fourth Novgorod Skra)	116
<i>Tran Thi Uyen.</i> The Vietnamese Education System in the Middle Ages and Its Comparison with the Western Education System	120
<i>Tregubov O.O.</i> General Remarks on the Relationship Between Medieval Universities and the Church in the High Middle Ages	128
<i>Kerimova D.T.</i> Events of the First Half of the 80s in England in 15th Century as Described by the Croyland Chronicle	133
<i>Burmistrov N.S.</i> The Influence of the Greeks on the Policy of Ivan III	138
<i>Baykova A.D.</i> Formation of the Grand Ducal Title of Ivan III in Russian Historiography of the 2nd Half of the 20th Century	144
SECTION "EUROPE AT A MODERNITY"	151
<i>Kalugin I.A.</i> Entry of Udmurts into Russia as Understood by P.V. Kildebekov and F.P. Makarov	151
<i>Simonov I.A.</i> The Main Features of Ivan the Terrible's Diplomatic Correspondence with European Rulers	158
<i>Stepanov A.Yu.</i> The Crisis of the English Revolution of the 1642–60s and the Republican Model of Overcoming It	165
<i>Shaipov T.K.</i> The Role of Foreign Merchants During the Embassy of I. Chemodanov and A. Posnikov, 1656–1657	170
<i>Domrachev N.E.</i> The Practices of Transfer of Russian Permanent Diplomatic Mission in Polish-Lithuanian Commonwealth from P. Voznitsyn to I. Volkov in 1689	176
<i>Smirnov E.N.</i> The Development of the Myth of the "Noble Savage" in France in the 17th Century	184
<i>Shulyatyeva A.S.</i> "The Your Orphant Petition": About Money Disputes of Peasants According to Information of Petitions of the 17th Century Uglich Government Office	189
<i>Vakhrameev D.O.</i> The Destruction of Clerical and Natural-Scientific Conformism of France in the Works of B. Pascal	195
<i>Gafurov S.O.</i> The Universalist Discourse in the Letters of Hans Ulrich von Eggenberg	200
<i>Dudya A.V.</i> The Study of Human Nature and Virtue in the Works of B. Mandeville and R. Steele	207
<i>Korotin V.A.</i> The Use of the Ancient Plots in the Creating the Image of Peter the Great in the Panegyrics of the First Quarter of the 18th Century	211

<i>Shestakova N.F.</i> Boudicca's Image in the Visual Culture of Great Britain in the Age of the Celtic Revival (Mid 18th — Early 20th Centuries)	217
<i>Posazhennikova E.K.</i> Features of Modern Napoleonic Studies	222
<i>Konovalova N.D.</i> The Illness and Death of Alexander I in French Periodicals' Discourse	227
<i>Wei Xinyi.</i> The Problem of Moral Self-Improvement in the Poetry of N.A. Nekrasov (To the Interpretation of N.A. Nekrasov's Work in the Axiological Aspect)	234
<i>Okhotnikova E.V.</i> The Tolstoyan Movement in the Reports of the Synod's Chief Prosecutor K.P. Pobedonostsev	240
<i>Moiseeva O.A.</i> Relations of the Russian Church and Foreign Ministry with the Patriarch of Constantinople Joachim IV	243
<i>Okishev D.E.</i> Old Coins in the Burials of the Udmurts of the Second Half of the 18th — Mid 19th Centuries	249
<i>Kalugina D.A.</i> Household Objects of the 18th — Early 20th Centuries, from the Excavations on the Red Square of the City of Sarapul	254
<i>Hommyyev T.B.</i> Development of the Hunting in Zakaspi Region (The 2nd Half of the 19th Century — the Beginning of the 20th Century)	258
<i>Mommaliyeva M.A.</i> The Development of the Livestock Breeding of Turkmen Country (The 2nd Half of the 19th Century — the Beginning of the 20th Century)	264

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Д.Л. Выслоужилова
г. Брно (Чехия)
Ун-т им. Масарика

«ОТ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ ДЛЯ ПАПЫ УРБАНА: ПРОШУ Я ИЗВИНЕНИЯ ЗА ПОСТУПОК СТРАСТНОГО ПАНА»: ВОПРОС СВЯТОТАТСТВА НИКОЛАЯ САПЕГИ В ИСТОЧНИКАХ*

В 1723 г. в селе Кодень, входящем во владения рода Сапег был коронован чудотворный образ Матери Божией Коденской. В честь этого литургического обряда была издана книга, где впервые прозвучала легенда о Николае Пие Сапеге, прозванном Набожным, который украл указанную икону из часовни папы Урбана VIII в Риме. В рамках данной статьи история Сапеге подвергается критическому анализу, с целью установить на основе привлечения источников того времени, является ли данное сказание истиной.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Сапеге, Николай Сапега, коронованные иконы, Коденская икона Божией Матери.

Догмы и постановления Тридентского собора (1545–1563 гг.) в основном начали распространяться на территории Речи Посполитой со 2-й пол. XVII в. в связи с усиливающейся контрреформацией [Augustyniak 2008, р. 393–394]. Одним из ключевых аспектов растущей локальной набожности являлось особое почитание Божией Матери [Ciesielski 2004, р. 195]: в сложные времена шведского потопа и эпидемий чумы к ней с мольбой о защите обращалось обедневшее население. Государственный статус хранительницы Польши Дева Мария приобрела в 1656 г., когда король Ян II Казимир Ваза дал обеты в кафедральном Успенском храме во Львове во время служения. Призывая народ сражаться против врага, монарх отдал Речь Посполитую под опеку Матери Божией, прозванной королевой и покровительницей всей страны [Szydelski 1906, р. 19]. В период правления саксонской

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Грантового агентства Чешской Республики (GAČR), в рамках проекта GA22-04023S.

династии (1697–1763 гг.) утвердился «самый великолепный» [Nowakowski 1898, р. 61] аспект почитания Девы Марии — коронации чудотворных образов Божией Матери. 15 августа 1723 г. по приказу Иннокентия XIII луцкий епископ Стефан Богуслав Рупневски совершил литургический акт коронации образа Матери Божией Коденской, «Королевы Полесья».

Коденское поместье, расположившееся на восточной границе Польши, входило во владения дворянского рода Сапег, который принимал активное участие в продвижении культа семейной иконы. Накануне коронации виднейший представитель магнатского рода Сапег и владелец Кодени того времени Ян Фредерик Сапега подготовил к печати собственное сочинение *Hystoria Przewacnego obrazu kodeńskiego* (1720 г., переиздано в 1721 и 1723 гг.), в котором впервые звучит легенда о краже чудотворной иконы из личной папской часовни в Риме, совершенной «страстным паном и верным католиком» [Walicki 1720, р. 7] Николаем Сапегой в 1630 г. Авантюристская история о польском шляхтиче приобрела популярность в 1-й пол. XX в., когда польская писательница З. Коссак-Щуцкая запечатлела ее в повести «Благословенная вина». Вплоть до конца прошлого века историки принимали легенду о святотатстве Николая Сапег за достоверный исторический факт [Baliński, Lipiński 1846, р. 748; Pruszkowski 1898, р. 30; Fridrich 1908, р. 192], не подвергая сведения Я.Ф. Сапегу критическому анализу. Опираясь на сведения архивов, в данной статье делается попытка проследить след римского приключения в источниках XVII–XVIII вв. и установить, можно ли считать действие Николая Сапегу подтвержденным фактом.

При финансовой поддержке фонда Николая Сапегу и его жены Анны летом 1629 г. в Кодени на Буге начали строить каменный храм. Супруги дали обещание, что он не будет ни в чем уступать римской базилике св. Петра, однако уже на следующий год здоровье Сапегу резко ухудшилось. Следующие события раскрывает труд Я.Ф. Сапегу: поняв, что старания врачей напрасны, и доступных средств не хватит для успешного лечения, Николай Сапега дал священную клятву, что совершит паломничество к папе в Рим. Дальше читаем, что Сапега туда все-таки добрался, усердно молился, но болезнь не отступала. Полегчало только в момент, когда в личной папской часовне Сапега заметил чудотворный образ Божией Матери, происходящий по легендам от св. апостола Луки. В присутствии образа шляхтич чувствовал себя здоровым, но стоило отдалиться от него, и заболевание вернулось вновь. Осознав, что без иконы никакой жизни быть не может, Сапега попросил папу Урбана VIII отдать или продать ему образ за любую цену. Глава католической церкви отказался, образ был слишком ценным. Не сумев переубедить папу, Сапега решился на опасный шаг: украсть образ и исчезнуть из Рима. Отдав 500 золотых дукатов сторожу, «второй Искарриот» [Sapieha 1723. Cz. 1, р. 204] снял образ со стены и той же ночью сбежал из «Вечного

города». Кроме образа он увозил и множество драгоценных реликвий, которые ему подарил папа римский. Урбан вскоре обнаружил пропажу образа, догадался, что виноват в этом Сапега и отправил своих вооруженных людей схватить смелого вора. «Мчась вперед по горным дорогам, в темноте, быстрее чем ветер» [Ibid., p. 202] Сапега покинул Италию, проехал через Венгрию и Львов и после года паломничества вернулся обратно в Кодень, где поместил образ в родовом храме Св. Духа пока не достроится более презентабельный каменный храм [Ibid., p. 182–205]. Следующие несколько лет Сапега провел в переписке с Урбаном и его нунцием в Польше по фамилии Висконти, обещающая вернуть все дары кроме образа Божией Матери. За отказ выполнить папский приказ Сапегу настигла церковная анафема. За Сапегу ходатайствовал польский король Владислав IV Ваза, но Урбан оставался непреклонным.

Шляхтич вернул расположение католической церкви только в 1634 г., когда во время собрания сейма бесстрашно выступил против Владислава IV Вазы и отказался дать согласие на заключение брака между королем и протестантской принцессой Елизаветой, дочерью курфюрста Пфальцского и короля чешского Фридриха V. Лишь благодаря его мужеству Владислав Ваза отказался от женитьбы на лютеранке, за что Сапегу хвалил нунций и сам папа, который принял защитника католичества обратно в лоно церкви. В 1636 г. Николай Сапега снова совершил паломничество в Рим, встретился с папой, которого пару лет назад бесстыдно обокрал, и оба помирились. Урбан даже разрешил Сапеге оставить себе чудотворную икону, т.к. деятельность шляхтича предотвратила переход Речи Посполитой на сторону еретиков [Sapiecha 1723. Cz. 2, p. 7–73]. На этом заканчивается история святотатства, как ее приводит Я.Ф. Сапега. Рассмотрим сейчас отдельные моменты в других источниках.

Начало стройки коденского храма св. Анны в 1629 г. подтверждается источниками, Сапега и его жена также отдали большую сумму денег на создание госпиталя и приюта для бедных [ANK. Ф. 29. Оп. 657. Д. 975, л. 1]. Болезнь Николая в следующем году не находит отклик в доступных материалах того времени, однако сохранилась информация о том, что какой-то Николай Сапега на Кодени серьезно заболел в 1621 г. [Wogowik 1622, л. F2]. Краткость записи не позволяет точно выяснить, какой из носителей этой фамилии пострадал, но учитывая географическое определение «на Кодени» можно склониться к выводу, что скорее всего болел наш Николай Сапега. Страдая долгой и мучительной лихорадкой Сапега при свидетельстве своей родственницы Софьи Пац, молился к чудотворной иконе Божией Матери, находившейся недалеко в селе Жировичи (собственной иконы у него пока не было. — *Здесь и далее прим. автора*), и обещал совершить паломничество в жировичский монастырь. Болезнь сразу уступила и Сапега потом посетил святыню [Ibid.].

Изучая дальнейшее повествование о его жизни, приходим к моменту путешествия в Рим и непосредственно кражи иконы. Ватиканские архивы сведений о подвиге Сапеги не содержат, также неизвестна информация об утере любой части фонда, в котором бы могли храниться замечания к этой истории. Учитывая, с какой тщательностью папская курия вела свои документы, возможность того, что канцелярия забыла отметить пропажу образа, можно фактически исключить. История о происхождении образа от св. апостола Луки также является выдуманной: перед коронацией образа требовалось показать его древность, и приписка авторства евангелисту была одним из вариантов подтверждения архаичности [Duwan 2014, p. 92]. Современные историки искусства слоняются к мнению, что образ был написан во 2-й пол. XVI в. в Испании [Sapięha 1995, p. 12; Tjomański 2009, p. 47]. Николай Сапега, как многие другие аристократы того времени, совершал грантуры по Европе, в течение нескольких лет (1608–1613 гг.) посещал немецкие, итальянские, французские и испанские города. В Испанию вернулся еще в 20-е г. XVII в., а в 1625 г. уехал на три года в Италию [Tjomański 2009, p. 47; Frick 2013, p. 151]. Возможно, образ был куплен во время путешествий и позже помещен в алтарь коденского храма. Изучая собранную переписку между папской курией и Владиславом Вазой, не находим ни слова про Николая Сапегу и просьбу короля снять с него анафему [Kognowicki 1790, p. 386–395], корреспонденция Сапеги с представителями Рима о возвращении иконы также не существует.

Переходим к следующей завязке — столкновению Сапеги и правителя Речи Посполитой за руку принцессы-протестантки. В ноябре 1634 г. должен был состояться сейм, на котором Николай Сапега, якобы, выступил против замыслов короля. Однако в этом месяце никакого сейма не было. Придерживаясь дневника канцлера великого литовского, князя Альбрехта Станислава Радзивилла, который в качестве заместителя короля участвовал во всех политических собраниях в Польше до своей смерти в 1656 г., можно утверждать, что король поднял вопрос заключения брака с Елизаветой Богемской на сейме в марте 1635 г. и декабре того же года [Raczyński 1839, p. 245–250, 274–285]. Оба раза его план подвергался жесткой критике, идея брака короля с еретичкой вызывала открытую злобу среди представителей церкви. Радзивилл перечисляет всех епископов, выступивших против Владислава Вазы, и таким же образом перечисляет аристократов, выразивших свое несогласие. Среди них находим Станислава Лубенского, епископа плоцкого, назвавшего отца невесты «изгоем, продавшим душу дьяволу» [Ibid., p. 1790, p. 276] или Филиппа Волуцкого, воеводу равского, который «пригрозил самому королю адом» [Ibid., p. 280] если тот заключит брак с протестанткой. Имя Николая Сапеги князь Радзивилл называет лишь единожды, в марте 1636 г., когда тот прибыл как великий хорунжий литовский на собрание

земского трибунала в Вильно [Ibid., p. 300]. Вполне возможно, что Сапега, как истинный католик, занимал отрицательную позицию в вопросе выбора Елизаветы в качестве супруги короля. Так или иначе его мнение не сохранилось в источниках, в отличие от точки зрения большинства должностных лиц в Литве. Папский нунций Гонорий Висконти, который в сочинении Я.Ф. Сапеги лично воспеваает храбрость Николая, оставил после себя обширное сообщение о ситуации в Речи Посполитой, отправленное в июле 1636 г. Урбану VIII [Albertrandy 1864, p. 187–272]. Висконти отмечает твердую и непримиримую позицию польской католической шляхты по поводу брака короля с протестанткой. Однако и среди его списка самых громких критиков Николай Сапега опять не встречается, аналогично отсутствует хоть какая-нибудь заметка об отдельной благодарности за мужественное выступление против Владислава Вазы.

Заключительное действие — второе паломничество в Рим в 1636 г. — можно считать единственным достоверным событием из всего рассказа о краже иконы. В этом году Николай Сапега действительно посетил столицу Папской области, о чем докладывают счета за это путешествие, откуда привез выдающееся количество реликвий [Sapiecha 1995, p. 48]. Чудотворного образа среди них не нашлось. Подводя итоги, можно сказать, что история написанная младшим Сапегой — выдуманная семейная легенда, созданная, чтобы, во-первых, расширить культ чудотворной Божией Матери Коденской и, во-вторых, закрепить связь образа с родом Сапег. Первое издание в 1720 г. Сапега опубликовал под псевдонимом аббата Якова Валицкого, чтобы, используя авторитет римско-католической церкви, создать впечатление постороннего и объективного взгляда на историю образа, что получилось весьма удачно (*в течение XIX в. историки не отождествляли Валицкого с Сапегой*). В своем сочинении Ян Фридерик ссылается на список чудес и вотивных предметов, подаренных иконе во 2-й пол. XVII в., который удачно сгорел (*если вообще когда-то существовал*) во время большого пожара Кодени в 1680 г., когда весь храм сильно пострадал [Sapiecha 1723. Cz. 2, p. 120–130]. Даже в случае, что такой список существовал, действия короля, нунция и папы не отражаются в других источниках того времени. Воспоминания Гонория Висконти и князя Радзивилла не припоминают Николая Сапегу в вопросе возможности бракосочетания короля с лютеранской принцессой, римские документы не сообщают о краже. Если бы данный образ на самом деле был похищен из папской часовни, вряд ли бы папы Климент IX и Иннокентий XIII в нач. XVIII в. дали согласие на коронацию коденского образа, не требуя его возвращения в Рим. Благодаря Николаю Сапеге был в Кодени создан каменный храм св. Анны, в котором в 1636 г. с благословения епископа луцкого Богуслава Радошевского поместили чудотворный образ Матери Божией Коденской. Его коронация была третьей на террито-

рии Речи Посполитой после Ченстоховской (1717 г.) и Тракайской (1717 г.). Неизвестно, откуда появился коденский образ, но повесть об отчаянном удалестве и побеге из Рима, по всей вероятности, создана искусственно и не отражает историческую истину.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Albertrandy J. Ch. Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. 2. Berlin; Poznań, 1864.

Archiwum Narodowe w Krakowie [ANK]. Ф. 29. Оп. 657. Д. 975.

Borowik T. Historia abo powieść zgodliwa przez pewne podanie ludzi wiary godnych o obrazie przyczystey Panny Mariey zyrowickim cvdotwornym. Wilno, 1622.

Kognowicki K. Życia Sapiehów i listy od monarchów, książąt i różnych panujących do tychże pisane. T. 1. Wilno, 1790.

Raczyński E. Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła Kanclerza W. Litewskiego. T. 1. Poznań, 1839.

Sapieha J. F. Monumenta albo zebranie starozytnych ozdob Przenaayswiętszey Bogarodzicy Panny Maryi. Cz. 1, 2. Sandomierz, 1723.

Walicki J. (=Sapieha J. F.) Hystoria Przewracanego obrazu kodeńskiego. Toruń, 1720.

Augustyniak U. Historia Polski 1572–1795. Warszawa, 2008.

Baliński M., Lipiński T. Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana przez Michała Balińskiego i Tymoteusza Lipińskiego. T. 3. Warszawa, 1846.

Ciesielski T. Koronacje cudownych obrazów w osiemnastowiecznej Rzeczypospolitej // Cywilizacja prowincji Rzeczypospolitej szlacheckiej. Bydgoszcz, 2004.

Dywan T. Kształtowanie kultury prowincjonalnej w katolickich sanktuariach maryjnych na kresach południowo-wschodnich dawnej Rzeczypospolitej. Łódź, 2014.

Frick D. Kith, Kin, and Neighbors: Communities and Confessions in Seventeenth-Century Wilno. Ithaca, 2013.

Fridrich A. Historye cudownych obrazów Najświętszej Maryi Panny w Polsce. T. 3. Kraków, 1908.

Nowakowski E. Z. Częstochowa w obrazach historycznych. Kraków, 1898.

Pruszkowski J. Kodeń Sapiehów, jęgo kościoły i starożytny obraz Matki Boskiej Gwadelupeńskiej. Kraków, 1898.

Sapieha E. Dom Sapieżyński. T. 1. Warszawa, 1995.

Szydzelski S. Słów kilka o obrazie Najświętszej Maryi Panny Łaskawej w katedrze lwowskiej. Lwów, 1906.

Tłomacki A. Sapiehowie kodeńscy: historia rodu od kolebki do współczesności. Warszawa, 2009.

D.L. Vysloužilová
Brno (Czech Republic)
Masaryk University

“FROM THE POLISH KING FOR POPE URBAN:
PLEASE FORGIVE THE ACTIONS OF THAT VIGOROUS LORD”:
THE SACRILEGE OF MIKOŁAJ SAPIEHA IN WRITTEN SOURCES

In 1723, in the city of Kodeń, which belonged to the noble Sapieha family, a canonical coronation of the miraculous image of Our Lady of Kodeń took place. To honor this liturgical rite, Jan Fryderyk Sapieha published the manuscript, where, for the first time, a legend about Mikołaj Sapieha, nicknamed the Pious, appeared. According to the text, the Polish magnate Sapieha stole this icon from the private chapel of Pope Urban VIII in Rome. In this article, this story of Sapieha is subjected to a critical analysis in order to decide whether this legend could be true, based on an analysis of the written sources of that time.

Keywords: Polish–Lithuanian Commonwealth, Sapieha family, Mikołaj Sapieha, coronation of miraculous images, Our Lady of Kodeń.

Е.М. Попова
г. Великий Новгород (Россия)
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

**«ПСКОВ И НОВГОРОД СТОЯТ В НЕЛЮБВИ»:
ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДВУХ ГОРОДОВ
В ПЕРИОД ШВЕДСКОЙ ОККУПАЦИИ НОВГОРОДА**

Смутное время в России нач. XVII в. разделило бывших соседей: Псков и Новгород. Несмотря на то, что Псков и Новгород «стояли в нелюбви», в документах, повествующих о событиях шведской оккупации Новгорода, информация о Пскове, псковичах, безусловно, встречается. В данной статье автор, опираясь на документы Новгородского оккупационного архива и посольские документы РГАДА, рассматривает, какое внимание уделялось Пскову и псковичам в период шведской оккупации Новгорода, когда в городе управлением занималась шведско-новгородская администрация во главе с Якобом Делагарди, а в Пскове власть находилась в руках самозванца Лжедмитрия III. Автор учитывает стремление шведов поставить под контроль псковские территории и уделяет важнейшее внимание вопросу, касающемуся контекста упоминания Пскова и его жителей в этот период, отношений посадских жителей соседних городов, ведению идеологической работы шведской верхушки с населением. В ходе исследования автор предлагает собственную классификацию, связанную с кругом вопросов и аспектов, касающихся Пскова в условиях разделения власти в Северо-Западной части России, и делает вывод о сохранении контактов между населением Пскова и Новгорода, несмотря на запреты, чинившиеся представителями администрации, а также о том, что наибольшее число дел содержательно относится к взаимной миграции населения и разбоям.

Ключевые слова: Великий Новгород, Псков, русско-шведская администрация, Смутное время, Якоб Делагарди, шведская оккупация.

Смутное время в России нач. XVII в. разделило бывших соседей: Псков и Новгород. Первый оказался под контролем самозванца казака Сидорки, более известного как «Псковский вор» Лжедмитрий III [Тюменцев 2010, с. 119], а последний — под управлением шведской администрации, которую возглавил Якоб Делагарди, шведский военачальник, тешивший себя

мыслью о создании родственной боковой ветви шведской королевской династии на русском Северо-Западе [Cordt 1892, s. 6].

Несмотря на то, что Псков и Новгород «стояли в нелюбви» [RA, NOA. Series II: 180, л. 3], в документах, повествующих о событиях шведской оккупации Новгорода, информация о Пскове и псковичах, безусловно, присутствует и встречается. В данном случае, интересно выяснить, в связи с какими событиями и аспектами Псков и его жители чаще всего упоминаются в новгородских документах: в первую очередь, в документах Новгородского Оккупационного архива и части этого фонда (Коллекция С.В. Соловьева), которая хранится в Санкт-Петербургском институте истории РАН [Коваленко 1988, с. 179–183]. Некоторые данные представлены также в документах РГАДА, однако стоит понимать, что в собрании архива в меньшей мере представлены бытовые сюжеты, нежели посольские документы.

Проведя анализ источниковой базы, нам удалось установить, что документы условно можно разделить на следующие примерные тематические блоки:

1) обоснование необходимости военных кампаний против Пскова, и их подготовка шведским королем Густавом II Адольфом [РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Р. 2. Д. 7, л. 14–16] и новгородским наместником Якобом Делагарди [RA. NOA. Series II: 180, 231, 286, 294]. В документах данной группы повествуется о причинах надобности военной кампании, о денежных суммах, объемах фуража и хлеба, которые необходимо было собрать с крестьян и посадского населения: «...с Ноугородцким государством не в соединении и не в любви. И те города учнут подводит под Новгородцкое государство и под королевичеву державу. И хочет он Яков и сам з них Новгородцкое государства за всяких людей по своему обету голову свою положить. И дали бы оне ево ратным людям денег на подъем, не жалея себя и не скорбя о том, а коли воры или польские и литовские люди ими овладеют и им в те поры тяжеле тово будет. А будет на подъем денег они гости всякие и люди дати вскоре не похотят, потому что собрати вскоре денег немошно. И они б гости или которые лутчие люди дали ему Якову взаимы денег взять где-нибудь и что дать рантым людям, чтоб их учинити на недругов хотных... Кузмодемьяны улицы. На Гришке скотнике рубль. На Михаиле Сысоеве полполтины... Росписи Софийской стороны сколько в которой улице на ком именем взяты накладных денег для походу на вора неметцким ратным людям» [Ibid. Series II: 180, л. 3–7 об.].

2) незаконные контакты новгородских посадских людей и сельских обывателей Новгородской земли с жителями Пскова: торговля [Ibid. Series II: 20], совместные действия криминального характера (ограбление судна английского посла [Архив СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. Д. 659, 660, 661;

Акты, относящиеся... 1884, с. 271–276]¹, укрывательство псковских воров [RA. NOA. Series II: 164], хранение денег Лжедмитрия III, в дальнейшем украденных и пропавших [Ibid. Series II: 40]). Самым громким делом о «преступной торговле» стал документ о контакте псковских торговых людей со старорорушанами: «...приставают в них изо Пскова торговые люди и закупают всякие товары: кожи, и сало, и пеньку, и лен...а велено псковичам товаров никаких не продавать...» [Ibid. Series II: 20, л. 4]. Псковичи, фигурировавшие в делах данного блока, судя по документам, также как и новгородцы должны были отправиться под юрисдикцию новгородской администрации, поэтому Якоб Делагарди велел проводить сыск и в их отношении.

3) допросы о ситуации в Пскове, о новостях из «недружественного города» среди новгородцев, побывавших в Пскове или других городах (Москве, Смоленске) [Ibid. Series II: 21, 39, 193]. В том числе некоторые люди были пойманы специально с целью допроса: «...под Смоленском стоят ратные люди, а иных вестей ничего не ведают. А про Псков ходят псковские челобитчики, а о чем бьют челом не ведают. А он клялся Христовым именем» [Ibid. Series II: 39, л. 1].

4) запрет на подстрекательство к мятежу: «...из Новеграда не уезжати никуда и живучи в Великом Новегороде бездельных и смутных речей никаких не вещати. И Московского государства, и с псковскими людьми, и с ыными ворами никакого дурнова письма не имать...» [Ibid. Series II: 22, л. 1].

5) расспросные речи приезжих псковичей в Новгород. Характер допросов условно можно разделить на основные подгруппы:

а) псковичи дают обещание, что они не будут поднимать мятеж против Карла Филиппа и шведской администрации [Ibid. Series II: 351, л. 420 об.];

б) псковичи просят у новгородской администрации выдать деньги на определенные личные нужды, например, на постриг [Ibid. Series II: 71]² или просят правительство Делагарди–Одоевского о наделении имуществом, чаще всего земельным наделом, т.к. в основном, все принадлежавшие им ранее сбережения остались в Пскове, ввиду службы разным людям [Ibid. Series II: 113, 226, 351, 362].

б) документы об изъятии имущества у новгородцев, отбивших в Псков, пересмотр права владения землей предателей, а также само упоминание о бегстве новгородцев в соседний город [Ibid. Series II: 32, 34, 57, 65, 112, 125, 145, 151, 153, 172, 181, 233, 237, 249, 270, 304, 315, 316, 324]. В данном блоке Псков фигурирует как место, в которое бегут «предатели».

¹ Часть документов по этому делу была изучена и опубликована нами [Попова 2018, с. 65–69; 2022, с. 90–103].

² См. приложение 1 к данной статье.

7) поручительства новгородцев за своих соседей, знакомых и близких людей в том, что они не будут сбегать в Псков или другие города [Ibid. Series II: 41, 158, 175, 208]. Данные поручительства в том числе касались новокрещенов: «...ему за нашею порукою впредь служить государеву службу с тотаре новокрещены вместе. И к Москве, и во Псков, в московские города, к вором не отъехать и не изменити...» [Ibid. Series II: 41, л. 3].

8) жалобы новгородцев в связи с нападениями псковичей на новгородцев, на их военные кампании и разбои [Ibid. Series II: 42, 50, 51, 55, 98, 99, 100, 193, 204, 286, 366]. Тексты челобитных впечатляют своей красочностью и эмоциональностью: одного крестьянина псковские разбойники «схватили в лесу, пытали и сожгли» [Ibid. Series II: 193, л. 3], других ограбили или повредили имущество: «И его де на дороге поймав псковские шиши ограбили с Ондреем Белым и с иными, хто с ним вместе ехал. А грабежу де у него взяли хлеб, который он вез из поместья, да трое лошадеи...ограбя де его и Ондreja Белого те шиши отпустили в Новгород» [Ibid. Series II: 204, л. 2; 366], а кого-то не отпустили, а взяли в плен и увезли в Псков [Ibid. Series II: 286, л. 4], в пограничной зоне захватывали землю: «Поместье...у меня было в Шелонской пятине в Которском погосте, и тем поместьем не владею, а владеют псковские воры» [Ibid. Series II: 98, л. 2; 99; 100], иногда действовали не только местными разбойничьими и казачьими шайками, а совместно с литовскими людьми и казаками [Ibid. Series II: 51].

9) упоминание Пскова исключительно в роли географического объекта — «дорога на Псков» [Ibid. Series II: 356, л. 47–48].

В ходе источниковедческого анализа нам удалось классифицировать ситуации, в которых упоминается Псков и псковичи, в девять условных тематических блоков. Подводя итог, стоит отметить, что больше всего документов с упоминанием Пскова и его жителей, а также их контактов с новгородцами, касаются взаимной миграции из Пскова и Новгорода, а также связанных с ней вопросов конфискации и наделения имуществом. Второй наиболее емкий блок, изученный нами — преступные действия, разбои, чинившиеся псковскими «шарпальниками» и «шишами» в отношении новгородцев, однако немалое количество дел связано с совместными преступными действиями соседей. Хотелось бы отметить, что новгородцы, находясь в ситуации общего нагнетания обстановки противостояния Пскову, которую подогревали шведские власти, активно использовали возможность переложить свою вину или беды на соседних псковичей. Довольно часто можно наблюдать неплатежеспособность местного населения из-за нападений и грабежей псковичей, однако всегда ли озвученные версии являлись истиной — остается большим вопросом. Все остальные тематические блоки представлены в равной степени небольшим количеством документов, однако не менее ярким по содержанию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 3. СПб., 1884. № 330.
Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук [Архив СПбИИ РАН]. Кол. 124. Оп. 1. Д. 659, 660, 661.

Российский государственный архив древних актов [РГАДА]. Ф. 96. Оп. 1. Р. 2. Д. 7.
Riksarkivet. Ockupationsarkivet från Novgorod [RA. NOA]. Series II: 20, 21, 22, 32, 34, 39, 40, 41, 42, 50, 51, 55, 57, 65, 71, 98, 99, 100, 112, 113, 125, 145, 151, 153, 158, 164, 172, 175, 180, 181, 193, 204, 208, 226, 231, 233, 237, 249, 270, 286, 294, 304, 315, 316, 324, 351, 356, 362, 366.

Коваленко Г.М. Архивные изыскания С.В. Соловьева в Швеции // Скандинавский сборник. 1988. Т. 32.

Попова Е.М. К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время // Ученые записки УО «Витебского Государственного университета им. П.М. Машерова». Т. 28. Витебск, 2018.

Попова Е.М. «А посолские де писма...все в воду пометали»: опыт изучения одного преступления в Новгородской земле в начале XVII века // Saurus. 2022. Т. 1. № 1.

Тюменцев И.О. Рождение самозванчества в России в начале XVII века // Самозванцы и самозванчество в Московии. Будапешт, 2010.

Cordt B. Zur Geschichte des Adelsgeschlechts und Familienarchivs der Grafen de la Gardie. Dorpat, 1892.

Приложение 1

Челобитная Семейки Матюшкина о выдаче денег на постриг

Текст публикуется по столбцам, хранящимся в Стокгольме, в Новгородском оккупационном архиве (RA. NOA. Series II: 71. 92 л). Текст челобитной расположен на 1 листе с оборотом (л. 19–19 v). При публикации титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку. Устаревшие буквы не используются, ь и ъ знаки вносятся в текст. Пунктуация, деление на фразы и абзацы принадлежат публикатору. Для уточнения географических названий, имен собственных вводится примечание автора. Дата отсутствует (судя по обращению челобитчика – 1611 г.).

Л. 19. Велеможново и высокороженново князя и государя Карла Девятого (Карл IX. — Прим. авт.) Свитцкого (Шведского), готцкого, венденского короля и его королевского величества большому боярину и ратному воеводе Якову Пунтусовичю Делегарде, вольному господину в Екхольме, и в Колке, и в Рунсе и Московского и Наугоротцкого государства боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому бьет челом псковской помещик Семейка Матюшкин. Служил, государи, я всякие службы бывшим государем и царям пятьде-

сят лет, а ныне, государи, я обнищал, животишка мои все во Пскове и поместье, а я волочусь в Новгороде. Другой год стар и болен конечен, а призрите меня, бедново, некому. Покажите, государи, милость, бояре, пожалуйте меня для мои бедности и разореня, и старости на пострижене и чем душа погрести, как вам, государем, бог известит. Государи, бояре, смилуйтесь.

Л. 19 об. Дати на пострижене и на похороны рубль.

E.M. Popova

Veliky Novgorod (Russia)

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

“PSKOV AND NOVGOROD STAND IN DISLIKE”:
THE HISTORY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE TWO CITIES
DURING THE SWEDISH OCCUPATION OF NOVGOROD

In the article, the author, relying on the documents of the Novgorod Occupation Archive and the embassy documents of the Russian State Archive of Ancient Acts, examines what attention was paid to Pskov during the Swedish occupation of Novgorod, when the Swedish-Novgorod administration headed by Jacob Delagardi was in charge of the city, and in Pskov the power was in the hands of the impostor False Dmitry III (Pseudo-Demetrius III). The author takes into account the desire of the Swedes to put the Pskov territories under control and pays the most important attention to the issue concerning the context of mentioning Pskov and its inhabitants during this period, the relations of the townspeople of neighboring cities, the conduct of ideological work of the Swedish elite with the population. In the course of the study, the author offers his own classification related to the range of issues and aspects related to Pskov in the conditions of power sharing in the Northwestern part of Russia, and concludes that contacts between the population of Pskov and Novgorod remain, despite the prohibitions imposed by representatives of the administration.

Keywords: Veliky Novgorod, Pskov, Russian-Swedish administration, Time of Troubles, Jacob Delagardi, Swedish occupation.

СЕКЦИЯ «СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА»

Nguyen Tran Tan Hiep, Duong Thanh Nhan
Тюмен (Russia)
University of Tyumen

COMPARE THE POLITICAL INSTITUTIONS OF WESTERN EUROPE AND VIETNAM IN THE EARLY FEUDAL PERIOD

Feudalism is a social system born after slavery, it reflects a new development step of human society. In this regime, a new social conflict between serfs and landlords was formed and was the decisive factor in all issues from economy, politics, culture, society... However, there are clear differences between feudalism in the East and the West, especially in terms of political institutions. In this article, the authors want to compare the similarities and differences in political institutions in the early feudal period between the two regions of Western Europe and Vietnam. These are two typical regions representing the East and the West. In the article, the authors focus on exploiting two aspects of political institutions: the fundamental ideology of political institutions and the state apparatus. Due to the economic and cultural differences, right from the early medieval period, the Eastern and Western feudal regimes formed two completely different institutions: with the East representing Vietnam under the monarchy centralized autocracy with Confucianism and Buddhism as the foundational ideologies of this period and a clearly hierarchical model of state with the king as the supreme authority. As for the West, with the typical Western European countries forming a decentralized monarchy with kings and feudal lords, the lords have power in their ruling areas. During this period, Western Europe also choose for itself the main ideology that is Catholic theology and scholastic philosophy.

Keywords: compare, early feudal period, Vietnam, Western Europe.

1. Foundational ideology

Ideology is the beginning of all political institutions. Ideology will regulate the process of formation, development, and decline of a political institution. Right from the feudal period, political ideologies appeared and dominated the Eastern and Western feudal dynasties. However, during this period, political ideologies were often religious in color and had a profound influence on countries, especially in the early feudal period.

Vietnam is a country with a feudal system that was formed quite late (the 10th century). Vietnamese feudalism was formed after the process of fighting for independence from Northern feudalism for 1000 years, so Vietnamese feudalism was greatly influenced by Chinese feudalism.

In terms of ideology, this period appeared two parallel streams of thought that existed and had a profound influence on Vietnamese politics. It is Confucian ideology inherited from Chinese feudalism and Buddhist ideology built and formed during the construction of independent feudalism in Vietnam.

Buddhism and Confucianism were introduced to Vietnam during the Northern colonial period. During the Northern domination period, the Northern feudal groups imported and used these two lines of thought (mainly Confucianism) to invade and erase the Vietnamese culture and turn it into a part of Han culture, turning our country into a district of China. It is undeniable that the negative effects and heavy consequences that the invading Northern feudal groups caused, left the country and the Vietnamese people. However, it is also necessary to recognize the certain role of Buddhism and Confucianism in the formation of the Vietnamese feudal class, in creating and directing the activities of the feudal state apparatus and in building education.

During this period, Buddhism flourished and was considered the central ideology of feudalism. The kings of this period strongly believed in Buddhism and supported the development of Buddhism. Buddhism has a profound influence on politics and society. In building political institutions, Ly Cong Uan — the first king of the Ly dynasty ascended the throne. With his Buddhist roots (because he lived in a temple when he was young), Ly Cong Uan creatively and flexibly applied the spirit of Buddhism to stabilize the government and put forward the policy of governing the country and people, according to the spirit of Buddhism of tolerance and equality.

At the beginning of the Ly dynasty, the monks were also trusted by the court, but when invited to the court, they always had a very clear attitude: do it, but do not rely on power, participate in politics because they want to contribute to the country, not for personal use. This is also the basic political orientation for later Buddhist politicians. Although there are still distinctions in status and caste in society, with the participation of Buddhism in a number of fields such as politics, ethics, education, unity in the court has been created political stability and win the hearts of the people. As King Ly Nhan Tong thought: “A good king incarnated in the middle of the world must help the people. Whatever you do must be done, don’t run away from work; Not only effective in meditation and wisdom, but also in helping the country” [Historical Research Institute... 1980, p. 617–618]. By taking Buddhism as the foundation, the Ly-Tran dynasties built a centralized monarchy and pro-people state, the relationship between the king and mandarins, the ruling class and the people was very friendly and close. This is possible,

because the politics of that time had “benevolent politicians and monastics who knew how to educate the people about the practice of compassion” [*Nguyen Lang* 1992, p. 231–232].

The mandarin team of the Ly-Tran dynasty was divided into four parts: the group of mandarins in charge of politics, the group of mandarins in charge of the military, the group of mandarins who were eunuchs and the group of mandarins who were monks, each group was assigned a power and authority different responsibilities. In which, the group of mandarins is a monk whose role as a spiritual leader has contributed to education and ideological orientation for the ruling class and the whole society. To perfect the feudal state model, the Ly-Tran dynasties began to develop, but despite respecting Confucian intellectuals, the state still affirmed the role of Buddhist intellectuals in politics. The policies of the state always bear the colors of compassion, equanimity, selflessness of Buddhism.

Legal policy of this period was also very humane, reflected in the law “*Hinh Thu*” (Ly Dynasty); “*Quoc Trieu thong che*”, “*Quoc Trieu Hinh Luat*” (Tran Dynasty) (These are the written laws under the Ly and Tran dynasties in Vietnam). Although there are still provisions for dire punishments for serious crimes, the law of this period basically has the humane and compassionate nature of Buddhism: “The law of the Ly dynasty was more lenient, the law of the Tran dynasty was more strict and harsh; But in general, during the Ly-Tran period, the state law still paid some attention to and took care of the interests of the people” [Vietnam Military History Institute... 1994, p. 186]. This shows that the ruling class of the Ly-Tran dynasties believed that what made the dynasty’s strength did not lie in the autocracy of the head, or in the tyranny of the state, but in the intelligence and morality of rulers.

Although not as far-reaching as Buddhism, during this period, Confucianism also had a certain influence in the formation of feudalism in Vietnam. First, the choice of a centralized autocratic monarchy according to the Chinese feudal model showed the influence of Confucianism. Because this is the ideological foundation of Chinese feudalism. Second, the organization of the first talent selection exam under the Ly dynasty with Le Van Thinh passing poinsettia reflected the influence of Confucianism in education and examinations. Gradually Confucian scholars gained greater influence in the court and gradually replaced the Buddhist monks in the next period.

For Western European feudalism, during this period, the prominent foundational ideology was theology and especially scholastic philosophy.

Scholastic philosophy was a translation of the Latin word “*scolasticus*”, meaning school philosophy, because it was a subject that was very important in universities at that time.

Formed around the 11th and 12th centuries, this subject is associated with the names of scholars such as Anselm of Canterbury, Peter Abelard, Alexander of Hales, Albertus Magnus...

The scholastic philosophy is characterized by the application of extremely complicated methods of argument, with great emphasis on formal logic. In general, scholastic philosophers believe that for natural phenomena, you do not need to observe or experiment, but you need to use abstract thinking methods to reach the truth.

However, while studying the general concept, scholastic philosophers have divided into two factions: nominalism and realism. The nominalists believe that the general concept created by human thinking is the name of individual objects and individual objects precede the general concept. Realists believe that before there is an object, the concept of that object already exists. Thus, realism is purely idealism and nominalism is a philosophy with a materialist element. Therefore, although they believe in God, nominalists are often persecuted by the church and withdrawn from their activities, whereas realists are promoted.

2. State apparatus

2.1 The feudal state apparatus in Vietnam

In Vietnam, Over nearly four centuries, the country's management apparatus in the early feudal period of Vietnam has been built in a regular manner, covering all levels and fields and gradually improved in terms of aspects organization from central to local. In order to build a strong aristocratic monarchy political institution, the Ly-Tran dynasties established the state apparatus based on two basic principles: the principle of "linking the clans" combined with the principle of "the right of The king's power is the greatest".

In the central government apparatus in the early feudal period of Vietnam, the Emperor was the holder of all power and theocracy. However, compared with previous dynasties, the level of concentration of power of the king was not high to the level of tyranny. But executive power is widely transferred to intermediary positions in the state, usually positions under the king such as Prime Minister, General...

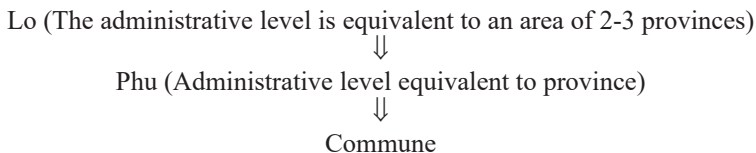
According to the book "Lich trieu hien chuong loai chi", the state apparatus of the Ly dynasty was built with a strict hierarchy and strict staffing. Manifestations in high-ranking officials in the court are divided into two groups: the group of mandarins in charge of politics and the group of mandarins in charge of the military. The group of mandarins in charge of politics holds executive responsibility with the Prime Minister at the top. Under the large groups of mandarins in charge of politics were six ministers who headed six ministries: the Ministry of Justice, the Ministry of Construction, the Ministry of Interior, the Ministry of Finance, the Ministry of Defense, and the Ministry of Education. The group of mandarins in charge of the military includes officials such as generals, marshals, commanders... Headed by a general who has the power to govern the army. The Minister of National Defense is responsible for overseeing the regime of military

service and replenishment of troops, but the mobilization of the army is usually decided by the king or general. In addition to these two main mandarin groups, the state also built specialized agencies such as the Institute of Medicine, the Institute in charge of universities, the Institute of Intelligence... Under the Tran dynasty, the centralized regime was not only restored but also strengthened in all aspects.

The government apparatus of the Ly-Tran dynasties was built on the form of aristocratic monarchy. Based on the principle of “linking the family”, the royal family is a powerful political backer for the king’s power. Its manifestation is that most of the responsibilities in the central system are held by the aristocracy. The princes were sent to rule in important places. Mandarins at all levels were mostly selected with two main methods: nomination and examination. Expressed in the mandarins in the state apparatus, most of them come from the aristocratic class. This was also institutionalized in the law under King Tran Thai Tong, only those who have mandarins and descendants can enter the office; Rich and healthy people without a mandarin will join the army and be a soldier forever. In addition, it is also reflected in a number of policies such as the royal prince, the royal family are respected and encouraged to marry within the family, both to strengthen the stability of the dynasty and to ensure the homogeneity of the family line defending the throne is sustainable.

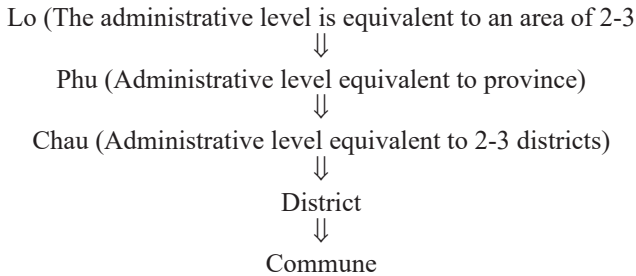
In short, during the Ly dynasty, the mandarins were all from the aristocracy; In the Tran dynasty, all important positions in the court were also assigned to the noble princes of the Tran dynasty. Therefore, the Tran dynasty firmly grasped all key affairs in the court, power was concentrated in the hands of the central state; the centralized monarchy was consolidated one step further; therefore, the state of the Ly-Tran dynasties was an aristocratic monarchy. The Ly-Tran aristocratic monarchy is a state model built on the highest basis of the principle of “linkage of the family”.

The administrative decentralization and organization of local governments at all levels in the state apparatus of the Ly-Tran dynasties were modified and replaced many times. Under the Ly dynasty, local government consisted of 3 levels:



In general, under the Ly dynasty, local administrative levels were not really interested and urged. By the Tran Dynasty, after two reforms of King Tran Thai Tong (1242) and King Tran Thuan Tong (1397) basically, the local government

apparatus had some changes, separation between levels. Local government consists of 5 levels:



It reflects that the state at this time paid special attention, directly to the management hand to the grassroots level; Some important positions in the local government were assigned by the king to the nobles. Under the Ly-Tran dynasties, for the first time, there was a district administrative level.

In the process of organizing the construction of local government in the Ly-Tran dynasties, there are some notable points as follows:

— In the mountainous areas, the patriarchs have great influence, really taking control of the residents of their tribe, the Ly-Tran kings often married princesses and gave titles to the patriarchs, thereby turning the patriarchs into important leaders state institutions in order to consolidate the centralized state power;

— At the administrative level Lo also has officials in charge of the state's dikes and plantations;

— The court has appointed officials to the commune level, but surely there must be a traditional form of management organization within the village and commune that is not recorded in the old history.

From the above fact, it is possible to come to a general statement in the Ly-Tran dynasties, the process of building and consolidating the state apparatus had many changes; The organization of the local state apparatus is more complete...

2.2 The feudal state apparatus in the West

After the conquest of Gaulois, the Frankish state was established. However, under the Merovingian, the state apparatus at that time was very rudimentary. At the central level, under the king were high-ranking mandarins in charge of military, judicial, financial, clerical... However, the division of responsibility was not very clear and fixed.

Under the Carolingians, the state apparatus of the Frankish kingdom became more and more complete. At the top of the mandarin apparatus under the king were the positions of Prime Minister, Archbishop and Great Mandarin in the palace.

The prime minister holds the position of supporting the king, being a secretary of the king. The archbishop is the official who administers the clergy throughout the country. The great mandarin in the court was an official who managed the administrative affairs of the court. Under these officials are officials such as the Marshal, the Chief Justice, the treasurer, the manager of the liquor store, etc.

In the locality, the land in the state is divided according to the feudal domain system.

— The person who is given the land has the responsibility to be loyal to the land donor and must perform military service within 40 years.

— The owners of that territory are all called lords, aristocrats, in which the largest lords are assigned by rank such as: Duke, Marquis, Earl, Viscount, Baron. A duke's domain is usually very large, a marquis' domain usually consists of several counties, an earl's domain is usually composed of 1 county.

Because of this way of allocating land, the regulations on local mandarins are also divided according to administrative units called "Country Counties". The local head earls had full administrative, judicial, financial and military power over their territories. They were given some land by the king and had the right to keep one-third of the court fees. The relationship between the king and the local heads of the earls is that of master — loyal to the master, this relationship is continued according to the hereditary system.

In the border areas, European feudal courts established special administrative units called "border towns". At the head of each border town is an Earl, Duke or Marquis. These border towns were built solid fortresses to serve defense protection. For supervision, the king often sent inspection teams every year to inspect and supervise the activities of the border towns.

REFERENCES

Historical Research Institute: Understanding Vietnamese society during the Ly-Tran dynasties. Hanoi, 1980.

Nguyen Lang. Vietnamese Buddhist History. Vol. 1. Hanoi, 1992.

Vietnam Military History Institute: National defense plan of Ly-Tran dynasties. Hanoi, 1994.

А.Е. Шишкова

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ ПО «АНТАПОДОСISУ» ЛИУТПРАНДА КРЕМОНСКОГО

Статья посвящена исследованию построения женских образов в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского. Данная работа Лиутпранда имела актуальные политические цели и сообразно с ними Лиутпранд выбирал конкретные выражения в описании своих женских персонажей — то есть на их примерах ставится возможным рассмотреть политические взгляды Лиутпранда. В данной статье внимание обращается к ярчайшим женщинам «Антаподосиса»: Берте Тосканской, Мароции, Теодоре, Вилле Тосканской и др.

Ключевые слова: Лиутпранд Кремонский, «Антаподосис», женские образы, Берта Тосканская, Мароция, Теодора, Вилла Тосканская.

2-я пол. IX — 1-я пол. X в. являются непростым временем для всей Западной Европы и Италии в частности. Некогда единая империя Карла Великого раскалывается окончательно [Фазоли 2007, с. 8], на ее территории формируются самостоятельные государства, постоянно происходят завоевательные походы и стычки между правителями различных областей. Церковь переживает свой «темный век», папский престол находится под контролем могущественных семей города Рима. Внешняя обстановка обостряется тем, что южная Италия остается под контролем Византии, арабы совершают походы и пытаются установить свое влияние в регионе, а с северо-востока устремляются в свои разорительные набеги венгры.

В условиях подобной нестабильной политической обстановки, когда получение власти зависело от многих неожиданных факторов, некоторые женщины — жены, дочери, сестры и любовницы знатнейших лиц Италии и соседних королевств, смогли проявить свой сильный характер и острый ум и завоевать существенное влияние [Там же, с. 10].

Удивительно, что из X в. до нас дошел достаточно широкий перечень женских персоналий, активно участвующих в итальянской политике (учитывая, что в большинстве случаев деятельность женщин, какой бы актив-

ной она ни была, остается «за кадром» исторических произведений [История женщин... 2009, с. 7]) — и это благодаря труду незаурядного стилиста Лиутпранда Кремонского, уделявшего неожиданно много внимания историческим деятельницам в своих работах, в частности в «Антаподосисе». В этом заключалась его оригинальная находка, не характерная для авторов-современников. Преследуя те или иные цели, Лиутпранд добавлял к образам известных женщин свои личные впечатления и ассоциации, что делало его героинь настолько живыми, что они и спустя тысячу лет производят неизгладимое впечатление.

Рожденный в Италии, служивший при дворах Гуго Арльского и Беренгара Иврейского, Лиутпранд в нач. 950-х (по-видимому, из-за размолвки с Беренгаром) покидает Италию и устремляется ко двору правителя немецких земель Оттона. Знакомый как с немецкими, так и итальянскими реалиями, Лиутпранд по совету епископа Рецемунда, посланника кордовского халифа [Дьяконов 2006, с. 10] начал создавать (конец 950-х — нач. 960-х) свою историю Европы последнего столетия, воплощая в ней идею «всеобщего воздаяния» («Антаподосис»): поругание для итальянских обидчиков, слава для праведного правителя Оттона и продвижение по службе для скромного труженика пера (этой «карьерной» ступенькой стало для Лиутпранда назначение на кафедру Кремоны [Ануфриева 2015, с. 300–302]).

В соответствии с этими целями Лиутпранд строит образы своих персонажей, и это можно проследить на примере ярчайших героинь «Антаподосиса».

Можно отметить, что образы «положительных» героинь раскрываются довольно скупой, в характеристиках Аделаиды [Лиутпранд 2006, с. 79], жены Оттона, и ее тетки Вальдрады [Там же, с. 52] говорится лишь о их красоте, мудрости и чистоте их нравов. Чуть больше внимания достается Матильде [Там же, с. 80], матери Оттона: кроме вышеупомянутого подчеркивается, что она была верной женой и хорошей матерью.

Лиутпранд интересно использует «положительный» образ Берты Швабской, матери Аделаиды и жены короля Гуго. Ее образ был важен для Лиутпранда именно как жертвы, для формирования образа короля Гуго, который оставил Берту и предпочел своих позорных «блудниц»-наложниц [Там же, с. 79]. Т.е. Берта Швабская для Лиутпранда была образом жертвы, который подчеркивал бесстыдность наложниц Гуго и соответственно порочность его самого.

Из негативных женских персонажей одной из самых ярких является Берта Тосканская, о хитрости и властолюбии которой Лиутпранд говорит неоднократно. Еще при жизни своего второго мужа, Адальберта Тосканского, она влияла на его политику, настраивая его против короля Беренгара I и подталкивая к мятежу в поддержку Людовика, будущего короля Италии.

Затем именно Берта меняет политику графа Тосканы, отвращая его уже от Людовика. После смерти Адальберта Тосканского, когда маркграфом Тосканским стал ее сын Видо, Берта не утратила своих политических позиций, а даже упрочила их. «Хитростью, дарами и любовными интригами сделала она многих верными себе» [Там же, с. 49]. Лиутпранд подчеркивает хитрость Берты, ее неразборчивость в средствах для достижения и упрочения власти.

Интересен еще один пример о Берте, направленный скорее против короля Гуго, ее сына, нежели против нее самой. Лиутпранд передает слух (при этом признавая его недостоверность), что Берта не родила от своего мужа, Адальберта Тосканского, ни одного сына, но тайно подбросила ему Видо и Ламберта, симулировав собственные роды [Там же, с. 71]. Этим слухом позиции Ламберта и Видо серьезно колебались, что было важно для короля Гуго, который находился в конфликте с Ламбертом и запретил ему называть себя братом Гуго (исходя из этой самой сплетни). Т.е. Гуго был готов даже опорочить свою мать, чтобы добиться преимущества в борьбе за власть против Ламберта.

Образу ее дочери, Ирмгарды, посвящен всего один информативный эпизод и пара незначительных упоминаний. Подняв восстание и не пуская короля Рудольфа в Павию, она тайными переговорами сумела рассорить Рудольфа с его союзниками и переманить на свою сторону. Лиутпранд подчеркивает коварство Ирмгарды, ее неразборчивость в средствах для достижения цели, а также с помощью аналогий делает ее образ обратным образу Юдифи [Там же, с. 59–60]. Ирмгарда была сильной личностью, имеющей склонность к политике и плетению интриг [Фазоли 2007, с. 120]. Для Лиутпранда было важно подчеркнуть это (так же, как и ее низкие методы), чтобы тем самым показать слабость короля Рудольфа, которым могла как угодно управлять столь коварная и недостойная женщина.

Мать Теодору и дочь Мароцию из римского рода Теофилактов Лиутпранд несколько раз называет «бесстыдными блудницами». Он сообщает, что Теодора, управлявшая Римом как мужчина, принудила служителя Равеннской церкви Иоанна вступить с ней в преступную связь, за что сделала его сначала епископом Болонским, затем архиепископом Равеннским, а потом папой Римским Иоанном X [Лиутпранд 2006, с. 48]. Этот яркий эпизод показывает бедственное положение католической церкви в тот период, когда пап назначили по прихоти знатной женщины и когда верховные церковные должности занимали недостойные люди, выслуживающиеся перед знатью Рима. Для той же цели Лиутпранд сообщает, что Мароция была любовницей папы Сергия III и родила от него сына (который позже стал папой Римским Иоанном XI [Там же]). Стремясь установить контроль над папским престолом, Мароция вместе со своим вторым мужем Видо Тосканским

(любопытно, что этот человек выступает в «Антаподосисе» как находящийся под влиянием сильных женщин: сначала своей матери Берты Тосканской, затем жены Мароции) организовывает нападение на Латеранский дворец, в результате чего прежний папа Иоанн X, ставленник ее матери Теодоры, был заключен в темницу, где скорее всего был задушен [Там же, с. 69]. Могущественная «правительница Рима» рисковала потерять свои позиции после смерти мужа, Видо Тосканского. Поэтому Мароция отправляет послов к Гуго, чтобы он женился на ней и получил контроль над Римом. Описывая этот эпизод, Лиутпранд неоднократно называет Мароцию блудницей, подчеркивает ее стремление стать королевой, говорит о незаконности этого брака (Видо и Гуго были братьями, она была таким образом женой обоих) и даже посвящает обвинениям в ее адрес целый стихотворный отрывок [Там же]. Этот пример служит как подтверждение упадка Рима и римской церкви (слова об этом Лиутпранд вкладывает в речь Альберика, сына Мароции, свергнувшего ее и изгнавшего Гуго из Рима: «Достоинство города Рима настолько уже оскудело, что повинуетя даже распоряжениям блудниц» [Там же, с. 70]), а также направлен и против Гуго, который готов заключить такой нечестивый брак, чтобы заполучить власть над Римом.

Обратимся теперь к образу Виллы, жены Беренгара Иврейского, недоброжелательницы и гонительницы Лиутпранда. У Лиутпранда были как личные, так и политические мотивы всячески очернять образ Виллы. Лиутпранд говорит о «безмерности ее злодеяний» и «страсти к грабегам» [Там же, с. 57]. Он обвиняет ее в супружеской измене с низким человеком (что бросает тень на законнорожденность ее детей, в частности на сына Адальберта, на активного участника политических событий в Италии в период создания «Антаподосиса»), а затем в обращении к «услугам гаруспиков и знахарей» [Там же, с. 104], чтобы это измену скрыть, т.е. чуть ли не в ведьмовстве. Лиутпранд подчеркивает злой рок, который хранит Виллу и дает ей, ждущей ребенка, пройти зимой через непроходимые горы, и высказывает свое негодование стихотворным отрывком [Там же, с. 95]. При описании деяний Виллы Лиутпранд неоднократно отсылает читателя к другим негативным образам, ставя ее в один ряд с самыми жестокими злодейками (Иезавель, Ламия).

Т.е. Лиутпранд не скупится на оскорбления, красочные сравнения и сплетни, чтобы изобразить «негативных» женских персонажей в самом черном свете и тем самым показать беззакония в Италии, где у власти находятся женщины, причем такие недостойные. Описание же «положительных» героинь куда сдержаннее: зачастую они просто рисуются с типичными «хорошими» чертами и тем самым контрастируют с «негативными» персонажами. Тем самым Лиутпранд всем раздает «по заслугам» и добивается своих целей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь. М., 2006.

Ануфриева А.С. Лиутпранд Кремонский // Православная энциклопедия. Т. 41. М., 2015.

Дьяконов И.В. Введение // Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь. М., 2006

История женщин на Западе. Т. 2. Молчание Средних веков. СПб., 2009.

Фазоли Д. Короли Италии (888–962 гг.). СПб., 2007.

A.E. Shishkova

Moscow (Russia)

Lomonosov Moscow State University

THE IMAGES OF WOMEN
IN “ANTAPODOSIS” OF LIUTPRAND OF CREMONA

The article is dedicated to the research of constructing of women’s images in “Antapodosis” of Liutprand of Cremona. This work of Liutprand had actual political purposes and according to them Liutprand chose specific expressions in description of his female characters — so on their examples it is possible to consider the political view of Liutprand. This article pays attention to the brightest women of “Antapodosis” such as Bertha of Tuscany, Marozia, Theodora, Willa of Tuscany etc.

Keywords: Liutprand of Cremona, “Antapodosis”, images of women, Bertha of Tuscany, Marozia, Theodora, Willa of Tuscany.

Д.Э. Базяева
г. Казань (Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ЮДИФИ)

В статье рассматривается влияние традиционных англосаксонских представлений об образе война и лидера на формирование христианских женских образов на примере репрезентации в англосаксонской литературе Раннего средневековья ветхозаветной героини Юдифь. Анализируются специфика интерпретации героини-женщины на основе представлений о гендерных ролях в англосаксонском обществе.

Ключевые слова: Раннее средневековье, гендерная история, англосаксонская культура, Ветхий Завет, Юдифь.

В современном обществе исследование гендерной проблематики становится частью практически всех гуманитарных и социальных наук. В данном контексте на первый план выходят вопросы, связанные с изменениями представлений о роли и месте женщины в обществе в различные исторические периоды. Раннесредневековое понимание пола и гендерных различий неразрывно связано с социальными явлениями, в частности, с войной, где мужчины проявляли себя в роли храбрых и воинственных защитников [Klein 2012, p. 41]. Вторым фактором, влиявшим на гендерные представления в Раннее средневековье, было, безусловно, христианское учение. Библейская женщина-героиня представлялась непорочной, смиренной, преданной Богу и живущей праведной жизнью [Амвросий Медиоланский 1901, с. 39; Пруденций 2012, с. 34].

В англосаксонской Британии (ок. 450–1066 гг.), во времена, когда библейские сюжеты служили источником вдохновения для поэтов, различий между биологическим полом и гендером не проводилось [Green 2019, p. 89]. Но, несмотря на это, представление о мужественности того или иного героя выстраивалось на основании совершенных им боевых подвигов [Ibid, p. 90]. Военная обстановка была определяющей для англосаксов, большая часть

жизни которых проходила в сражениях. Поэты, пытаясь придать актуальность своим произведениям, наделяли и женские персонажи героическими характеристиками. В этой связи большой интерес представляет анализ того, каким представлялся образ женщины с точки зрения гендерных различий в культуре, где доминирует воинственность.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к поэме анонимного автора «Юдифь» [Мельникова 2018, с. 300], чья история предполагает разрыв между стереотипным представлением о женственности и теми действиями, которые она совершает. «Юдифь» необычна тем, что это единственное древнеанглийское стихотворение, в котором женская воинственность играет решающую роль для спасения общины. Это история об отважной вдове, которая, чтобы спасти свой народ, идет в лагерь врагов и обезглавливает их предводителя Олоферна. В данном случае, интересно то, как героиня ветхозаветной истории в интерпретации англосаксонского поэта проявила себя в действиях «на мужском поле», связанном с проявлением агрессии во имя высшей цели.

С самого начала повествования поэт создает женственный образ героини путем представления персонажа согласно традиционным женским атрибутам. Юдифь описывается как «Дева», «женщина» или «жена» [Сынковский, строки 14, 55, 57, 104, 109, 125, 254, 341]. Ее женственности способствует и внешняя атрибутика «браслетами убранную, кольцами украшенную» [Там же, строка 36]. Юдифь упоминается в первую очередь как «женщина чистая», «дева пречистая», а не как вдова [Там же, строки 58, 35], что свидетельствует о ее уязвимости перед лицом потенциального насильника Олоферна. Женственность дает Юдифи возможность соблазнить захватчика и проникнуть в шатер врага. Героиня пассивно выжидает в роли жертвы, не предпринимая никаких действий до момента обезглавливания Олоферна.

Сцена обезглавливания служит переломным моментом для переплетения в образе Юдифи женских и мужских качеств, она перемещает Юдифь на традиционно мужскую арену войны. С изменением контекста героиня вынуждена взять на себя мужскую роль. Этот момент можно интерпретировать как своего рода обратное насилие. Здесь женщина проникает в мужское тело, не позволяя совершить подобного действия мужчине. Таким образом, теперь она занимает доминантное положение по сравнению с Олоферном, который представлен в поэме как сильный и грозный воин. Убийством вдова узурпирует данную роль. Автор всячески пытается продемонстрировать те действия Юдифи, которые доказывают ее силу и героизм. Особенно это заметно в моменте убийства грозного Олоферна, когда Юдифь берет злодея за волосы и первым ударом рассекает ему шею до половины, а вторым лишает головы [Там же, строки 99–110]. Но стоит отметить, что сражение против Олоферна происходит не на публичном поле, не на поле боя, как это

традиционно происходит в героических эпосах между мужчинами, а в шатре, на частной территории, без посторонних глаз. В этом моменте Юдифь еще ассоциируется с женским началом, так как во многом именно на частной территории женщины влияли на мужчин, например, давая советы [Рябова 1999, с. 62–63]. С одной стороны перед нами жестокий акт насилия, но с другой стороны он происходит в месте, которое подвластно именно женщине. А легитимирует соединение в образе Юдифи женщины и воина сам Бог, к которому Юдифь обращается, ища поддержки перед убийством [Сынковский, строки 84–95].

В дальнейшем, продолжая следовать канонам героики, анонимный автор демонстрирует доказательство победы героини, ее успех как воина: «Приказала премудрая, златом прибранная, служанке своей, деве смышленной, воестранника из мешка голову вызволить, да показать градожителем знак кровавый, Как, мол, в сраженье она преуспела» [Там же, строки 171–175]. Этим жестом она входит в мужское пространство, в котором хвастовство добычей и победой обязательны и повышают статус война. Но Юдифь все еще в украшениях, она не отвергает роль женщины. Демонстрация людям окровавленной головы олицетворяет ее доминирование над врагом и желание вести за собой народ. Прибывшая в Ветилу Юдифь — это изменившаяся женщина. В ней все еще сохраняется женское начало, но к этому добавляются и мужские качества, такие как храбрость и мужество. Теперь сложнее определить конкретную гендерную роль героини.

Эту андрогинность Юдифь использует для повышения своей власти в глазах ветилуанцев. Более того, она напрямую играет роль лидера, когда призывает жителей сражаться с армией Олоферна и произносит воодушевляющую речь: «И теперь у щитоносцев, у мужа каждого — из горожан — я вопрошаю, готовы ли выступить они на ратище?» [Там же, строки 188–189]. Она дает воинам подробные и конкретные инструкции о том, что им следует делать, скорее, как военачальник, который составляет план битвы [Guenther 2002, p. 9]. Героиня не просто говорит гражданам выйти и убить всех ассирийцев, которых они встретят на своем пути, а призывает лишить жизни именно вождей и воевод. Подобная речь демонстрирует наличие у Юдифи определенной военной стратегии. Также стоит отметить, что говорит лишь она одна, а ее люди, включая мужчин-воинов, представляют собой пассивную аудиторию, ожидающую ее указаний [Ibid, p. 10]. Юдифь направляет свой народ, но в сражении не участвует. Автор ограничивает ее в этой роли. Она как мудрая женщина дает советы на частной территории.

Последнее замечание не умаляет ее лидерской роли и ее авторитета. Ибо сами жители Ветулии считают вдову своим предводителем, поскольку после победы над ассирийскими захватчиками, они вручают ей военные трофеи в виде меча Олоферна и его окровавленного шлема [Сынковский,

строки 335–339], которые являются символами лидерства ассирийского захватчика. Она, украшенная преподнесенным золотом, занимает место вождя, а ее материальное богатство отражает ее мощь. С признанием своего народа Юдифь подтверждает свою власть и лидерство именно в мужской роли. Так как вместо того, чтобы оставаться олицетворение власти женской, с помощью которой она соблазнила Олоферна, Юдифь теперь, наделенная военными трофеями, обретает мужской властный статус. Она украшена не только золотом, но и личным достоянием Олоферна: его доспехами и мечом. Юдифь буквально лишила Олоферна его власти, его меча, его мужского достоинства, переняв все это на себя.

На протяжении всего произведения Юдифь наделяется силой и властью, сущность которой изменяется в зависимости от ситуации и той гендерной роли, которая максимально соответствует данной ситуации. В акте соблазнения Олоферна, который в итоге ведет к победе над врагом, решающая сила Юдифи заключается в ее женственности. Принимая на себя мужскую роль, Юдифь обезглавливает захватчика и буквально овладевает его головой и оружием. Можно предположить, что у англосаксов было сложное понимание связи гендера и власти. Место и роль женщины в контексте властных отношений могли изменяться в зависимости от конкретной ситуации.

Для англосаксов половые различия были прочно соединены с действиями, поведением, обычаями и одеждой, связанными с духом воинственности. Создавая женщину-воительницу, способную брать на себя социальные роли, принадлежащие к обоим полам, и прославляя способность женщины побеждать на традиционно мужской арене, арене войны, поэт дает новую интерпретацию женской роли в культуре, где доминирует мужественность. По мере того как стихотворение определяет критерии, необходимые для военного успеха, сама природа воинственности начинает меняться. Успех женщины на традиционно мужской арене проблематизирует связь между мужеством и воинственностью, которая предполагается в англосаксонской литературе. На примере Юдифи мы видим, как литературные персонажи могут превосходить исторически специфическую гендерную идентичность, и как литература прошлого предлагает способ не только освобождения от традиционных гендерных норм, но и создания им возможных альтернатив.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Амвросий Медиоланский.* О девстве и браке. Казань, 1901.
Пруденций. Сочинения. М., 2012.
Сынковский А. Англосаксонская поэма Юдифь. URL: http://britanniae.ru/poem/OE_Judith.htm

Мельникова Е.А. Меч и лира: героический мир англо-саксонского эпоса. СПб., 2018.

Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999.

Green K. The Conversion of Gendered Rhetoric in the Old English Judith poem // *De genere*. 2019. No. 5.

Guenther K. The Old English Judith: Can a Woman be a Hero? // *York medieval yearbook*. York, 2002. No. 1.

Klein S. Gender and Militancy // *A Handbook of Anglo-Saxon Studies*. Oxford, 2012.

D.E. Bazyaeva

Kazan (Russia)

Kazan (Volga Region) Federal University

THE SPECIFICITY OF GENDER REPRESENTATIONS
IN THE ANGLO-SAXON CULTURE OF THE EARLY MIDDLE AGES
(ON THE EXAMPLE OF THE IMAGE OF JUDITH)

The article examines the influence of traditional Anglo-Saxon ideas about the image of a warrior and a leader on the formation of Christian female images on the example of the representation of the Old Testament heroine Judith in the Anglo-Saxon literature of the Early Middle Ages. The specifics of the interpretation of the female heroine are analyzed on the basis of ideas about gender roles in Anglo-Saxon society.

Keywords: Early Middle Ages, gender history, Anglo-Saxon culture, Old Testament, Judith.

А.Г. Рац, М.А. Сабельников, В.М. Бражников

г. Севастополь

Севастопольский гос. ун-т

**РОМАН КРЕТЬЕНА ДЕ ТРУА
«ПЕРСЕВАЛЬ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О ГРААЛЕ»:
ОСОБЕННОСТИ И МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

В статье проанализирован роман всемирно известного средневекового французского поэта, основоположника куртуазного романа Кретьена де Труа «Персеваль, или Повесть о Граале». Сделан вывод о том, что отличает этот, поздний роман автора, от более ранних, а также о том, на какие морально-нравственные качества личности главного героя делает акцент автор.

Ключевые слова: куртуазный роман, средневековая литература, Кретьен де Труа, «Персеваль, или Повесть о Граале».

Кретьен де Труа — виднейший французский куртуазный эпик, создатель артуровского романа. Испытав себя в различных поэтических жанрах — житие святого, лирика, пересказы Овидия — он мастерски овладел жанром куртуазного рыцарского романа. Заимствуя фабулы бретонских сказаний — о короле Артуре и его паладинах — Кретьен далеко отходит от их фольклорной основы, чем в значительной мере отличается от авторов предшествующего периода [История всемирной литературы 1984, с. 555]. В своих произведениях Кретьен стремится показать феодальную современность в хорошем свете. Он фокусирует внимание на пышной, красочной, парадной стороне, совсем не говоря обо всех злодеяниях этого мира, который зиждется на крови и насилии. Все праздничное убранство описано выдающимся писателем достаточно мастерски. Горячо любимые Кретьеном сказочные образы и мотивы — феи, волшебные источники, подводные замки, благодарные львы и прочее — складываются в удивительный калейдоскоп, трансформирующий рыцарство в куртуазную феерию. Однако фантастический мир не является единственным мотивом в творчестве Кретьена. Ему не менее интересны реальные житейские проблемы — об обязанностях рыцаря в семье и обществе, о любви и куртуазии и прочее — вследствие чего произведения Кретьена часто имеют проблемный характер. Все остальное,

например, рыцарские приключения или сказочная фантастика, играет второстепенную роль. При этом можно обнаружить у автора незаурядный интерес к переживаниям личности, которые он описывает и изображает достаточно талантливо и профессионально [Михайлов 1976, с. 113].

Рыцарские романы XII–XIII вв. именуются классическими и сходны по многим параметрам, в числе которых стихотворная форма написания, наличие у главного героя цели приключения, которой может служить достижение личной славы или возвеличивание прекрасной дамы, подробность описания окружения и самое главное — сюжетообразующим аспектом произведения является тема любви. Однако многих классических черт лишен последний, известнейший роман Кретьена де Труа, — «Персеваль, или повесть о Граале». Данное произведение имеет интересную и нетривиальную судьбу. Оно не было закончено, однако, несмотря на это, именно этот роман многие годы привлекает читателей Запада своей мистичной загадочностью и многогранностью затронутых тем.

От предшествующих произведений Кретьена этот роман отличается двумя достаточно любопытными факторами. Во-первых, происхождение, как и имя главного героя романа, до определенного момента не раскрывается. А во-вторых, первый опыт подвигов и побед приходится не на закат карьеры рыцаря, как это обычно бывает, а на его молодые годы. Любовная линия главного героя едва прослеживается и уж точно не является сюжетообразующим аспектом. Ведь Персеваль, в отличие от большинства благородных рыцарей, нежно любивших и служивших своим дамам, довольно быстро забывает о Бланшефлор.

Для начала стоит рассмотреть сюжет произведения. С первых строк Персеваль предстает перед читателем в качестве комичного и забавного героя. Валлиец по происхождению, вооруженный тремя дротиками и облаченный в грубую одежду:

*Рубаху вроде власяницы,
Штаны, что шьют всегда валлийцы* [Кретьен де Труа 2014, с. 23].

Ему были чужды навыки и умения, прививаемые с малых лет будущим рыцарям: физическое воспитание, искусство боя и обращения с оружием, а также правила этикета и культура речи. Отправляясь в путешествие, он вынужден опираться лишь на наставления матери: посещать церковь, у каждого встречающегося на пути человека сначала спрашивать имя, помогать дамам [Там же, с. 24–25].

Первые шаги в процессе становления рыцарем Персеваль делает уже в сознательном возрасте при помощи советов Горнемана де Гора, который разъясняет ему основные положения куртуазного кодекса и обучает искус-

ству рыцарского поединка [Там же, с. 61–65]. Стоит также отметить предшествующий эпизод, когда Персевалю противопоставляется стольник, от которого наш главный герой впервые узнает, как необходимо обращаться с доспехами и получает знания об азах рыцарского боя [Там же, с. 45–48].

Появление Грааля — центральный и во многом переломный момент в жизни героя. Будучи скромным юношей, Персеваль не решается расспросить о происходящей в замке процессии. Утром он просыпается и застаёт замок пустым. Лишь по прошествии времени он узнает, что его скромность сгубила владельца замка и лишила процветания страну. А причиной столь застенчивого характера стало наказание за то, что он разбил материнское сердце, покинув ее [Там же, с. 171]. Следующие подвиги Персевалья олицетворяют искупление греха: он спасает от унижений девицу, победив ее обидчика — Кея. После пятилетнего перерыва автор вновь возвращает нас к жизненной линии Персевалья. За время своих странствий герой отходит от духовных догм и упивается лишь жадой приключений. Не вспоминает он и о своей возлюбленной. Что очень необычно для куртуазного романа, поскольку у Персевалья нет цели странствий, которыми служили слава или сердце прекрасной дамы. Приключение и есть самоцель, ничего более не привлекает рыцаря.

На завершающем этапе своих скитаний герой попадает к отшельнику, где исповедуется и получает долгожданное прощение за свои грехи. В этом эпизоде Кретьен де Труа обозначает божественную сторону служения, которая была не свойственна шаблонам рыцарского романа [Коэн 2010, с. 79]. Она красной нитью проходит через все произведение. Сначала это наставление матери Персевалья, затем их повторяет Горнеман после его посвящения:

*Охотно посещайте храм,
Создателя просите там,
Чтоб душу вашу он призрел
И облегчил земной удел
Как доброму христианину* [Кретьен де Труа 2014, с. 64].

И наконец, их произносит отшельник:

Верь и на Бога уповай [Там же, с. 235].

И советует ему проявлять смирение:

*Перед священником предстань,
Не велика такая дань,
Но Бог оценит, без сомненья,
То проявление смиренья* [Там же, с. 236].

Резюмируя сказанное выше, можно заключить, что, несмотря на незавершенность, «Персеваль, или Повесть о Граале» является достаточно интересным литературным памятником своей эпохи. Роман не соответствует многим критериям, которые характерны куртуазным романам классического периода. Наиболее ярко это прослеживается в сюжетных перипетиях, а также в этических смыслах. Впервые здесь была поставлена на передний план проблема самоотречения. В своем странствии герой не преследует личную выгоду, не стремится достичь славы или любви. Путь становится для него самоцелью. Любовные переживания не являются двигателем произведения, а представляют собой лишь рядовой сюжетный поворот, быстро сменяющийся другими эпизодами на пути рыцаря. Новым веянием, новым взглядом и новой проблемой становится обращение к Богу, что символизирует смирение и необходимость глубокого самопознания. С помощью этого автор смог отойти от общепринятого стандарта романтизации в литературе конца XII ст.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Кретъен де Труа. Персеваль, или повесть о Граале. М., 2014.

История всемирной литературы: В 8 томах. Т. 2. М., 1984.

Коэн Г. История рыцарства во Франции: этикет, турниры, поединки. М., 2010.

Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976.

A.G. Ratz, M.A. Sabelnikov, V.M. Brazhnikov
Sevastopol
Sevastopol State University

THE NOVEL BY CHRETIEN DE TROYES “PERCEVAL, OR THE TALE OF THE GRAIL”: FEATURES AND MORAL ASPECTS OF THE WORK

The article analyzes the novel of the world-famous medieval French poet, the founder of the courtly novel by Chretien de Troyes “Perceval, or the Tale of the Grail”. The conclusion is made about what distinguishes this late novel from earlier ones, as well as about what moral qualities of the personality of the main character the author focuses on.

Keywords: courtly novel, medieval literature, Chretien de Troyes, “Perceval, or the Tale of the Grail”.

*А.Н. Малькова
г. Москва (Россия)
Российская академия народного хозяйства и
гос. службы при Президенте РФ*

**ПРОЦЕССЫ КОНВЕРГЕНЦИИ И ДИВЕРГЕНЦИИ
В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
СТРАТЕГИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В «ПОВЕСТИ
ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И В ИСЛАНДСКИХ САГАХ
НА ПРИМЕРЕ СЮЖЕТА О ЖЕНСКОЙ МЕСТИ***

Цель нашего исследования состоит в выявлении точек пересечения и расхождения книжной культуры средневековой Руси с книжной культурой средневековой Скандинавии и описании контекста их формирования с использованием сравнительно-исторического подхода. Обсуждение нарративных стратегий авторов первых историографических сочинений охватывает несколько исследовательских вопросов и проблем, поиск решения которых позволит прийти к более глубокому пониманию исторических процессов, происходивших в обществе в исследуемый нами исторический период, которые нашли свое отражение в нарративных практиках Древней Руси и Скандинавии — регионах, где происходил активный культурный обмен, явившийся следствием экономических и политических связей.

Ключевые слова: исландские саги, саги о конунгах, Повесть временных лет.

Наша работа сосредоточена на изучении древнерусской книжной культуры домонгольской эпохи. Главным исследовательским вопросом является выявление общих и специфических черт в стратегиях повествования составителей исландских саг и составителей древнерусских летописей на примере конкретного сюжета о женской мести.

Обсуждение нарративных стратегий авторов первых историографических сочинений охватывает сразу несколько исследовательских вопросов и проблем:

* Работа выполнена в рамках Стипендиальной программы аспирантов на основании Приказа № 02-1251 от 22.11.2021 г.

– соотношение двух составляющих первых историографических сочинений: «правды текста» или «художественной правды» и «исторической правды» (по М.И. Стеблин-Каменскому);

– специфика источниковой базы первых историографических сочинений: соотношение устной традиции, книжной традиции и авторских наработок в историографических сочинениях средневековой Руси и Скандинавии;

– характер и степень адаптации автором имеющегося в его распоряжении материала.

Поиск решения этих проблем позволит прийти к более глубокому пониманию исторических процессов, происходивших в обществе в исследуемый нами исторический период, которые нашли свое отражение в нарративных практиках Древней Руси и Скандинавии — регионах, где происходил активный культурный обмен, явившийся следствием экономических и политических связей.

Объект исследования — первые историографические сочинения средневековой Руси («Повесть временных лет») и Скандинавии (исландские саги). Предмет исследования — общие и особенные черты практик историоописания в средневековой Руси и Скандинавии.

В основу методологии исследования положен сравнительно-исторический метод, описанный и примененный Г.В. Гимоном в исследовании «Историописание раннесредневековой Англии: сравнительное исследование», диссертационном исследовании Д.С. Глебовой «Нарративный модус в историографических памятниках Древней Руси и Древней Скандинавии» и монографии А.С. Щавелева «Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян», в которой автор выявляет и исследует точки сходства и различия в нарративных стратегиях авторов древнерусских летописей и славянских хроник. Также этот метод применялся в книге Ф.Б. Успенского и А.Ф. Литвиной «Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия». В монографии А.С. Щавелева описан структурно-морфологический метод (сюжетно-мотивный анализ), который также применяется в нашей исследовательской работе.

Исследовательская работа состоит из двух частей: в первой части мы рассматриваем сюжет о женской мести на примере фрагментов текстов королевских саг, во второй части мы исследуем вышеупомянутый сюжет на примере фрагментов летописных текстов.

В рамках нашей научно-исследовательской работы для нас представляют интерес две разновидности источников: «саги о норвежских конунгах» (или «королевские саги») и начальное древнерусское летописание.

«Круг Земной» — компендиум саг о норвежских конунгах, который был составлен в 1230-е гг. Снорри Стурлусоном. Относится к четвертой стадии

развития королевской саги по классификации Т. Андерссона. «Круг Земной» посвящен истории Норвегии с древнейших времен до 1177 г. и представляет литературное произведение, подчиненное определенному авторскому замыслу и использующее более раннюю саговую традицию [Древняя Русь в свете зарубежных источников 2013, с. 430–433].

Название «Heimskringla» было дано этому своду саг его первым издателем. Сохранившиеся средневековые рукописи назывались по-разному. Рукопись «Kringla» (K) дошла до нас в виде списков с рукописи 1260 г. Текст K считается скопированным с протографа, более близкого к оригиналу, и потому на нем основываются все современные издания и переводы компендиума. До пожара в Копенгагене в 1728 г. она была переписана в XVII в. Аусгейром Йоунссоном, писцом Тормода Торфасона (рукописи AM 35, 36, 63 fol.), а также Йоуном Эггертссоном (KBS Ppp. fol. nr 18) [Глебова 2021, с. 133].

Также в качестве основного источника для нашего исследования выступает «Повесть временных лет» — принятое в науке название летописного свода, созданного в нач. XII в. «ПВЛ дошла до нас в двух редакциях, условно именуемых второй и третьей. Вторая редакция читается в составе Летописи Лаврентьевской (рукопись ГПБ, Ф.п.IV, № 2), Летописи Радзивиловской (рукопись БАН, 34.5.30) и Летописи Московско-Академической (ГБЛ, собр. МДА, № 236), а также других летописных сводов, где данная редакция чаще всего подверглась различным переработкам и сокращению» [Килина 2010, с. 11]. «Третья редакция дошла до нас в составе Летописи Ипатьевской (списки: Ипатьевский — БАН, 16.4.4, XV в., Хлебниковский — ГПБ, Ф.IV, № 230, XVI в. и др.)» [Килина 2010, с. 11]. «Начальный свод» составлен, в свою очередь, на основе «свода Никона», который был создан на основе «Древнего сказания» — историографического сочинения, опиравшегося, предположительно, на устную традицию и не разделенного годовой сеткой [Михеев 2011, с. 154].

Все эпизоды с описанием сюжета о женской мести, как в древнерусских, так и в древнескандинавских историографических сочинениях, можно разделить на две группы, каждая из которых обладает схожим набором черт.

В первой группе, в которую войдут эпизоды с удачно осуществившейся мезтью, набор сюжетных элементов будет такой: 1) акт мести происходит публично; 2) инициатор и исполнитель — не одно и то же лицо; 3) орудие убийства нельзя спрятать.

К этой группе относятся следующие эпизоды:

Эпизод из 53-й главы «Саги об Инглингах», в котором описана мезть королевы Асы, дочери Харальда, конунга Агдира, ее мужу, конунгу Гудрёду за смерть отца [Heimskringla: Noregs konunga sogur 1911, bl. 33–34]. Примечателен тем, что эта мезть никак не сказывается на судьбе ее самой и ее сына, вопреки логике правового обычая [Heimskringla: Noregs konunga sogur 1911, bl. 35–36; Литвина, Успенский 2018, с. 126–150].

Эпизод из «Саги об Олаве Трюгвасоне», описывающий месть Сигрид Гордой Олаву Трюгвасону, которая приводит к смерти короля-крестителя [Heimskringla: Nóregs konunga sogur 1911, bl. 171–181].

Эпизод, описывающий Месть княгини Ольги древлянам за смерть ее мужа, князя Игоря, который включает в себя совершенное трижды убийство древлянских послов и разорение Искоростеня [ПСРЛ. Т. 1, стб. 54–60; Т. 2, стб. 42–48]. Упоминается как в летописях Ипатьевской, так и Лаврентьевской группы.

Во второй группе остаются эпизоды с описанием неудачной попытки мести. Они также обладают своим набором элементов, которые противоположны элементам из первой группы: 1) попытка убийства предпринимается тайно, в некоторых случаях лицо, которому хотят отомстить, спит; 2) место действия — спальня, нередко присутствует уточнение, что это кровать; 3) инициатор и исполнитель — одно и то же лицо; 4) в качестве орудия убийства используется нож, который до поры прячется.

В перечень эпизодов, составляющих вторую группу, входят:

Эпизод из «Саги об Олаве Трюгвасоне» с описанием неудачной попытки мести Олаву Трюгвасону со стороны Гудрун дочери Железного Скегги [Heimskringla: Nóregs konunga sogur 1911, bl. 152–155].

Эпизод из Суздальской летописи Лаврентьевской группы с описанием попытки Рогнеды, дочери Рогволода, отомстить князю Владимиру, за убийство ее отца [ПСРЛ. Т. 1, стб. 299–300]. В этом фрагменте мы наблюдаем столкновение двух подходов к легитимации и наследованию — подход, основанный на правовом обычае, и подход династический [Литвина, Успенский 2018, с. 144–145].

В стратегиях повествования составителей первых историографических сочинений, частью которых стали исследованные нами эпизоды, мы видим три категории героев. Первые действуют, преимущественно, в рамках правового обычая — это Гудрун, дочь Железного Скегги, Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволда. Вторые действуют, опираясь, преимущественно, на свою силу и утверждая легитимность своей власти на этом основании — к их числу можно отнести князя Владимира, Олава Трюгвасона и конунга Гудрёда. В третью категорию попадают те, кто комбинирует в себе две этих стратегии, применяя их поочередно: к ним относятся княгиня Ольга, королева Аса, королева Сигрид Гордая.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.

- Heimskringla: Nóregs konunga sögur udg. af Finnur Jónsson. København, 1911.
- Глебова Д.С. Нарративный модус в историографических памятниках Древней Руси и Древней Скандинавии: дис. ...канд. филол. наук. М., 2021.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2013.
- Килина Л.Ф. Русские летописи как объект лингвистического исследования: учеб.-метод. пособ. Ижевск, 2010.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контурсы русско-варяжского культурного взаимодействия. М., 2018.
- Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.

A.N. Malkova

Moscow (Russia)

The Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

PROCESSES OF CONVERGENCE AND DIVERGENCE
IN THE CULTURAL PRACTICES OF THE RUSSIAN MIDDLE AGES:
NARRATIVE STRATEGIES IN RUS' PRIMARY CHRONICLE
AND THE ICELANDIC SAGAS ON THE EXAMPLE OF THE PLOT
OF WOMEN'S REVENGE

The purpose of our study is to identify the points of intersection and divergence of the book culture of medieval Russia with the book culture of medieval Scandinavia and to describe the context of their formation using a comparative historical approach. The discussion of the narrative strategies of the authors of the first historiographic works covers several research questions and problems, the search for a solution to which will allow us to come to a deeper understanding of the historical processes that took place in society in the historical period we are studying, which are reflected in the narrative practices of Ancient Russia and Scandinavia — regions where there was an active cultural exchange, which was the result of economic and political ties.

Keywords: sagas of Icelanders, Kings' sagas, Russian Primary Chronicle.

С.Д. Гай
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

СВЯЗЬ СЛАВЯНСКОГО БОГА ВОЛОСА/ВЕЛЕСА С ЗАГРОБНЫМ МИРОМ

Потусторонний мир, мир в который человек попадает после смерти, всегда волновал людей. Для того чтобы его описать у народов выстраиваются уникальные мифологические системы с могущественными богами, управляющими миром мертвых. Славянский языческий пантеон широк, однако функции многих богов остаются до конца неясны. Автор настоящей статьи ставит целью выяснить связь славянского языческого бога Волоса/Велеса с загробным миром. Для изучения образа бога автор пользуется этимологическими и фольклорными источниками и проводит параллели с родственными культурами для выявления общих элементов мифологии.

Ключевые слова: язычество, Волос, славянская мифология, загробный мир.

Язычество — как система уникальных народных верований, основанных на окружающей природе, проясняет отношение человека и природы, выявляет определенные ритуалы, с помощью которых люди пытались повлиять на мир настоящий и мир потусторонний. Посредниками в мистическом контакте людей с природой и силами иных миров выступали языческие боги. Однако, в следствии малого количества источников, к тому же написанных в христианскую эпоху, функции многих богов остаются неясны. Настоящая статья посвящена выявлению связи славянского языческого бога Волоса/Велеса с загробным миром.

Рассматриваемый в статье вопрос занимал исследователей славянского язычества: Е.В. Аничкова, Р.О. Якобсона. Вопрос получил сильный толчок к развитию с началом применения В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым компаративистского метода в изучении язычества, на основании общего индоевропейского грозового мифа, реконструируемого Ж. Дюмезилем. Их идеи развили дальнейшие исследователи, такие как А. Гейштор, Ю.Г. Писаренко. Новизна же настоящей статьи заключается в выявлении характера загробной функции Волоса. Автор исследует образ бога этимологически и на ос-

нове фольклора сказок, благодаря чему получается проследить дальнейшее развитие восприятия бога в народной культуре.

Для начала стоит отметить, что культура славянских обществ VI–XIII вв. имела тесную связь с природой, животный мир был близок человеку, можно даже сказать, тождественен. Недаром в русских сказках звери выступают как полноценные персонажи, со своими чувствами, эмоциями, со своей личностью [Русские сказки... 1987, с. 6, 23–24]. Мир животных и людей был един. К тому же, немаловажно, что жизнь жителя Древней Руси во многом зависела от сельского хозяйства: земледелия и скотоводства. Скот играл определяющую роль в экономике. Исходя из этого становится ясно, что мировоззрение славянских племен во многом зависело от восприятия скота, его функций в обществе и ритуалов, связанных с ним. Ипостасей же этого культа стал славянский бог Волос/Велес. В летописях он упоминается прямо, как «Скотий Бог» [ПВЛ, с. 25]. То есть мы имеем дело с неким могущественным образом, который явно связан с животным миром. Однако как связан бог животных с загробным миром?

Источников для изучения природы Велеса крайне мало. Об этом боге мы узнаем из Повести Временных Лет, договоров Руси с греками [ПВЛ, с. 25], из пары агиографий [Святитель Димитрий Ростовский, житие № 943] из Слова о полку Игореве [Слово о полку Игореве 1967, с. 99], из сказания о построении града Ярославля [Писаренко 1997, с. 235]. Все эти источники, написанные уже в христианскую эпоху, а потому к ним стоит относиться с крайней осторожностью [Писаренко 1997, с. 22]. Из-за недостатка письменных источников в изучения проблемы Волоса/Велеса применяют этимологические, фольклорные и компаративистские методы.

Говоря об этимологии, стоит рассмотреть вопрос мнимой двойственности бога. Лингвист-славист Макс Фасмер решительно разделяет Велеса и Волоса как два отдельных божества. Причем Велеса он возводит к «*velēs*», русскому белый; к «*velētū*» — диалектический вариант великана — волота; к литовскому «*veles*» означающий души умерших [Фасмер 2009, с. 287–288]. А Волоса он отождествляет с литературно зафиксированным «скотьим богом» [Фасмер 2009, с. 343]. Однако, в настоящей статье отдается предпочтение точке зрения Р. Якобсона, который считает, что за двумя именами скрывается один персонаж [Jacobson 1985, с. 34].

Этимологически, среди славянских языков, у теонима есть несколько значений.

Первое — связь с животным миром: «вол» — это крупный самец рогатого скота [Даль 1880, с. 242]. Здесь стоит обратиться к понятию первобытного тотемизма, когда наиболее развитый представитель какого-то животного наделялся магическими свойствами [Штернберг 1936, с. 216]. Так же стоит обратить внимание на традиционный музыкальный инстру-

мент — волынку. По этимологии волынка связана, как и Волос, с волом; из этого животного изготавливался, путем вырезания мочевого пузыря, сам музыкальный инструмент [Новосельский 1931, с. 14]. То есть, можно проследить этимологическую близость волынки и языческого бога Волоса. Волынка относится к язычковым духовым инструментам и рассматривается как вид жилейки [Агажанов 1949, с. 16]. Жилейки использовались пастухами [Бабин 1997, раздел III], а также являлись погребальными инструментами, жалобными печальными [Новосельский 1931, с. 13]. На лубковых картинках «Мыши несут гроб kota» волынка сопровождает ритуальную процессию: «В волынку игъраеть песнина певаёт kota поминаеть» [Плетнева 2021, с. 108]. Следовательно, волынка являлась погребальным инструментом, имела функции, связанные загробным миром.

Второе — связь с властью: «волость» — стар. власть, правительственная сила [Даль 1880, с. 238], «волосить» — властвовать, управлять, так же володыка — повелитель [Иванов, Топоров 1973, с. 51].

Третье — связь со здоровьем: в олонецком наречии северной Руси «волос» — «болезнь в роду рака» [Куликовский 1898, с. 11]. Здесь так же можно вспомнить, что нарушение клятвы Волосом по русско-византийскому договору 971 г. звучала так «будем золоты якоже золото се» [ПВЛ, с. 52]. Гейштор связывает эту кару с угрозой болезни, а именно золотухи [Гейштор 2014, с. 143]. Также в «Сказании о построении града Ярославля» на месте бывшего капища Велеса начинает помирать от болезни скот [Писаренко 1997, с. 238].

Четвертое — связь с землей: в польском языке *włóść* — «земля», общественная собственность [Гейштор 2014, с. 65]. Здесь стоит учесть особенности секуляризации богов, возникающие в процессе религиозных преобразований. Так, индоевропейское божество порядка — Митра — в славянском языке переносится в слово «мир» [Гейштор 2014, с. 149]. То есть на то, за что бог отвечал, на то, с чем были связаны обряды, впоследствии переходит его имя.

Помимо славянской этимологии, можно, воспользоваться компаративистским методом — методом сравнения и аналогий с близкими культурами. К таким можно отнести индоевропейскую языковую группу, а именно балто-славянскую.

В индоевропейской языковой общности наблюдается многозначность формы *uel(-vel-)*. В первом случае в качестве профанного значения — это «поле, луг». Во втором случае, в качестве сакрального значения — это «загробный мир»; к таковым можно отнести Елисейские поля у римлян и Вальхаллу у скандинавов [Эрлих 1997, ст. 157].

В литовском языке *Vele* — душа, *Veles* — тени усопших. Согласно же свидетельству польского историка, посетившего в XVI в. Великое княже-

ство Литовское, Яна Ласицкого: *Veles* — пасет души умерших [Мифы народов мира 1994, с. 228].

Благодаря этимологии получается установить, что Волос был полифункциональным богом. Ключевые его характеристики — власть, скот, подземный мир, болезни. Они явно связаны, общее у них — власть над жизнью человека.

С помощью метода компаративистики В.В. Иванов и В.Н. Топоров выдвигают, на основе выводов Ж. Дюмезиля о едином индоевропейском грозном мифе, идею сопоставления Волоса «скотьего бога» с ведийским змеем — похитителем скота и женщин — Валлой [Иванов, Топров 1973, с. 46]. Благодаря этому сопоставлению со змеем у нас открывается новый тип источников — фольклор. Обратимся к русским народным сказкам, записанным А.Н. Афанасьевым, в которых присутствует мотив змеборчества. К таким сказкам можно отнести «Иван Быкович», «Никита Кожемяка». В сказках присутствует два вида змея: змей похититель и Чудо-Юдо, по своим функциям тождественное змею охранителю.

Говоря о змее похитителе, стоит заметить, что в сказке змей утрачивает свою положительную функцию. В.Я. Пропп видел ее в мифах, посвященных ритуалу инициации, в которых змей змея выступал, как даритель благ, сакральной информации [Пропп 2021, с. 335]. А с переходом к оседлому хозяйству обряд инициации переосмысливается и змей из дарителя становится похитителем, которому для пресечения вреда приносятся жертвы. Так, например, в сказке «Никита Кожемяка» змей «брал с народа побо-ры немалые, с каждого двора по красной девке» [Русские сказки... 1987, с. 86]. Поборы змея сближают его с Велесом, которому «требы творяху» [ПВЛ, с. 81]. Здесь стоит учесть, что в мировоззрении славян непритомные мертвецы не могли обрести покой из-за тоски супруга, было поверье, что «к тем, кто тоскует будет с теми спать (*мертвец*. — С.Г.) и так иссушит, что сведет со света». Заметим, что красну девку змей берет в себе в жены — это проявление присущего мертвецам сексуального голода. То есть, в образе змея-похитителя проявляется ритуальная сущность Велеса, который обеспечивал связь живых с мертвыми. В сказках его ритуал мог демонизироваться, в следствии христианского синкретизма, в котором идея загробного мира иная.

Вторая ипостась змея — змей-охранитель. Он является привратником Калинового моста через реку Смородину. В этом прослеживается славянская семантика смертного пути — вода-мост-огонь. «Вода и огонь в равной мере высыпают в роли очистительного средства» [Седакова 2004, с. 53], они служили средством перехода в иной мир. Причем в сражении с героем змей, имея огонь во рту и острые когти, старается только лишь вогнать героя в «сыру землю» [Русские сказки... 1987, с. 79]. На этот момент стоит

обратить особое внимание. Потому что расчленение, которое, к слову, впоследствии герой применяет по отношению к змею, в мифе является отражением инициации [Пропп 2021, с. 126–130]. То же можно сказать и про огонь, который имел значение очищения и перерождения [Там же, с. 134]. В сказке змей возрождает свои головы с помощью огненного пальца. Совсем же по-другому рассматривается предание человека земле. Если кремация, и последующее развеивание человека по ветру, высвобождает дух человека к небу, а расчленение сохраняет его влияние на людской мир, то ингумация отвечает за ту душу, которая связана с телом, скрывает дух, противопоставит его восстанию. Погребение в землю есть не переход в новое состояние, а переход в новый мир. Известно, что согласно древним представлениям, у человека было множество душ [Штернберг 1936, с. 17]. Можно предположить, что змей отвечал именно за подземную душу, он отвечал за успешность ее перехода в иной мир.

Таким образом, благодаря фольклору, в котором мы установили родственность сказочного змея похитителя и охранителя с богом Велесом, нам становится известно, что связь Волоса, как пастуха душ, устанавливается именно с подземной душой человека. Он является привратником в иной мир, связующим живых с мертвыми.

Говоря про иной мир, стоит отметить особое отношение славян к нетленным частям тела при погребальном обряде. К нетленным относятся кости, зубы, ногти, волосы [Седакова 2004, с. 58]. «Суеверные люди берегут их (Волосы и ногти. — С.Г.) в особом месте и кладут с собою в гроб, веря, что на том свете в каждом волоске их потребуют отчета» [Бурцев 1902, с. 163–164] — так гласит северное поверье. В свою очередь отрезание волос являлось необходимой частью обряда инициации [Пропп 2021, с. 345]. То есть, волосы служили маркером перехода.

Таким образом, исходя из всего выше сказанного, «скотьега бога» Волоса можно назвать пастухом-распорядителем умерших душ подземного луга. Велес взаимодействовал с подземной душой, которая отвечала за упокой человека. То есть жертвы богу приносились для задобрения непритомных, желавших забрать в иной мир еще живых людей. Бог осуществлял переход человека в иной мир, посмертную инициацию человека в духа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Повесть Временных Лет. Ч. 1. [ПВЛ]. М.; Л., 1950.
Русские сказки: Из сборника А.Н. Афанасьева. М., 1987.
Святитель Димитрий Ростовский (Туптало). Жития святых. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/

- Слово о полку Игореве. Л., 1967.
- Агажанов А.П.* Русские народные музыкальные инструменты. М., 1949.
- Банин А.А.* Русская инструментальная музыка фольклорной традиции. М., 1997.
- Бурцев А.Е.* Обзор русского народного быта Северного края. Т. 2. СПб., 1902.
- Гейштор А.* Мифология славян. М., 2014.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: 2-е изд. Т. 1. СПб., 1880.
- Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии (Данные о Велесе в традициях Северной Руси и вопросы критики письменных текстов) // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 308. Труды по знаковым системам 0, VI. Тарту, 1973.
- Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Мифы народов мира. Т. 1. А — К. М., 1994.
- Новосельский А.А.* Очерки по истории русских народных музыкальных инструментов. М., 1931.
- Писаренко Ю.Г.* Велес-Волос в язичницькому світогляді давньої Русі. К., 1997.
- Плетнева А.А.* Кого хоронят мыши? К интерпретации лубочной картины «Мыши kota погребают» // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kogo-horonyat-myshi-k-interpretatsii-lubochnoy-kartinki-myshi-kota-pogrebayut>
- Пронн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 2021.
- Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. А — Д. М., 2009.
- Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Исследования статьи лекции. Л., 1936.
- Эрлих С.Е.* Поклонение волхвам (опыт динамического структурализма) // Стратум: структуры и катастрофы: Сб. символ. индоевроп. истории: Археология. Источниковедение. Лингвистика. Философия истории. СПб., 1997.
- Jacobson R.* The Slavic God Velesъ and His Indo-European Cognates // *Rudy S.* Volume VII Contributions to Comparative Mythology. Berlin; Boston, 1985.

S.D. Gai*Izhevsk (Russia)**Udmurt State University*

THE CONNECTION
OF THE SLAVIC GOD VOLOS/VELES WITH THE AFTERLIFE

The other world, the world into which one enters after death, has always fascinated people. In order to describe it, peoples have built unique mythological systems with powerful gods who rule the world of the dead. The Slavic pagan pantheon is broad, but the functions of many gods remain unclear to the end. The author of this article aims to clarify the connection of the Slavic pagan god Volos/Veles with the afterlife. To study the image of the god the author uses etymological and folklore sources and draws parallels with related cultures to identify common elements of mythology.

Keywords: pagan, Slavic pagan god Volos/Veles, Slavic mythology, afterlife.

Р.С. Киселев
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургский гос. ун-т

«ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ» КАК АРХАИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ XI–XIII ВВ.)

В летописных источниках по истории Древней Руси XI–XIII вв. достаточно часто встречается понятие «поток и разграбление». В данной статье делается попытка взглянуть на это явление не только под юридическим, но и под историко-антропологическим углом. Автор доказывает, что поток и разграбление являлись в большей степени не мерой уголовного наказания, а в некотором роде архаическим рудиментом, призванным сохранять мир в традиционной общине, избавляя ее от нарушивших ее спокойствие членов.

Ключевые слова: Новгородская земля, Древняя Русь, поток и разграбление, Русская правда.

Впервые словосочетание «поток и разграбление» встречается в ст. 7. Пространной редакции Русской правды: «Оже станеть без вины на разбои. Будеть ли стал на разбои без всякоя свады, то за разбойниа люди не платят, но выдадять и всего с женою и с детми на поток и на разграбление» [Памятники русского права 1952, с. 109]. С юридической точки зрения словосочетание «поток и разграбление» включает в себя две составляющих: «поток» — принудительный перевод человека, чья вина в каком-либо преступлении доказана, в зависимую категорию, «разграбление» — конфискацию его движимого и недвижимого имущества.

Первыми, кто в XIX в. серьезно стал заниматься изучением данного вида наказания, были дореволюционные историки права. И изучали они, прежде всего, его юридический аспект. Так, А. Рейц считал «поток и разграбление» древнейшим видом наказаний на Руси [Рейц 1836, с. 187]. М.Ф. Владимирский-Буданов находил «поток и разграбление» двумя различными видами наказания, первое было направлено на ограничение личных прав, а второе — на ограничение имущественных прав преступника [Владимирский-Буданов 2005, с. 387]. Наиболее обстоятельная характеристика «потока

и разграбления» дана В.В. Есиповым, считавшим, что объявление преступника вне закона при «неопределенности правосознания могло принимать вид и ссылки, и изгнания, и выдачи головою князю» [Есипов 1894, с. 34]. Отметим, что практически все крупные историки XIX — нач. XX в. давали свою оценку роли этого явления в законодательстве Древней Руси [Карамзин 2016, с. 149; Соловьев 1959, с. 240; Ключевский 1902, с. 108 и др.].

В советской исторической науке понятие «поток и разграбление» привлекало внимание Б.Д. Грекова, С.В. Юшкова, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, В.В. Мавродина, Ю.Г. Алексеева, И.Я. Фроянова и многих других исследователей. Б.Д. Греков, сравнивая Русскую Правду с Полицким статутом (кодексом права Полицкой республики, находившейся на территории современной Хорватии, действовавшим с 1-й трети XIV до конца XVIII в.), пишет: «“Поток и разграбление” Русской Правды в Полицком Статуте раскрывается достаточно конкретно. Наказание это состоит в сожжении или разрушении дома, где жил преступник, и в изгнании его самого из Полицы, в лишении его прав полицкого гражданства» [Греков 1951, с. 184]. С.В. Юшков видит в «потоке и разграблении» пример усиления уголовной репрессии со стороны государства, обусловленное ростом классовых противоречий [Юшков 2002, с. 330]. Ю.А. Алексеев полагает, что «поток и разграбление» — это, в некотором роде, гражданская смерть, т.е. лишение гражданских и политических свобод. Фактически, это смертная казнь, сопровождаемая конфискацией имущества [Алексеев 1980, с. 146]. И.Я. Фроянов также считает, что данное наказание («поток и разграбление»), заключалось в сожжении или разрушении дома преступника и изгнании его из верви [Фроянов 1999, с. 28].

В нач. XXI в. вопрос о месте «потока и разграбления» в системе наказаний Древней Руси по-прежнему актуален, что подтверждают многочисленные публикации [Чебаненко 2006, с. 186–188; 2013, с. 64–104; Лукин 2008, с. 196–210; Оспенников 2009, с. 116–122; 2018, с. 9–15; Марисюк 2010, с. 355–361; Рогова 2010, с. 132–134; Конев 2019, с. 64–69]. Одни исследователи видят его суть в том, что община (вервь) должна выделить преступника вместе с женой и детьми из-под своей защиты, что создавало условия для дальнейшей расправы над ним со стороны княжеской администрации [Конев 2019, с. 67]. Другие приходят к выводу, что данный вид наказания применялся самой общиной по отношению к ее совершившим тяжкое преступление членам, без участия в этом процессе князя [Чебаненко 2006, с. 187]. Третьи подчеркивают, что «поток и разграбление» рассматривались Русской правдой в качестве высшей меры наказания, назначавшейся за общественно опасные деяния: убийство в разбое, конокрадство, поджигательство [Рогова 2010, с. 133].

Но все эти точки зрения объединяет то, что они исследуют природу «потока и разграбления», исходя из юридической точки зрения, как некую

меру наказания, направленную на нейтрализацию преступника (пусть и не вполне в физическом смысле этого слова). Но что, если корни этого явления кроются еще глубже и искать их нужно среди древних архаических институтов, восходящих еще к родовому строю европейских народов, в частности, предков восточных и западных славян? Чтобы ответить на этот вопрос, проанализируем несколько упоминаний про «поток и разграбление» в древнерусских летописях.

Наверное, самое известное из них, это т.н. «восстание в Киеве 1113 г.», когда сначала «Кияне... свѣтъ створиша», чтобы направить гонцов к Владимиру с просьбой занять киевский престол, а после отказа того, «разграбиша дворъ Путатинъ. тысячького идоша на Жида. и разграбиша га» [ПСРЛ 1908, стб. 275]. На наш взгляд, здесь имеет место быть именно восходящий к родоплеменным временам архаический обычай отъема и перераспределения собственности, незаконно присвоенной у киевской общины представителями княжеской администрации и торговой верхушки.

В 1137 г. в Новгороде произошел мятеж против князя Всеволода Мстиславича, который был изгнан «и мятежь бысть великъ в Новгородѣ: не въсхотѣша людеь Всѣволода; и побѣгоша друзии къ Всѣволоду Пльскову, и възяша на разграбление дома ихъ, Къснятинъ, Нѣжягинъ и инѣхъ много, и еще же ищюще то, кто Всеволоду приятель бояръ, тѣ имаша на нихъ съ полторы тысяще гривенъ» [ПСРЛ 1950, с. 24–25, 210]. В этом случае приверженцы изгнанного князя, «бояре», подверглись «разграблению». Каждый из них был вынужден отдать по полторы тысячи гривен «на войну», т.е. на закупку оружия для борьбы с сузальцами. По меткому замечанию А.В. Петрова «как людей состоятельных их было особенно выгодно грабить» [Петров 2003, с. 133]. Ю.В. Оспенников, описывая события 1137 г., употребляет термин «конфискация-грабеж», считая его составной частью потока и разграбления, применительно к Новгороду [Оспенников 2009, с. 119].

По нашему мнению, расправу над Якуном Мирославичем (и его братом) в 1140 г. также можно интерпретировать как «поточити», т.е. лишение братьев всех гражданских прав: «Якуна яша на Плисъ, и приведьше и семо съ братомъ его Прокопью, малы не до смерти, обнаживъше, яко мати родила, и съверша и съ моста» [ПСРЛ 1950, с. 26, 212]. А после того, как несчастный посадник выбрался из Волхова, «възяша у него 1000 гривенъ, а у брата его 100 гривенъ... и затоциша Якуна въ Чудь съ братомъ, оковавъше и руцѣ къ ши». В этом эпизоде мы видим и «разграбление» (принуждение Якуна Мирославича и его брата заплатить деньги в общественную казну) и «поток» (высылка в кандалах на окраину «в Чудь»).

Наказание, схожее с «потоком и разграблением» в различных вариациях применялось и у соседей восточных славян. Под 1145 г. читаем в Ипатьевской летописи запись о наказании польским королем Владиславом II своего

верного вассала Петрка Власта, которого «ислѣпи. а ѿзыка емоу оурѣза и домъ его розьграби. токмо съ женою и съ дѣтьми. выгна. изъ земли своето» [ПСРЛ 1908, стб. 319]. Здесь, в отличие от Новгорода и Киева, где подобные решения в XI–XIII вв. выносились на вечевых собраниях, санкцию на применение подобной меры наказания уже монополизировал верховный правитель в лице короля.

В 1209 г. новгородцы «створиша вѣче на посадника Дмитра и на братью его, яко тѣ повелѣша на новгородцѣх серебро иматѣ, а по волости куры брати, по купшемъ вѣру дикую, и повозы возити, и иное все зло; и поидоша на дворы их грабежомъ, а Мирошинъ дворъ Дмитровъ зажгоша, а жите их поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытокъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему граду, и на щитѣ» [ПСРЛ 1950, с. 248]. И.Я. Фроянов считает, что таким образом новгородцы поделили деньги между горожанами («по всему городу») и ополченцами, жителями новгородской волости, только что вернувшимися из рязанского похода, принимавшими участие в вече и вместе с другими исполнявшими вечевое решение [Фроянов 1980, с. 183]. Похожий сценарий мы видим и в 1270 г., когда вновь взбунтовавшиеся новгородцы, «начаша изгонити князя Ярослава из города, и съзвониша вѣче на Ярославли дворѣ, и убиша Иванка, а инии вбѣгоша в Николу святыи; а заутра побѣгоша къ князю на Городище тысячьскыи Ратиборъ, Гаврило Кыяниновъ и инии приятели его. И взяша дома ихъ на разграбление и хоромы рознесоша» [ПСРЛ 1950, с. 88].

Летописные свидетельства применения «потока и разграбления» у восточных славян подтверждаются и данными арабских источников, в частности в известиях мусульманских авторов о «сакалиба», славянах (1-я пол. IX в.), этому вопросу посвящена статья одного из современных историков [Чебаненко 2006, с. 186]. Поэтому мы считаем, что «поток и разграбление», с помощью которого родоплеменная община «отгораживалась» от нарушителя, становившегося изгоем, со временем эволюционировала в чрезвычайную меру наказания, которую могла применять к своему члену община-вервь в виде коллегиального решения веча. А «в вечевом правосудии заметное место занимают архаические черты, восходящие к древним обычаям избавления коллектива от нарушителей внутреннего мира» [Чебаненко 2013, с. 88].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. М., 1952.

Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

ПСРЛ. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.

Греков Б.Д. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV–XVII вв. М., 1951.

Есинов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894.

Карамзин Н.М. Полная история государства Российского в одном томе. М., 2016.

Ключевский В.О. Лекции по русской истории. Ч. 1. СПб., 1902.

Конев А.Н. Идеология уголовного судопроизводства периода феодальной раздробленности Руси // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 3(74).

Лукин П.В. Древнерусский «поток и разграбление» в свете германских параллелей // Одиссей: человек в истории. М., 2008.

Марисюк К.Б. «Поток и разграбление» как вид уголовного наказания в Русской правде // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12.

Оспенников Ю.В. Наказания на северо-западе Руси по летописным известиям XI–XIII вв. // Вектор науки ТГУ. 2009. № 2(5).

Оспенников Ю.В. Об эволюции системы наказаний в средневековом Новгороде // Новгородика — 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность. Материалы VI Международной научной конференции. В 2-х т. Т. 2. В. Новгород, 2018.

Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.

Рейц А. Опыт истории Российских государственных и гражданских законов. М., 1836.

Рогова О.В. Изменение системы наказаний в период феодальной раздробленности // Вектор науки ТГУ. 2010. №1(11).

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1-2. М., 1959.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. СПб., 1980.

Чебаненко С. Б. Основные черты вечевого правосудия в Древней Руси // *Rossica Antiqua*. 2013. №2.

Чебаненко С. Б. «Поток и разграбление» у восточных славян в IX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. «История». 2006. Вып. 4.

Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 2002.

R.S. Kiselev*Saint Petersburg (Russia)**Saint Petersburg State University*

“POTOK I RAZGRABLENIYE” AS AN ARCHAIC INSTRUMENT
OF SOCIAL REDISTRIBUTION (BASED ON CHRONICLE SOURCES
OF THE 11th–13th CENTURIES)

In chronicle sources on the history of Ancient Rus' 11th–13th centuries. The concept of “flow and plunder” (potok i razgrableniye) is quite common. This article attempts to look at this phenomenon not only from a legal, but also from a historical and anthropological angle. The author proves that the flood and plunder were not a measure of criminal punishment, but in some way an archaic rudiment, designed to maintain peace in the traditional community, ridding it of members who disturbed its peace.

Keywords: Novgorod land, Ancient Rus', flood and plunder, potok i razgrableniye, Russian truth.

Д.С. Сельков
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

«РУССКИЙ СЛЕД» В БОЛГАРСКОЙ МЕЖДОУСОБИЦЕ XIII в.

В данной статье будут проанализированы события болгарской междоусобицы 1250-х гг., когда прервалась болгарская династия Асенов и престол государства стал целью сразу нескольких сил. Одной из таковых сил был русский князь Ростислав Михайлович, бан Мачвы и зять венгерского короля Бела IV. Какую роль он сыграл в болгарском конфликте и насколько эта роль была благотворной для него самого и Болгарии?

Ключевые слова: история Болгарии, история Византии, история Венгрии, монгольское иго.

Деятельность Ростислава Михайловича — сына и наследника Михаила Черниговского — как правило, практически никак не рассматривалась в российской историографии. Возраст посвященных ему работ, как правило, давно перевалил за сотню лет. Между тем биографию князя-изгоя никак нельзя назвать не заслуживающей внимания — после череды неудачных битв за галицкий престол с Даниилом Романовичем Ростислав поступил на службу к собственному тестю, королю Венгрии Беле IV, получив из его рук Славонию — область на востоке современной Хорватии [Codex, 1829, т. 1]. Женившись на его дочери Анне, Ростислав стал одним из самых знатных феодалов Венгерского королевства, получив под свою руку крайне важную его часть — южные территории, ставшие известными как банат Мачва. К Мачве относятся Северная Сербия и небольшая часть Валахии [Палаузов, 1851].

Несмотря на разрушительное вторжение монголов в 1242 г., Венгерское королевство оставалось одним из мощнейших государств Европы — владения короны Святого Иштвана простирались от Адриатического моря до Карпат. Бела IV сумел восстановить страну, чем не могли похвастаться правители юго-восточного соседа Венгрии — Болгарского царства. После пика могущества при Иване Асене II (1218–1241) начался быстрый упадок Болгарии [Литаврин 1987]. Византия завоевала южные территории страны

за Балканским хребтом, монголы подчинили себе Молдавию и Валахию, а венграм отошли западные территории страны на севере современной Сербии — именно эти земли и составили банат Мачва. Михаил I Асень был женат на Анне, дочери уже знакомого нам Ростислава, бана Мачвы [Палацкий 1846]. По сути, Ростиславу уже принадлежала часть Болгарии и посредством этого брака он оказался только сильнее втянутым в болгарские дела. Михаил I Асень стремился восстановить былое могущество Болгарии и уже в 1256 г. вторгнулся в земли Никейской империи до города Димотика, стремясь вернуть под свою власть фракийские и македонские земли [Успенский 2005, с. 276].

Поход Михаила Асеня во Фракии окончился, мягко говоря, неудачно — никейский император изгнал болгар почти отовсюду и необходимо было заключить мир с ромеями. Здесь на сцену и выступил русский тесть болгарского царя, избранный в качестве посредника на переговорах. Именуемый Акрополитом как «рос Ур», Ростислав Михайлович согласился передать последнюю захваченную болгарями крепость Цепена императору и заключить мир [Акрополит 2005]. Не совсем честное, как отмечает Акрополит, посредничество, стало по сути началом внутреннего конфликта, сотрясавшего позднее Болгарию [Акрополит 2005]. Поклявшись за зятя (видимо, под влиянием ромейской взятки), Ростислав совершил огромную ошибку — болгарские бояре не только не приняли мира, но и вскоре составили заговор против царя. Михаил I Асень был убит в том же году в результате заговора, а его корона перешла двоюродному брату — Коломану [Акрополит 2005].

Дочь Ростислава, Анна, осталась в Тырнове по сути заложницей болгар. Ростислав Михайлович решил воспользоваться этим и скорейшим образом собрал силы, выступив на болгарскую столицу. Хотя взять Тырново он не смог, Анна Ростиславовна была возвращена отцу [Палаузов 1851], который вовсе не собирался сворачивать свое участие в болгарской политике.

Под власть Ростислава Михайловича временно перешел Видин, ключевой город Западной Болгарии, в котором он объявил себя царем всей страны и даже начал чеканить монеты [Павлов 2005]. Соперниками нового царя болгарского стали Мицо Асень и Константин Тих, базировавшиеся в свою очередь, в восточной и центральной частях страны. Происхождение и ранние деяния Ростислава, а также связь с венграми свидетельствовали против него, в результате чего русский князь так и не стал болгарским царем. Вскоре он вынужден был увести свои войска на борьбу с Пржемыслом Отакаром, а после его смерти в 1262 г. победитель в междоусобице и новый царь Константин Тих ликвидировал независимое царство в Видине, временно вернув эти земли Болгарии [Павлов 2005]. Тем не менее, Ростислав «протоптал дорожку» и уже к XIV в. в Видине возрождается местный полунезависимый деспотат, постоянно сепарирующий от правительства в Тырново [Литаврин 1987, с. 148].

На этом русское вмешательство в болгарские дела не закончилось. В 1260-е гг. на болгарской политической арене ненадолго появился еще один русский «беженец» — князь западных болгарских земель Яков Святослав. Связь его с Ростиславом Михайловичем не выявлена. Предполагается, что Святослав мог быть Рюриковичем, бежавшим из Руси и позднее «оставленным» в Болгарии. Уже в то время Яков Святослав был крайне влиятельным человеком в Болгарии — его женой была дочь никейского императора Феодора Ласкариса, являвшаяся, по матери, наследницей династии Асеней [Литаврин 1987, с. 134]. Очевидно, Святославу было не впервой менять подданство — в 1260-е гг. он спокойно принял власть Константина Тиха, затем сражался на его стороне в 1266 г. уже против венгров. Несмотря на предательство Якова Святослава, венгры не только простили его, но и сохранили за ним все имевшиеся земли, поставив его здесь своим вассалом. В определенном смысле Яков Святослав был «наследником» Ростислава Михайловича, поскольку сохранял за собой завоеванные им западно-болгарские земли. В 1272 г., с началом междоусобицы в Венгрии, Яков Святослав вновь подчинился Тырново и даже был объявлен наследником бездетного царя Константина Тиха [Павлов 2005].

Вновь русский «изгой» мог стать болгарским царем и вновь желанный тырновский трон ускользнул из его рук: Мария Кантакузина, жена царя Константина, родила ребенка. В 1276 г. Яков Святослав умер — как полагают, его убила Мария, опасавшаяся конкуренции с могущественным князем Видина [Павлов 2005].

Таким образом, русские князья-«изгой» сыграли довольно заметную, пусть и деструктивную, роль в истории Болгарии. Ростислав Михайлович, воспользовавшись браком своей дочери с царем Болгарии, по сути запустил длительную междоусобицу, первым отколов западные болгарские земли и способствовал формированию нового государственного образования, ослабив таким образом Второе Болгарское Царство в долгосрочной перспективе. Яков Святослав — фигура более загадочная — укрепил этот раздел, постоянно балансируя между Будой и Тырново, однако вполне мог бы временно устранить его, доведись ему занять тырновский престол. Так два русских князя оказались как бы «у истоков» ослабления и падения Болгарии, сделавшего ее добычей монголов, а затем и осман.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Георгий *Акрополит*. История. СПб., 2005. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/file/26282-%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F.pdf>

Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Budaе, 1829. URL: https://library.hungaricana.hu/hu/collection/kozepkori_magyar_okmanytarak_codexdiplomaticus/

Литаврин Г.Г. (отв. ред.). Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987.

Палаузов С.Н. Ростислав Михайлович, русский удельный князь на Дунае в XIII веке. СПб., 1851. URL: <https://www.prlib.ru/item/442287?ysclid=la9ujj5ozc372169925>

Палацкий Ф. О русском князе Ростиславе, отце чешской королевы, Кунгугты, и роде его. М., 1846. URL: <https://www.prlib.ru/item/432810?ysclid=la9som7kyg876324975>

Павлов П. Руски «бродници», политически бегълци и военачалници през XII—XIV в. // Бунтари и авантюристи в средновековна България. Варна, 2005. URL: https://liternet.bg/publish13/p_pavlov/buntari/ruski.htm

Успенский Ф.И. История Византийской империи. М., 2005.

D.S. Selkov
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

“RUSSIAN TRACE”
IN THE BULGARIAN CIVIL WAR OF THE 13th CENTURY

This article will analyze the events of the Bulgarian civil strife of the 1250s, when the Bulgarian Asen dynasty was interrupted and the throne of the state became the target of several forces at once. One of these forces was the Russian prince Rostislav Mikhailovich, ban Macva and son-in-law of the Hungarian king Bela IV. What role did he play in the Bulgarian conflict and how beneficial was this role for himself and Bulgaria?

Keywords: history of Bulgaria, history of Byzantium, history of Hungary, the Mongol invasion of Europe.

Н.Ю. Гребенников
г. Москва (Россия)
Высшая школа экономики

**ПЕРЕД ЛИЦОМ КАТАСТРОФЫ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПОВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ
ПЕРЕД МОНГОЛЬСКИМ ЗАВОЕВАНИЕМ***

В статье освещается история народов Поволжья и сложившаяся политическая ситуация в регионе перед монгольским вторжением. Автором предпринимается попытка согласовать сведения источников разных традиций и воссоздать историческую действительность, а также по-новому интерпретировать тексты известных авторов.

Ключевые слова: Волжская Булгария, мордва, Северо-Восточная Русь, Поволжье, XIII в.

В 1237 г. Северо-Восточная Русь столкнулась с огромной армией, ведомой Батыем. Однако перед тем, как монгольские войска вторглись и подвергли разорению Рязанское, а затем и Владимиро-Суздальское княжество, последние покорили болгар — «соседей» великого князя владимирского.

Будучи торговыми партнерами Хорезмийской державы, болгары уже до своей встречи в бою с монголами были осведомлены о победах кочевников над хорезмшахом еще в 1220 г. [Халиков 1994, с. 21; Zimonyi 1992/1993, p. 350]. Первое же столкновение монголов с болгарскими войсками, по словам Ибн аль-Асира, состоялось осенью 1223 г., после того как войсками полководцев Джэбэ и Субэдэя была разгромлена русско-половецкая коалиция на Калке [Из летописи Ибн ал-Асира 2003, с. 27]. Впрочем, у Джузджани имеется спорное свидетельство, где отмечается, что войска этих монгольских генералов встретились в сражении с русскими и половецкими отрядами во владениях князей Южной Руси, как минимум, до сражения на р. Калке. Так, Джузджани сообщает, что спустя некоторое время по окончании завоевания Хорезма, т. е. после 1221 г., войско Джучи находилось в «землях саксин-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01032.

ских, болгарских и саклабских» [Из сочинения Джузджани... 2003, с. 252]. В данном случае под «саклабскими» автор подразумевает земли славян, т.е. территории, на которых проживало древнерусское население [Мишин 2002, с. 7–94]. Это указание Джузджани дало повод Т. Оллсену говорить о начале кампании против болгар в 1221 г. или 1222 г., которая проводилась Джучи по распоряжению его отца [Оллсен 2008, с. 354]. Но мы вправе оспорить это предположение: после осады города Ургенча, который был взят в апреле 1221 г., Джучи впал в немилость и не принимал участие в дальнейшем покорении империи хорезмшахов [Тимохин 2016, с. 51–53]. Более того, Джучи не замечен ни в одной из последующих кампаний Чингисхана вплоть до своей смерти в 1227 г., хотя последний все-таки проявил милосердие и простил сына в том же, 1221 г. [Петрушевский 1977, с. 107–130; Grousset 1970, p. 236–245; McLynn 2015, p. 290–315]. Таким образом, сведения Джузджани о проникновении армии Джубэ и Субэдэ в «саклабские» земли не соотносятся с реальной ситуацией на 1221–1222 гг.

В то же время свидетельства о вторжении монголов в земли Волжской Булгарии, которые приводят в своих трудах как Ибн ал-Асир, так и Джузджани, не вызывают сомнения и подтверждается сведениями, которые содержатся в «Сокровенной истории монголов» [Козин 1941, с. 189].

Детальнее среди всех прочих хронистов, уделивших внимание первому столкновению монгол с булгарами, это событие описал Ибн ал-Асир: «Сделав с Русскими то, что мы сказали, и опустошив земли их, Татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 г. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступив против них [Татар], встретившись с ними, и заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они [Татары] остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие...» [Из летописи Ибн ал-Асира 2003, с. 27]. Согласимся с версией Я.В. Пилипчука, который следующим образом трактует причину нападения монгол на булгар в 1223 г.: кочевники вторглись на территорию подконтрольную Волжской Булгарии во время преследования половцев из «ельтуковой» орды [Пилипчук 2011, с. 151]. Эта орда кочевала в междуречье Дона, Хопра и Медведицы [Иванов 2006, с. 495]. На наш взгляд, эта версия является более правдоподобной по сравнению с той, что приводит автор «Сокровенного сказания» — приказ о покорении булгар Субэдэю был отдан Тэмуджином непосредственно при его отправлении в поход. Сил монгольского отряда, даже возглавляемого опытными полководцами, явно было недостаточно, чтобы подчинить государство булгар, которым до этого приходилось успешно противостоять целой коалиции князей Северо-Восточной Руси в 1183 г. [ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2, стб. 389, 390].

Владими́ро-ро́стовские кни́жники не могли оставить без внимания ситуацию, которая происходила на границах Волжской Булгарии в 1220–1230-х гг. Их заинтересованность была вызвана, во-первых, тем, что Владимиро-Суздальская земля в XII — 1-й пол. XIII в. находилась в теснейших торговых контактах с булгарами [см., напр.: Полубояринова 1989, с. 179–190; Белавин 2001, с. 140–146; Noonan 1978, р. 371–384], с которыми конкурировала за право напрямую контролировать движение собственных и иностранных товаров по Каме и Волге. Во-вторых, в 20-е гг. XIII в. владими́ро-суздальские князья развернули борьбу с Булгарией за часть мордовских племен, населявших правобережье Оки и ее притоки [Смирнов 1951, с. 47–49; Пашуто 1968, с. 274; Белорыбкин, Зеленцова 2006, с. 432; Кучкин 2011, с. 58, 59].

В 1225 г. Чингис передал Джучи в управление северную часть Хорезма и земли восточного Дешт-и Кипчака. Арабский хронист ан-Нуве́йри так описывает владения, полученные Джучи от отца: «По части земель и вод он назначил ему летовья и зимовья от границ Кыялыка и земель хорезмских до окраин саксинских и булгарских крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах» [Из энциклопедии Эннувейри 1884, с. 150]. Следуя указанию ан-Нуве́йри о набегах кочевников на булгарские окраины, можно говорить, что монголы уже после своего поражения в 1223 г. не оставили границы Волжской Булгарии. Думается, что, обосновавшись в пределах досягаемости Нижнего Поволжья, они тревожили болгар своими набегами. Со свидетельством арабского автора, как нам кажется, возможно связать известие Лаврентьевской летописи (далее — Лавр.) за 6734/1226 г., в котором сообщается о внезапном нападении дружин владими́ро-суздальских князей на мордву: «Того (же) лѣ(та). Посла великыи кня(зь) Гюрги С(вя)тослава, Ивана, брату свою, на мордву. И побѣдиста мордву и взяста нѣколико сель, и възвратистася с побѣдою» [ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2, стб. 448, 453].

От нередких набегов, которые удавалось отражать булгарам в течение нескольких лет, монголы в 6737/1229 г. приступили к спланированному наступлению. В Лавр. сообщается, что в этом году булгарские сторожевые полки на р. Яик были разбиты татарами и бежали: «Того (же) лѣ(та). Саксини и половци въбѣгоша из низу к болгаро(м) пере(д) татары, и сторожеве болгарьскыи прибѣгоша бѣени от татарь близ рѣкы — еи же имя Яикъ» [Там же. Стб. 453]. В то же время И.Л. Измайлов выдвинул версию о том, что Булгария и Саксин вместе с половецкими племенами йемеков составляли нечто похожее на коалицию, организованную для совместного отпора монгольским завоевателям [Измайлов 2015, с. 95, 96]. Судя по содержанию известия Лавр. за 6737 г., с предположением И.Л. Измайлова есть все основания согласиться.

То, что действия монголов в 1229 г. не являлись привычным набегом кочевников, подтверждается словами персидского хрониста Джувейни

2-й пол. XIII в. Автор сообщает, что Угедей после своего избрания великим кааном на курултае в 1229 г. направил несколько крупных армий на завоевание разных земель [Джувейни 2004, с. 127]. По мнению Т.Т. Оллсена, Угедей таким решением пытался упрочнить положение Монгольской империи в Волго-Уральском регионе, в котором монголы проводили военные операции в 1221–1224 гг. [Оллсен 2008, с. 355, 356].

Нападение, по всей видимости, было совершено в конце осени — начале зимы 1229 г. Приблизительную дату получаем после следующих расчетов: Московский летописный свод датирует убиение в Булгаре Авраамия 1 апреля 1229 г. [ПСРЛ. Т. 25, с. 124], в то время как возведение Угедея выпадало на 13 сентября того же года, как это отмечено в Шен-у цинь-чжен лу, записанного в нач. XIII в. [Старинное китайское сказание о Чингисхане 1887, с. 196]. Таким образом, Кокетею и Субутаю, на которых было возложено командование корпусами, отведенных кааном с целью покорения булгар, требовалось определенное время, чтобы добраться до р. Яик.

В поражении же булгар на р. Яик следует видеть основную, по мнению исследователей, причину заключения мира булгар [Халиков 1994, с. 28, 29; Кучкин 2011, с. 59, 60; Zimonyi 1978, р. 350–352] с владими́ро-суздальским князем Юрием Всеволодовичем в этом же году [ПСРЛ. Т. 18, с. 54]. Предполагается, что по договору сферы влияния в Мордовской земле были разделены между двумя государствами. Но позднее мир все же был нарушен. Так, зимой 6740/1233 г. войска Юрия Всеволодовича, ведомые сыном князя Всеволодом, а также его союзников — рязанских и муромских князей — разорили мордовские села и удалились обратно: «Тое же зимы. Посла великыи кня(зь) Георги с(ы)на своего Всеволода на мордву, а с ни(м) Феодорь Ярослави(ч) и рязаньскыи князи, и муро(м)скыи. И пожгоша села и(хъ), а мордвыи избиша много» [ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2, стб. 459].

Территория, на которую был совершен набег как в 1233 г., так и ранее, в 1226 г., относилась к зоне влияния волжских булгар. Это могло бы объяснить разграбление мордовских сел войсками северо-восточных князей в эти года. Целью нападения явно было стремление Юрия Всеволодовича расширить границы своего влияния на мордву. Время же для похода, состоявшегося зимой 1233 г., было выбрано после взвешенного решения: владимирский князь счел уместным воспользоваться обострением ситуацией на границах Булгарии, [Zimonyi 1992/1993, р. 352] — в ее пределы в очередной раз вторглись монгольские войска: «Того (же) лѣ(та). Придоша татарове и зимоваша, не дошедше Великого града Болгарьскаго» [ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2, стб. 459]. Как видим, положение Волжской Булгарии по сравнению с предыдущими годами становилось только хуже — монгольские войска уже зимовали не на порубежной территории этой державы, а в непосредственной близости от ее столицы. Кроме того, поход 1233 г. состоялся зимой — в сезон не лучший

для проведения военной кампании, в успехе которой есть сомнения. Следовательно, у владимирского князя были все основания полагать, что набег на зону влияния противника завершится удачно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. М., 2004.

Из летописи Ибн ал-Асира // Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003.

Из сочинения Джуджани «Насировы разряды» // Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003.

Из энциклопедии Эннувейри // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечение из сочинений арабских. СПб., 1884.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Юань Чао Би Ши: Монгольский обыденный изборник. Т. 1. Введение в изучение памятника: перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.

Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1927. Вып. 2.

ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913.

ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 1949.

Старинное китайское сказание о Чингисхане // Восточный сборник. СПб., 1877.

Белавин А. Камский торговый путь как ответвление Великого Волжского пути // Великий Волжский путь: материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 2001.

Белорыбкин Г. Н, Зеленцова О. В. Мордва и Волжская Булгария // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006.

Иванов В.А. Кыпчаки в Восточной Европе // История татар в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.

Измайлов И.Л. Волжская Булгария накануне походов хана Бату // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009.

Измайлов И.Л. «Народ там свирепый»: монгольское завоевание Волго-Уральского региона (1223–1240 гг.) // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8.

Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011.

Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем средневековье. М., 2002.

Олсен Т. Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 6. Золотоордынское время. Донецк, 2008.

Паушто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1977.

Пилипчук Я.В. Монгольское завоевание владений восточных кыпчаков и Волжской Булгарии // *Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения*. Казань, 2011.

Полубояринова М.Д. Связи Северо-Восточной Руси с Волжской Болгарией (по археологическим данным) // *История и культура древнерусского города*. М., 1989.

Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1951.

Тимохин Д.М. Участие Джучи-хана в военной кампании против Хорезмийской державы (1219–1221 г.) по арабо-персидским источникам // *Золотоордынская цивилизация*. 2016. № 9.

Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994.

Grousset R. The Empire of the Steppes. A History of Centray Asia. New Brunswick; New Jersey, 1970.

McLynn F. Genghis Khan: His Conquests, His Empire, His Legacy. Boston, 2015.

Noonan T. Suzdalia's Eastern Trade in the Century before the Mongol conquest // *Cahiers du Monde russe et sovietique*. 1978. Vol. 19. No. 4.

Zimonyi I. Century before the Mongol conquest // *Cahiers du Monde russe et sovietique*. 1978. Vol. 19. No. 4.

Zimonyi I. The Volga Bulgars between wind and water (1220–1236) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1992/1993. Vol. 46. No. 2/3.

N.Y. Grebennikov

Moscow (Russia)

Higher School of Economics

BEFORE THE CALAMITY: THE POLITICAL SITUATION IN THE VOLGA REGION BEFORE THE MONGOL CONQUEST

The article shed the light on the history of the Volga Region and the current political situation in the region before the Mongol invasion. The author attempts to combine information from sources of different tradition and to reconstruct historical reality as well as to interpret the texts of famous authors in a new way.

Keywords: Volga Bulgaria, the North-Eastern Rus', the Volga Region, the 13th century.

С.С. Лазарев
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургский гос. ун-т

О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ И МУЛЬТИНАРРАТИВНОСТИ АГИОГРАФИЧЕСКОГО СОЧИНЕНИЯ МАТВЕЯ ПАРИЖСКОГО «ИСТОРИЯ СВЯТОГО КОРОЛЯ ЭДУАРДА»

Данная статья посвящена анализу жанровой природы и изучению мультинарративности агиографического сочинения Матвея Парижского «История святого короля Эдуарда». Автор отмечает, что Матвей Парижский включил традиционное жизнеописание о святом Эдуарде Исповеднике в более широкое историческое повествование, отвергая агиографическую традицию отделять святых от исторических обстоятельств. Другой особенностью «Истории святого короля Эдуарда» является наличие собственных дискурсивных практик в визуальном и текстовом повествовании, которые свидетельствуют о разных целях и способах прочтения данного источника.

Ключевые слова: Эдуард Исповедник, Матвей Парижский, святость, агиография, средневековая Англия.

Матвей Парижский был английским бенедиктинским монахом, хронистом и агиографом. Как и для большинства средневековых авторов, биографические сведения о Матвее Парижском немногочисленные и основываются преимущественно на его собственных сочинениях, а также на документах из монастыря Сент-Олбанс и сведениях других английских хронистов. Наиболее активный период творчества Матвея Парижского приходится на 1240–1259 гг., в который были написаны «Chronica majora», «Historia Anglorum», «Gesta abbatum», а также различные агиографические сочинения на латинском и англо-нормандском языках [Weiler 2009, p. 254–255]. Данное исследование будет сосредоточено на анализе жанровой природы и изучении мультинарративности агиографического сочинения «История святого короля Эдуарда».

«История святого короля Эдуарда» была создана в сер. XIII в. и представлена королеве Элеоноре Прованской, жене Генриха III, но сам текст сохранился в единственной рукописи Cambridge, University Library, MS Ee.3.59,

являющейся единственной копией, которая была изготовлена для Элеоноры Кастильской [Binski 1990, p. 340; Carter 2011, p. 31]. Сама рукопись состоит из 37 листов и 64 миниатюр. Текст рукописи представляет собой англо-нормандский стихотворный перевод жития Элреда из Риво об Эдуарде Исповеднике, которому Матвей Парижский придал новую структуру и интерпретацию. Важно отметить, что, в отличие от Вильгельма Мальмсберийского и Генриха Хантингдонского, Матвей Парижский имел тенденцию рассматривать свои труды как отдельные нарративы сами по себе. Место происхождения рукописи, предположительно, Лондон или непосредственно сам Вестминстер, а не аббатство Сент-Олбанс, монахом которого был Матвей Парижский [Лазарев].

Главной целью труда Матвея Парижского является конструирование образа святого Эдуарда Исповедника. Главными сюжетами являются демонстрация христианских добродетелей в соответствии с идеалами *rex bonus* и *rex justus* и способность совершать чудеса, например исцеление лесоруба Вулси от слепоты [Luard 2012, p. 106–109, 260–263]. При этом стоит отметить жанровую особенность «Истории святого короля Эдуарда», в которой можно обнаружить сочетание агиографии и истории. Матвей Парижский включил традиционное жизнеописание о святом в более широкое историческое повествование, отвергая агиографическую традицию отделять святых от исторических обстоятельств [Delehaie 1906, p. 19].

Среди исторических эпизодов, представленных в «Истории святого короля Эдуарда», Матвей Парижский уделил особое внимание событиям, приведшим к нормандскому завоеванию 1066 г. Хотя можно утверждать, что включение автором этих событий было просто наиболее логичным способом удлинить свое агиографическое сочинение, есть основания полагать, что у него были более конкретные мотивы для описания нормандского завоевания. Д. Картер отмечает, что благоприятное изображение Вильгельма Завоевателя в тексте, безусловно, подтверждало легитимность королей Англии после нормандского завоевания. В «Истории святого короля Эдуарда» описание событий о нормандском завоевании было тщательно составлено из различных исторических сочинений, что свидетельствует о том, что Матвей Парижский тщательно обдумывал то, как он представит королеве Элеоноре это значимое событие. Возможно, он надеялся представить ей окончательный отчет о завоевании, чтобы помочь ей сформировать понимание об этих событиях, которые привели к политическим сложностям ее собственного времени [Carter 2011, p. 24–25].

Но при анализе сюжета о нормандском завоевании можно столкнуться с интересной особенностью: расхождения между текстом рукописи и миниатюрами, которые демонстрируют свои собственные формальные дискурсивные характеристики и свидетельствуют о мультинарративности данного

источника. Цикл миниатюр тонко раскрывает англо-саксонские симпатии Матвея Парижского, в то время как поэтический текст и рубрики изображают нормандцев в более положительном свете, и наоборот. На одной из миниатюр видно, как Гарольд Годвинсон коронует себя правителем Англии, после смерти Эдуарда Исповедника (Илл. 1), при этом он не выглядит злодеем или клятвопреступником. Однако поэтический текст и рубрики изображают его гораздо более негативно. В рубрике под сценой коронации говорится, что Гарольд неправоммерно захватил корону, а в основном тексте даже говорится, что перед смертью святого «Гарольд думал, что Эдуарду пора умереть!» [Cambridge Ee.3.59, fol. 30v]. Согласно поэтическому тексту, Эдуард Исповедник посмертно явился Гарольду в нескольких снах и видениях, предупредив его, чтобы он сдержал свое прежнее обещание признать Вильгельма Завоевателя законным королем, но Гарольд просто высмеял святого [Cambridge Ee.3.59, fol. 31r–32r]. Таким образом, хотя миниатюры уделяют мало внимания Вильгельму Завоевателю и изображают Гарольда в умеренном свете, текст рукописи демонизирует последнего как опасного узурпатора, чьи злодеяния должны быть исправлены вторжением Вильгельма. Исходя из вышеизложенного можно заключать, что текст наверняка понравился бы членам королевской семьи, но миниатюры отражают более неоднозначное отношение к нормандцам и их роли в английской политике.

Важно отметить, что на протяжении большей части своей карьеры хрониста Матвей Парижский смело проверял границы приличия, открыто критикуя различных королей, пап и иноземцев, и только в более поздние годы он исправил и стер некоторые наиболее оскорбительные отрывки из «Chronica Majora» [Vaughan 1958, p. 117]. Исходя из этого, можно предполагать, что Матвей Парижский надеялся, что различия между текстом и изображениями в «Истории святого короля Эдуарда» были достаточно тонкими, чтобы остаться незамеченными для большинства читателей, но достаточно существенными, чтобы повлиять на кого-то вроде юной Элеоноры Прованской, которая, как можно было бы ожидать, будет полагаться на миниатюры, а не на текст. В частности, кажется, что Матвей Парижский хотел преподать королеве урок относительно законного правления Англии. Внимание Матвея Парижского к вопросам узурпации и влияния нормандцев на английскую политику может отражать сохраняющуюся напряженность, вызванную относительно недавними событиями в Англии. Кроме того, расхождения между визуальным и текстовым повествованием «Истории святого короля Эдуарда» позволяют охарактеризовать и исторические представления автора источника.

Таким образом, исторические эпизоды, которые включает Матвей Парижский в свой труд, не просто расширяют агиографическое повествование

о жизни Эдуарда Исповедника, а составляют важнейший компонент, позволяющий обратиться к читателю. Тем не менее, эти исторические дополнения не умаляют способность труда Матвея Парижского функционировать как мощное агиографическое сочинение. Поместив жизнь святого Эдуарда Исповедника в конкретный и узнаваемый исторический контекст, Матвей Парижский усилил ощущение того, что король Эдуард когда-то существовал как земная личность, но теперь стал небесным святым, чья жизнь, наполненная милосердием, благочестием и верностью, является образцом для подражания. Не менее важной особенностью изучаемого источника является его мультиннаративность, с помощью которой Матвей Парижский создал несколько способов прочтения, отличающихся по своим целям, а также передал свои собственные взгляды о прошлом Англии.



Иллюстрация 1. Король Гарольд возлагает на себя корону Англии.
Cambridge, University Library, MS Ee.3.59, fol. 30v.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Cambridge, University Library, MS Ee.3.59 [Cambridge Ee.3.59].

Лазарев С.С. В слове и изображении: образ святого короля Эдуарда Исповедника в житии Матвея Парижского (Cambridge, University Library, Ms Ee.3.59) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2022». URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2022/data/25602/138484_uid133095_report.pdf

Binski P. Reflections on La estoire de Seint Aedward le rei: hagiography and kingship in thirteenth-century England // *Journal of Medieval History*. 1990. Vol. 16. No. 4.

Carter D. Matthew Paris's Illustrated Life of Edward the Confessor: History for the Eyes and Ears of a Queen // *Athanon*. 2011. Vol. 29.

Delehaye H. Les légendes hagiographiques. Bruxelles, 1906.

Luard H. Lives of Edward the Confessor. Cambridge, 2012.

Vaughan R. Matthew Paris. Cambridge, 1958.

Weiler B. Matthew Paris on the writing of history // *Journal of Medieval History*. 2009. Vol. 35. No. 3.

S.S. Lazarev

Saint Petersburg (Russia)

Saint Petersburg State University

ON THE GENRE NATURE AND MULTINARRATIVITY
OF THE HAGIOGRAPHIC WORK OF MATTHEW PARIS
“THE HISTORY OF SAINT EDWARD THE KING”

This article is devoted to the analysis of the genre nature and the study of the multinarrativity of the hagiographic work of Matthew Paris “The History of Saint Edward the King”. The author notes that Matthew Paris included the traditional biography of Saint Edward the Confessor in a broader historical narrative, rejecting the hagiographic tradition of separating saints from historical circumstances. Another feature of “The History of Saint Edward the King” is the presence of its own discursive practices in visual and textual narrative, which testify to the different purposes and ways of reading the work.

Keywords: Edward the Confessor, Matthew Paris, sainthood, hagiography, medieval England.

М.А. Никитин
г. Великий Новгород (Россия)
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ЦЕРКОВЬЮ В ПРЕСЛЕДОВАНИИ АЛЬБИГОЙЦЕВ ПО МАТЕРИАЛАМ КАНОНОВ IV ЛАТЕРАНСКОГО СОБОРА 1215 г.

Распространение альбигойской ереси в XII–XIII вв., вопрос о нейтрализации которой стоял на повестке дня IV Латеранского собора 1215 г., представляло серьезную угрозу для католической церкви. Путем анализа принятых Собором канонов автор рассматривает механизмы привлечения духовенством светской власти к преследованию еретиков. Среди них ключевую роль играло отлучение, используемое Церковью в качестве сильнейшего аргумента обоснования своего превосходства над светской властью. При этом стоит отметить, что в канонах отражается стремление Церкви к противодействию попаданию местной церковной власти в зависимость от феодальных административных структур. Таким образом, на основании канонов, принятых Собором 1215 г., автор делает вывод о наличии у церковных властей средств в деле мобилизации административных возможностей для борьбы с ересью под своим руководством.

Ключевые слова: IV Латеранский собор, альбигойская ересь, светская власть, папство, каноническое право, Церковь.

Начиная с XI в. в Европе происходил резкий рост в развитии городов, где активно распространялись еретические движения, которые проявились в регионах с наиболее развитой торговлей. В XII в. особенное беспокойство вызывало распространение альбигойской ереси на территории южной Франции, где ересь пустила корни столь основательно, что даже многие местные феодалы и городское руководство покровительствовали ей. Попытка решить проблему альбигойским крестовым походом 1209–1218 гг. провалилась. А в продолжение борьбы за инвеституру, борьба с ересью стала удобным поводом для папства показать свое превосходство над светской властью. Созванный в 1215 г., IV Латеранский собор поставил на повестку дня вопрос о новом Крестовом походе, целью которого было укрепление авторитета папства. Однако, не менее важным был вопрос о нейтрализации

альбигойской угрозы путем привлечения светской власти. В этой связи необходимо понять тот инструментарий, при помощи которого Церковь могла воздействовать на светскую власть для принуждения ее к преследованию еретиков.

Проблема использования светской власти рассматривалась в работах как отечественных, так и зарубежных авторов. Тем не менее, большинство авторов, составивших фундаментальные труды по истории альбигойского крестового похода [Осокин 2000; Ольденбург 2001; Люшер 2003; Мадоль 2005] и истории папства [Иванов 1915; Герье 1916; Ли 1994], сходились на мнении об исключительно насильственном решении проблемы еретических движений в южной Франции. Их выводы во многом схожи с выводами советских авторов-медиевистов, считавших борьбу с альбигойской ересью преимущественно насильственной [Сидорова 1953; Григулевич 1976; Лозинский 1986]. В конце 80-х г. XX в. американский историк К. Моррис писал, что Папство во времена Иннокентия III могло лишь сопротивляться давлению светской власти и отвечать на него моральным давлением, но не могло командовать представителями светской власти [Morris 1989]. Обращаясь к работам последних лет, стоит уделить внимание работе А.А. Устиновой, сделавшей вывод на основе постановлений IV Латеранского собора об организованном сотрудничестве между Церковью и светской властью [Устинова 2009].

В данной работе были проанализированы постановления (каноны) IV Латеранского собора в переводе М.Б. Бессудновой и А.А. Устиновой [Бессуднова, Устинова 2012]. Они представляют собой составленный IV Латеранским собором свод канонов, в которых можно проследить заметное влияние Папы Иннокентия III. Обращаясь к содержанию канонов, для исследователя данной проблемы наиболее интересны статьи, посвященные взаимоотношениям со светской властью, а также, те статьи, в которых говорится о наказаниях еретиков и реализации этого наказания светской администрацией.

Самым распространенным и вместе тем самым действенным способом принуждения светской власти к исполнению церковной воли являлось отлучение. В канонах 1215 г. оно рассмотрено наиболее полно, что явно свидетельствует о его слабом исполнении. Таковы статьи «О еретиках» [Там же, с. 25–27], «О форме отлучения» [Там же, с. 49–50] и «О наказании за несправедливое отлучение» [Там же, с. 51–52], показывающие нам переход на процедуру с судебным разбирательством, четкой регламентацией и недопущением произвола со стороны клира. Обвинение исходило от доказательства вины, что служило росту морального авторитета Церкви. При этом сама угроза отлучения, в свой черед, становится инструментом политики Церкви. Ибо уже подозрение в связях с ересью имело для обвиняемого

серьезные последствия в виде угрозы анафемы и исключения из религиозной жизни. И даже в случае отлучения местными епископами за неисполнение присяги в деле очищения земель от ереси, давался год для исправления положения, что служило дополнительным мотивом для исполнения церковной воли. И уже само отлучение было серьезным наказанием для светского феодала, поскольку «вассалы оказались освобожденными от верности ему» [Там же, с. 26] и его земли вместе со всеми вассалами передавалась тому, кто способен исполнить волю Церкви.

Дополнительным мотивом для мирян является выдача индульгенций за участие в деле очищения земли от еретиков. Таким жестом мероприятия по искоренению ереси приравнивались к Крестовым походам.

Помимо отлучения в статье «О еретиках» [Там же, с. 25–27] мы встречаем такие инструменты церковного воздействия как убеждение, принуждение и даже церковное наказание. Из этого можно предположить, что у Церкви было достаточно возможностей для морального давления на представителей светской администрации с целью принуждения их к преследованию еретиков. Причем, это же положение должно скрепляться присягой сразу по вступлению в церковную или светскую должность.

Примечательна статья «О том, что светские власти не должны производить выборы» [Там же, с. 40]. В ней мы прослеживаем попытку Церкви защититься от вмешательства светского интереса в дела духовные. Для противодействия вышеописанным методам светская власть активно вмешивалась в дела духовенства, в т.ч. в церковные выборы. О чем свидетельствуют статьи посвященные разделению обязанностей между светской и духовной администрацией. Статья «О светской юрисдикции» [Там же, с. 47] не позволяет духовенству вмешиваться в дела светской власти. Об этом же говорит статья «О запрете духовным лицам участвовать в суде, где приговаривают к смерти, и приговаривать к смерти, и присутствовать на турнире» [Там же, с. 36–37], которая возлагает ответственность за исполнение приговора за светской администрацией. Вместе с тем эти статьи предполагают наличие сотрудничества между местным духовенством и светскими властями.

Общую картину дополняет статья «Поход ради освобождения Святой Земли» [Там же, с. 63–67] в которой на духовенство возлагается обязанность надзирать за деятельностью крестоносцев и в их числе за различными светскими лицами. Все это подводит нас к мысли о высокой роли межличностных связей между духовенством и светскими представителями.

Изучение проблемы позволяет заключить, что инструментарий Церкви для воздействия на светскую администрацию на момент нач. XIII в. был обширен. Отлучение и сама по себе угроза отлучения являлись серьезным аргументом Церкви, претендовавшей на руководство светской властью. Отлучение дополнялось моральным давлением на представителей светской

власти. Вмешательство в церковные дела представляло собой отдельную опасность для папства, поскольку ослабляло возможности Церкви по отношению к светской власти. Потому можно сделать вывод о том, что данная проблема должна рассматриваться подробнее в рамках региональной истории с привлечением новых источников, для изучения особенностей реализации церковных предписаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бессуднова М.Б., Устинова А.А. Постановления IV Латеранского собора 1215 года: учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета. Липецк, 2012.

Герье В.И. Расцвет западной теократии. М., 1916.

Григулевич И.Р. Инквизиция. М., 1976.

Иванов К.А. Средневековое папство и его представители. Пг., 1915.

Ли Г.Ч. История инквизиции в средние века. Т. 1. М., 1994.

Лозинский С.Г. История папства. М., 1986.

Люшер А. Иннокентий III и альбигойский крестовый поход. СПб., 2003.

Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции. М., 2005.

Ольденбург З. Костёр Монсегиора: История альбигойского крестового похода. СПб., 2001.

Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. М., 2000.

Сидорова Н.А. Народные еретические движения во Франции в XI–XII вв. // Средние века. 1953. Вып. 4.

Устинова А.А. IV Латеранский собор 1215 года и программа борьбы с альбигойской ересью // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2009. № 111.

Morris C. The papal monarchy. The Western Church from 1050–1250. Oxford, 1989.

M.A. Nikitin

Veliky Novgorod (Russia)

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

USE OF SECULAR AUTHORITIES BY THE CHURCH FOR PERSECUTION ALBIGENSIANS BASED ON MATERIALS OF THE CANONS OF THE FOURTH LATERAN COUNCIL OF 1215

Spreading of Albigensian heresy in 12th–13th posed a serious threat to the catholic Church, the question of the neutralization of which was on agenda of the Fourth Lateran Council of 1215. By analysing the canons adopted by the Council, the author

examines the mechanisms which the clergy used to engage secular authorities in the persecution of heretics. Excommunications played a key role among them, which was used by the Church as a superior argument in favour of its superiority over secular power. At the same time, it should be noted that the canons reflected the desire of the Church to counteract local church authorities' fall into dependence on feudal administrative structures. Thus, based on the canons adopted by the council of 1215, the author concludes that the church authorities have the means to mobilize administrative capacities to fight heresy under their own leadership.

Keywords: the Fourth Lateran Council, Albigensian heresy, secular authorities, papacy, canon law, the Church.

А.Л. Новосёлов
г. Казань (Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

РАССКАЗ О ЧУДЕ В НЕВСКОЙ БИТВЕ: ИСТОРИЯ ТЕКСТА

Цель исследования — рассмотреть рассказ о помощи ангельского воинства новгородцам в битве со шведами в 1240 г. в контексте редактирования новгородского летописания в 20-е гг. XV в. Анализируются свидетельства о чуде в Невской битве, сохранившиеся в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов, Повести о житии Александра Невского, Софийской первой и Новгородской четвертой летописях. Прослеживаются изменения в характере изложения событий 1240 г. и взаимовлияния летописной и агиографической традиций в описании князя Александра Ярославовича. Научная новизна заключается в изучении исторического контекста появления нового новгородского летописного свода в 20-е гг. XV в., в который впервые был включен рассказ о чуде в Невской битве. В результате показано, что в аллюзии на победу Александра Невского при помощи высших сил в битве 1240 г. в протографе Новгородской первой летописи младшего извода отразились успешные военно-политические акции князя Константина Дмитриевича. Создание летописного свода в Новгороде в 20-е гг. XV в. с добавлением в его состав выдержек из жития Александра Невского призвано было укрепить авторитет Константина Дмитриевича по отношению к великому московскому князю.

Ключевые слова: чудеса, Невская битва, Александр Невский, Новгородская первая летопись, Повесть о житии Александра Невского.

В свое время Д.С. Лихачев обратил внимание на литературное влияние южнорусского летописания на книжные традиции северо-восточной Руси. В частности, он сопоставил Галицкую летопись с Первоначальной редакцией Повести о житии Александра Невского и установил между ними сходство в манере повествования, строящемся на стыке воинской повести и жития. Д.С. Лихачев объяснял это тем, что митрополит Кирилл, прибывавший с 1251 г. во Владимире, обратился к галицким книжникам с целью создания жизнеописания князя Александра Невского [Лихачев 1947, с. 52].

Это предположение Д.С. Лихачева позволило выдвинуть гипотезу о том, что митрополит Кирилл сам мог быть автором жития Александра Невского, учитывая его несомненную причастность к составлению жизнеописания Даниила Галицкого. А.Н. Ужанков убедительно доказывает, что автором Летописца Даниила Галицкого и Повести о житии Александра Невского является митрополит Кирилл. В этом исследователе видит объяснение яркого индивидуально-авторского письма в обоих произведениях [Ужанков 2009, с. 354].

Повесть о житии Александра Невского — исключительный образец агиографического произведения. С одной стороны, это житие, строящееся по канонам агиографии и прославляющее набожность князя Александра. Но в то же время, его жизнеописание обладает чертами исторического и воинского повествования. Принято полагать, что Первоначальная редакция Повести о житии Александра Невского была составлена по заказу Дмитрия Александровича и митрополита Кирилла в 80-е гг. XIII в. книжником монастыря Рождества Богородицы во Владимире [Повесть о житии Александра Невского]. Повесть содержит краткие рассказы о важнейших эпизодах из жизни Александра Невского: битвах на Неве и Чудском озере, дипломатических отношениях с папой римским и Ордой. Одним из идеологических инструментов автора Повести является позамствованный им, вероятно, из Галицкой летописи прием включения в воинское повествование свидетельств о чудесах.

Центральное место в Повести о житии Александра Невского занимает рассказ о Невской битве 1240 г. Именно в ходе битвы со шведами, по свидетельству автора, «бысть ... чюдо дивно». В бой на стороне новгородцев вмешались ангелы божьи: «зде же обретошася многое множество изиеных от аггелх божиих» [НПЛ, с. 293–294].

Подробно историография вопроса о времени происхождения рассказа о Невской битве изложена в статье М.А. Несина и М.В. Фомичева [2020, с. 71–131]. В большинстве случаев исследователи подтверждают свою точку зрения анализом отдельных сюжетов рассказа о Невской битве и трансформации их в Повести о житии Александра Невского (в разных редакциях) и в других (преимущественно, поздних) летописях. М.А. Несин и М.В. Фомичев среди множества эпизодов рассматривают и чудо, о котором подробно сообщается в Повести о житии Александра Невского [Несин, Фомичев 2020, с. 108–115]. Авторы статьи убедительно показывают, что рационалистический подход к трактовке этого эпизода заводит исследователей в тупик. Поэтому анализировать чудо следует с текстологической точки зрения.

О знаменитой битве Александра Ярославовича со шведами в 1240 г. впервые сообщают Новгородская первая летопись старшего извода (сохранилась в списке XIV в.) и Повесть о житии Александра Невского. Вопрос о том, в каком из источников сохранилось наиболее раннее сообщение

о битве, является в отечественной историографии сложнейшим и до сих пор неразрешенным.

В Новгородской первой летописи старшего извода о победе князя Александра Ярославовича в Невской битве в 1240 г. сообщается, что Александр «не умедли ни мало с новгородци и с ладожаны приде на ня (шведов) и победи я силою святые Софья и молитвами воалычица нашае богородица и приснодевица Мария» [НПЛ, с. 78–79]. Упоминание высших сил — Богородицы, свидетельствует о восприятии современниками этих событий как чуда.

Если принять во внимание то, что рассказ о Невской битве в Новгородской первой летописи старшего извода является наиболее близким к событиям, то позднее появление рассказа о чуде с ангелами становится понятным.

С течением времени появилась необходимость придать событиям Невской битвы религиозный смысл и поставить на первый план сакральный образ князя Александра Ярославовича. Для этого и создается Повесть о житии Александра Невского, в которой пространно и с обильными библейскими цитатами описывается среди прочего Невская битва. По всей видимости, отрывки из этого жития присутствуют в Новгородской летописи младшего извода. По крайней мере, описание «чуда дивного», в тексте Новгородской первой летописи младшего извода идентично житию [ЖАН, с. 362]. Сохранена и четкая агиографическая формула в описании чудес: молитва — чудо.

Книжность и мастерство автора данного жизнеописания не вызывают сомнений. Рассказ изобилует множеством прямых отсылок к библейским текстам. Александр последовательно сопоставляется с библейскими персонажами. Само же чудо, произошедшее в ходе Невской битвы, прямо уподобляется событиям библейской истории: в правления царя Езекии от ангела Господня были поражены ассирийцы, пытавшиеся захватить Иерусалим.

Чудо в ходе битвы, по авторскому замыслу, произошло не просто так. Еще ранее летописец сообщает о молитве князя и обращении его к Богу: «суди, господи, обидящимь мя и възбрани борющимся со мною, прими оружие и щить, стани в помощь мне» [НПЛ, с. 293]. Тем самым подчеркивается, что автором чуда, несомненно, является Бог, а проводником — князь Александр Невский, т.к. ангелы являются на помощь по его просьбе.

Чудо и сама Повесть о житии Александра Невского стилистически напоминают схожие эпизоды владимирского и галицко-волынского летописания: за счет сведения воедино жанровых особенностей воинской повести, чуда и жития проводится мысль о сакральной фигуре князя. Этот шаблон: молитва князя перед сражением — чудо в ходе битвы в краткой форме есть в Новгородской первой летописи старшего извода. Вполне возможно, что он был заимствован не из агиографического источника, а из летописи. Это еще раз подтверждает мысль о том, что рассказ о Невской битве

в Новгородской первой летописи старшего извода первичен по отношению к Повести о Житии Александра Невского.

Итак, Новгородская первая летопись старшего извода не содержит подробного свидетельства о чуде, произошедшего в ходе Невской битвы и пространно описанного в Повести о житии Александра Невского. Следует отметить, что новгородское летописание в целом характеризуется скудностью подобных известий. Д.С. Лихачев писал, что записи Новгородской первой летописи старшего извода близки к дневнику — летописец ведет погодные записи протокольно и непрерывно [Лихачев 1945, с. 115]. Это значительно отличает новгородские летописи от киевского и северо-восточного летописания, в котором историописание сопровождается риторическими отступлениями и широким привлечением литературных источников. Новгородская летопись может фиксировать необычные явления природы и знамения, но известия эти сохраняют стиль погодных записей, исторического повествования без привлечения агиографических приемов описания.

Исследователями установлено, что новгородское летописание восходит к своду 1167 г., который вплоть до 30-х гг. XV в. пополнялся новыми известиями. Около 1330 г. оформился Синодальный список Новгородской первой летописи. Часть записей Синодального списка в XV в. была присоединена к Новгородско-Софийскому своду, являвшемуся также источником Софийской первой и Новгородской четвертой летописей. В получившийся новый летописный свод были включены Житие Александра Невского и Михаила Черниговского, а также фрагмент Повести о Куликовской битве. В конечном итоге, к сер. XV в. сложился текст Новгородской первой летописи младшего извода [Гиппиус 1997, с. 68–70].

Т.В. Гимон провел анализ содержания статей Новгородской первой летописи младшего извода и определил количество сообщений о чудесах. На временном периоде с 1208 по 1396 гг. в тексте летописи обнаруживается 4 записи о знамениях «в солнце», «в луне» и «на небеси». В отрезке 1408–1418 гг. сообщается о 7 подобных явлениях, связанных со знамениями и исцелениями от икон [Гимон 2019, с. 24]. В этот же ряд следует поместить и чудо в Невской битве, которое в первую очередь, будет выделяться тем, что попало в летопись из определенного источника — Повести о житии Александра Невского. Это ставит важный вопрос о мотивах, которыми руководствовался сводчик. В описании чудес в Новгородской первой летописи младшего извода выдержан единый стиль протокольного исторического повествования. Это единство нарушается подробным, эмоционально окрашенным чудом 1240 г. С какой целью летописец в XV в. включил этот и ряд других эпизодов, связанных с Александром Невским в летопись?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к истории складывания текста Новгородской первой летописи младшего извода в 1-й чет. XV в.

Как установил А.Г. Бобров, текст этой летописи складывался в несколько этапов, представляющих собой редакторскую переработку предшествующих летописей. Исследователь связывает редакции летописей Великого Новгорода в 20-е гг. XV в. с двумя архиепископами — Феодосием Клопским и Евфимием Брадатым [Бобров 2000, с. 84]. Именно при Феодосии Клопском, по мнению А.Г. Боброва, около 1423 г. в протограф Новгородской первой летописи младшего извода были включены летописные статьи об Александре Невском, о родословии великих князей и русских городах, добавлены погодные записи 1421, 1422 и 1423 гг. [Бобров 2000, с. 89].

О Феодосии известно, что в 1421–1423 гг. он был новгородским владыкой, впоследствии смещенным новгородцами и сосланным в Клопский монастырь. Житие Михаила Клопского содержит сведения о том, что инициатором и организатором низложения Феодосия было новгородское боярство. Причиной этому, по мнению исследователей, послужило стремление владыки к переделу новгородского землевладения [Великий Новгород... 2007, с. 469]. Более того, вероятно, Феодосий Клопский являлся выразителем промосковских взглядов, что, по мнению А.Г. Боброва, отразилось в его редакторской работе над Новгородской первой летописью младшего извода. Изменения, о которых говорилось выше, внесенные им в летопись в 1423 г., были выполнены по центрально-русскому летописному источнику — протографу Софийской первой и Новгородской четвертой летописей [Бобров 2000, с. 89]. Это сильно меняло весь характер повествования Новгородской летописи — традиционный узконовгородский подход к ведению владычной летописи склонялся в сторону общерусского летописания [Бобров 2000, с. 92].

Следует обратить внимание, что статьями о родословии великих князей и о русских городах, правками статей 1204–1251 гг. и добавлением годовых статей 1421, 1422 и 1423 гг., выделенными А.Г. Бобровым как результат редакторской работы Феодосия, не ограничивается ряд необычных для новгородского летописания общерусских известия. В 1420 г., по сообщению летописи, «в Новѣгород прихаль с Москве» князь Константин Дмитриевич. Этот приезд летописец объясняет конфликтом Константина с его братом — великим князем Василием Дмитриевичем, который «хотель его в челование привести под своего сына Василья». Константин не пожелал клясться в верности племяннику, за что Василий отобрал у него отчину [НПЛ, с. 412]. Осведомленность автора этого сообщения в тонкостях взаимоотношений московских князей может свидетельствовать о том, что этот фрагмент был также добавлен в летопись в период архиепископства Феодосия Клопского.

Дело в том, что князь Константин Дмитриевич встречался Михаилом Клопским — основателем монастыря, выходцем из которого и впослед-

ствии игуменом был Феодосий. Михаил Клопский, по некоторой версии, родственник Дмитрий Волынского-Боброка, известного воеводы Дмитрия Донского, был сторонником объединения русских земель вокруг Москвы и всячески желал разрешения конфликта Константина и Василия Дмитриевичей [Янин 1979, с. 59].

Константин Дмитриевич был новгородским наместником в 1408–1411, 1413–1414 и 1420–1421 гг. Не смотря на юный возраст (род. в 1389 г.) летописцем отмечается, что князь был «совершен умом». В 1420 г. новгородцы приняли Константина Дмитриевича своим князем, а в актах сохранился его титул как великого князя [Там же, с. 54]. Кроме того, Константин Дмитриевич, будучи новгородским наместником, известен своим успешным походом на немцев в 1408 г., взятием Порхова. В Новгородской первой летописи также сообщается о еще одной успешной внешнеполитической акции князя — продлением изборского договора о торговле между Русью и Ганзой. Об этом в летописи имеется запись под 1420 г. [НПЛ, с. 412–413]. Важно обратить внимание, какое в этом рассказе летописец приводит сравнение: посадники Новгорода, направленные Константином Дмитриевичем на переговоры, «взяша вечныи миръ по старине, како быль при великом князе Александре Ярославличе» [Там же, с. 413].

Точно такое же свидетельство читается в Новгородской четвертой и отсутствует в Софийской первой летописи [ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2, с. 427]. Однако следует полагать, что в этом случае составитель Новгородской четвертой летописи заимствовал рассказ о мире с немцами из источника Новгородской первой летописи младшего извода. Это подкрепляется тем, что текст Новгородской четвертой летописи опирается на общерусский Новгородско-Софийский свод вплоть до 1418 г. [Новгородская IV летопись]. Поэтому, по всей вероятности, статья 1420 г. в Новгородской первой летописи была добавлена или отредактирована Феодосием Клопским.

Это предположение позволяет объяснить в целом мотивы его редакторской работы. Наполнение новгородской летописи общерусскими известиями, в частности выдержками из Повести о житии Александра Невского было связано со стремлением укрепить авторитет князя Константина Дмитриевича, который неявно уподобляется своему героическому предку — походы против немцев, выгодный мир с Ганзой. Знакомство Константина Дмитриевича с Михаилом Клопским не исключает его контактов с Феодосием, также сторонником сильной Москвы. Вполне возможно, что молодой, но «совершенный умом» Константин мог привезти с собой список общерусской летописи и передать ее Феодосию. В результате высказанного предположения становится возможным объяснить мотивы, побудившие Феодосия Клопского в нач. 20-х гг. XV в. исправить новгородскую владычную летопись, ко-

торая издревле наполнялась новгородскими известиями, по общерусскому летописному своду. Целью владыки было примирение московских князей за счет поднятия авторитета Константина Дмитриевича, похожего в своих делах на великого Александра Невского. Слияние новгородской и общерусской летописи ознаменовало идейное стремление выходцев из Клопского монастыря к объединению Руси под главенством Москвы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Житие Александра Невского [ЖАН] // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [НПЛ]. М., 1950.

Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Новгородская четвертая летопись. Л., 1925.

Бобров А.Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2000.

Великий Новгород. История и культура IX–XVII вв. Энциклопедический словарь. СПб., 2007.

Гимон Т.В. Новгородские владычные летописцы второй трети XIV — начала XV в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2019. № 1 (75).

Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16).

Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // Труды отдела древнерусской литературы. 1947. Т. 5.

Лихачев Д.С. Новгородская летопись XIII–XIV вв. // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х — 1580-х гг. М.; Л., 1945.

Несин М.А., Фомичев М.В. О некоторых дискуссионных вопросах и мифах, относящихся к Невской битве 1240 года (к 780-летию Невской битвы) // Novogardia. 2020. № 1.

Новгородская IV летопись // Словарь книжников и книжности Древней Руси. URL.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4288>

Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. URL.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4546>

Ужанков А.Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. М., 2009.

Янин В.Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979.

*A.L. Novoselov**Kazan (Russia)**Kazan (Volga Region) Federal University*

THE STORY OF THE MIRACLE AT THE BATTLE OF NEVA:
HISTORY OF THE TEXT

Purpose of the study — to examine the story about the help of the angelic troops to Novgorodians in the fight against the Swedes in 1240 in the context of editing of the Novgorodian chronicle in the 20s of 15th century. The witnesses about the miracle in the Neva fight, preserved in the Novgorodian first annals of older and younger editions, the Tale about the life of Alexander Nevskiy, the Sofia first and the Novgorodian fourth annals are analyzed. Changes in a character of the statement of events in 1240 and mutual influence of annalistic and hagiographic traditions in the description of the prince Alexander Yaroslavovich are traced. Scientific novelty consists in the study of historical context of the appearance of a new Novgorodian annalistic code in the 20th century in which the story about the miracle of Neva fight was included for the first time. As a result it is shown that in the allusion to Alexander Nevskiy's victory with the help of higher powers in the battle of 1240 in the protograph of the Novgorod first annals of younger branch the successful military and political actions of the prince Konstantin Dmitrievich were reflected. Creation of the Novgorod annalistic codex in the 20s of 15th century with the addition of the extracts from Alexander Nevskiy's life was supposed to strengthen the authority of Konstantin Dmitrievich in relation to the grand duke of Moscow.

Keywords: miracles, Neva fight, Alexander Nevskiy, Novgorod first annals, the Tale of Alexander Nevskiy's hagiography.

И.В. Новиков

г. Санкт-Петербург (Россия)

Санкт-Петербургская Духовная Академия

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПРОСЛАВЛЕНИЯ КНЯЗЯ ТИМОФЕЯ (ДОВМОНТА) ПСКОВСКОГО

Бывший литовский князь, принимая православие, становится князем Псковским, именно тем князем, чье воинское искусство особо воспето Псковскими летописями, более того, именно «Повесть о Довмонте» помещена в начало Первой и Второй Псковской летописи. Князь Довмонт раскрывается уже в Пскове. Дошедшие до нас воинские подвиги князя Довмонта (дерзкие походы в Литву в начале княжения, успешные действия в Раковорском сражении и неоднократная защита Пскова, даже в преклонной старости, от нападений крестоносцев) произошли после его крещения. Отсутствие его имени в списках святых, канонизированных на Макариевских соборах, ставит особый вопрос о времени канонизации князя Довмонта как святого.

Ключевые слова: князь Довмонт, канонизация, прославление, защитники Руси, князья, христианство, святые князья, история Пскова.

Князь Тимофей (Довмонт) один из выдающихся правителей Северной Руси XIII в. В этот исторический период — после смерти князя Александра Невского — могло показаться, что русские северные границы опустели. Однако в это время на Псковское княжение приглашается бывший литовский князь-язычник, который становится ключевой фигурой в данном регионе. Можно предположить, что именно принятие христианства сыграло определяющую роль в становлении князя как великого псковского правителя и защитника Руси от нападков с Запада. Влияние христианства можно проследить не только в успешной политической деятельности, но и в духовном возрастании. Этот процесс был возможен только в результате полного внутреннего принятия истин Православия. Еще до переселения в Псков князь Довмонт столкнулся с серьезным психологическим потрясением, которое описано в «Сокращенной Литовской летописи» [Сокращенная литовская летопись... 1911, с. 5–6] и «Ипатьевской летописи» [ПСРЛ. Т. 2, с. 568]. Речь идет о том, что литовский король Миндовг обманом берет себе в жены жену кня-

зя Довмонта — Марту, которая приходилась умершей жене короля Миндовга сестрой и была похожа на нее. В результате этого князь Довмонт лишается своей супруги. Не составляет труда на основании летописных источников проследить внутренние переживания князя Довмонта. Всеми силами, даже вступая в заговор против короля Миндовга, он пытается спасти свою жену и восстановить справедливость. Найдя сподвижников и развернув литовское войско, он побеждает своего обидчика. Обнаружив, что жена уже убита, князь Довмонт выходит из заговора, хотя он мог провозгласить себя новым королем. Парадоксально, но князь Довмонт отказывается от всего, кроме своего княжества, и удаляется в вотчину, откуда совсем не вмешивается в политическую жизнь Литвы и не влияет на выборы нового короля. Это показывает главный мотив вступления князя Довмонта в данный заговор. Несомненно, именно любовь к жене и желание вернуть ее, а не жажда власти, заставляют князя Довмонта пойти на мятеж против своего короля. Переживание трагедии привело князя Довмонта к тяжелому духовному кризису. Не вступив в борьбу против сына короля Миндовга — князя Войшлека, князь Довмонт переселяется в Псков. Псковичи принимают князя и переселенцев, не боясь угроз со стороны князя Войшлека, который последовательно мстил всем участникам заговора против его отца.

Стоило ли псковичам делать такой шаг, и было ли это «бегство» со стороны князя Довмонта или же разумное переселение? Размышляя над данными вопросами, стоит отметить, что принятие князя Довмонта сулило Пскову большие проблемы не только от князя Войшлека, но и от Галицко-Волыньских князей, которые находились в союзе с князем Войшлеком. Но псковичи принимают князя Довмонта и крестят его в Троицком соборе Пскова с именем Тимофей — в честь мученика Тимофея Палестинского. Как известно, выбор имени и небесного покровителя в Православии не является случайностью, ведь христианин призван подражать своему святому. Мученик Тимофей Палестинский пострадал за исповедание христианской веры. Возможно, что, видя столь сильное желание принять христианство, псковичи и принимают князя Довмонта. И, возможно, именно поэтому крещение проходит в Троицком соборе — главном городском храме для псковичей. С принятием христианства князь Довмонт кардинально меняется. Православие оживляет князя: он становится не только политически активным, но и меняется на духовном уровне. Это равноценно отражено как в церковных памятниках, так и в светских: «Сий бо бе князь не точию храбрством показан от Бога, но боголюбець показася, в мире приветлив, и церкви украшая, попы и нищая любя, и вся праздники честно проводя, попы и нищая и черньцы кормя, и милостыню дая сиротам и вдовицам. Яко же рече Исая пророк: “Князь в стране уветлив, боголюбив, страннолюбець, кроток, смирен, по образу Божию есть; Бог бо мира не аггелом любит, но и человеком

щедряет и показывает милость Свою на мире»» [ПСРЛ. Т. 4, с. 183]. Столь благочестивая жизнь и христианская кончина князя Довмонта стали основанием к прославлению его в лике святых Русской Православной Церкви.

Первый, кто занимался канонизацией князя Довмонта, был виднейший дореволюционный историк, ординарный академик Императорской академии наук, автор большого количества фундаментальных трудов по истории Русской Церкви Е.Е. Голубинский. Он установил точный год прославления князя Довмонта в лике святых по летописной дате постройки храма в честь князя Довмонта в Пскове: «Довмонт или Домант, по христианскому имени Тимофей, князь Псковский, скончавшийся 20-го Мая 1299-го г. Местное почитание началось более или менее вскоре после смерти, если не непосредственно после нее, но не позднее как с 1374-го г. началось и настоящее местное празднование, ибо в этом году была поставлена во Пскове церковь во имя «святого Тимофея, Доманта князя»» [Голубинский 1903, с. 71]. Данная традиция была поддержана митрополитом Евгением (Болховитиновым) [1831, с. 14] и являлась незыблемой до исследований В.И. Охотниковой, которая оспорила точность Псковской Первой летописи. По ее мнению, фраза о построении храма в честь князя Довмонта «поставлена бысть церковь камена святого Тимофея, Доманта князя» [ПСРЛ. Т. 4, с. 193] является ошибочной. Она утверждает: «Эта запись послужила основой для утверждения, что в 1374 г. в Пскове была сооружена церковь в честь Довмонта. Но запись П2Л вообще не содержит имени Довмонт» [Охотникова 2007, с. 493]. Действительно, Вторая Псковская летопись ограничивается только именем святого Тимофея: «поставлена бысть церковь каменна святого Тимофея» [ПСРЛ. Т. 5, с. 16]. Но важно заметить, что уже в 1323 г. — еще до постройки храма в честь князя Довмонта — летописец, отмечая заступничество по молитвам князя Довмонта, обращается к нему по имени в крещении: «помощию Святыя Троицы и молитвою князя Всеволода и князя Тимофея» [ПСРЛ. Т. 4, с. 184]. Подобное упоминание имеется в заметке под 1341 г.: «на Бога, на Святую Троицу и на Всеволожу молитву и на Тимофееву» [Там же, с. 188]. В дальнейших летописных записях о заступничестве князя Довмонта также будет обращение по имени в крещении — Тимофей. Важно отметить, что сомнения в дате канонизации высказывал и Е.Е. Голубинский. Ограничиваясь одной датой, а именно 1374 г., невозможно подтвердить, что в этот год проходил масштабный процесс канонизации с перенесением мощей в другой храм. Тело князя Довмонта было упокоено в Троицком соборе Псковского кремля, и ничего не известно о каком-либо переносе его мощей. Данный факт наводит на мысль о возможной канонизации сразу после смерти, на что также указывал Е.Е. Голубинский. В таком случае, 1374 г. является границей уже окончательно сформировавшегося местного почитания святого.

Столь быстрое прославление возможно только при принятии князя Довмонта его современниками как человека святой жизни, а не только как успешного политического деятеля. Если согласиться с летописным описанием князя Довмонта как истинного христианина, который принимает христианство не по «зову монеты», как наемный князь с дружиной, но по зову души и который живет согласно истинам христианской веры, то столь быстрое прославление действительно возможно. Летописные источники перекрестно свидетельствуют о князе Довмонте, как о человеке достойной жизни, тем самым показывая реальность формирования раннего посмертного почитания. Можно проследить и другие факты, которые свидетельствуют о возможном раннем прославлении князя Довмонта.

Одним из оснований для канонизации сразу после смерти может являться факт погребения князя в Троицком соборе Псковского кремля. Интересно то, что князь Довмонт «рождается» через крещение в новую жизнь и погребается в одном и том же храме. Важно отметить, что псковичи относились с особой сакраментальностью к ансамблю Псковских храмов. Троицкий собор был центром духовной жизни Пскова, более того, это был гарант справедливости и честности общественной и религиозной жизни [Князев 1858, с. 6]. Возможности погребения в Псковском соборе мог удостоиться только человек, святость которого не могла оспариваться. Факт посмертного погребения в самом сердце Пскова — Троицком соборе — косвенно подтверждает возможность раннего посмертного почитания князя Довмонта у самих псковичей и у Церковной иерархии, которая своими действиями свидетельствовала о святости князя. Другим подтверждением этому может являться наличие большого количества летописных воспоминаний о князе Довмонте: именно ему возносятся молитвы в наиболее трудный час. Князь Довмонт в этих летописях иногда ставится в один ряд с князем Всеволодом, но и может упоминаться в исключительном положении.

Особо стоит отметить иконографические памятники. Все сохранившиеся образы князя Довмонта относятся к XV–XVI вв., но одно из изображений является списком с иконы XIII в. Речь идет о Мирожской иконе Божией Матери, сохранившейся в Мирожском монастыре. Согласно исследованиям Ф.А. Каликина [1962, с. 276.], образ был написан до 1299 г., то есть еще при жизни князя. На иконе князь Довмонт изображен уже в преклонном возрасте вместе со своей супругой — Марией. Несмотря на то, что на иконе княжеская чета изображена как донаторы, сам факт такого изображения свидетельствует о глубоком уважении и почитании князя и его супруги.

Таким образом, невозможно точно установить год прославления князя Довмонта в лике святых. Летописное свидетельство, на котором основывались Е.Е. Голубинский и митрополит Евгений (Болховитинов), подвергаясь критике В.И. Охотниковой, может быть оспариваемым. Из-за этого

разрушается основное свидетельство в пользу факта прославления князя Довмонта в 1374 г. Если рассмотреть данный вопрос более детально, то можно увидеть реальную возможность ранней канонизации. Более того, сопоставляя многие факты, связанные с жизненным путем и выбором веры князем Довмонтом, можно найти определенную базу для раннего посмертного прославления. В таком случае, дату Е.Е. Голубинского — 1374 г. — можно считать за некий временной маркер, до которого наверняка сложилось местное почитание святого князя Довмонта. Всероссийское почитание князя начинается во время Ливонской войны 1558–1583 гг., когда князь Довмонт начинает восприниматься русскими воинами своим небесным покровителем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание русских летописей. В 10 т. [ПСРЛ]. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1843.

ПСРЛ. Т. 4. Новгородская и Псковская летописи. СПб., 1848.

ПСРЛ. Т. 5. Псковская и Софийская летописи. СПб., 1848.

Сокращенная литовская летопись начала XVI в. // Смоленская старина. Вып. 1. Ч. 2. Смоленск, 1911.

Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903.

Евгений (Болховитинов), митр. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Т. 2. Киев, 1831.

Каликин Ф.А. Портретное изображение псковского кн. Довмонта // ТОДРЛ. 1962. Т. 18.

Князев А.С. Историко-Статистическое описание Псковского кафедрального Троицкого собора. М., 1858.

Охотникова В.И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследование и тексты. Т. 1. Житие князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта. СПб., 2007.

I.V. Novikov

St. Petersburg

St. Petersburg Theological Academy

ON THE TIMING OF THE GLORIFICATION OF PRINCE TIMOTHY (DOVMONT) OF PSKOV

The former Lithuanian prince, by embracing orthodoxy, becomes the Prince of Pskov, the very prince, whose martial arts are particularly praised by the Pskov chronicles; moreover, it is the “Tale of Dovmont” that is placed at the beginning

of the First and Second Pskov Chronicles. Prince Dovmont is revealed already in Pskov. Duke Dovmont's military feats (daring campaigns to Lithuania at the beginning of his reign, successful activities in the battle of Rakovor, and defending Pskov repeatedly, even in his old age, against crusaders) took place after his baptism. The absence of his name from the lists of saints canonised at the Makary's Sobors sets a specific question about the time of Prince Dovmont's canonisation as a saint.

Keywords: Prince Dovmont, canonization, glorification, defenders of Russia, princes, Christianity, holy princes, history of Pskov.

М.А. Несин
г. Санкт-Петербург (Россия)
МО «Историческое сознание»

РУССКО-КАЗАНСКИЙ КОНФЛИКТ НАЧАЛА 1480-х гг.

Данная работа посвящена изучению русско-казанского конфликта нач. 1480-х гг. Ставится вопрос о союзнических отношениях казанского хана Алегам с пельымским князем Асыкой.

Ключевые слова: Казанское ханство, хан Алегам, Иван III, князь Асыка, князь И.В. Оболенский Курля.

Организованный в мае 1478 г. великим московским князем Иваном III судовой поход на Казань не снял напряженности в русско-казанских отношениях: в сентябре Иван III держал на Вятке своих воевод явно на случай нового казанского вторжения, а в том же году вероятно по этой же причине велел перестроить укрепления в Устюге [Несин 2022]¹.

К марту 1482 г. московско-казанские отношения усложнились. Выехавшему в Крым из Москвы 15 числа русскому послу Ю.И. Шестаку в том случае, если крымский хан Менгли-Гирей задаст вопрос: «а князь велики пак на [литовского] короля идеть ли?», было велено «говорити такъ: «осподарь мой

¹ А.Г. Бахтин и Б.Л. Хамидуллин некритически сослались на известия «Кажировского» и «Ветлужского» «летописцев» (которых некоторые ученые считают фальсификатами XX в. [об этом: Марков 2007]) о разорении казанцами в 1479 г. Поветлужья, на сообщение В.Н. Шишонко о казанских набегах на Вятскую и Пермскую земли около 1481 г., которое восходит к неverified ут-верждению Е.А. Будрина [Несин 2022, с. 118] и на сведения дозорной книги Чухломы 1615 г. о заросшей лесом запустевшей 130 лет назад пашне после «войны казанский людей» [Бахтин 1998, с. 62; Бахтин, Хамидуллин 2014, с. 298]. Такие круглые цифры не всегда точны. В дозорной книге Солигалича 1614 г. давность уничтожения казанцами целого городка Жилина и то преувеличена более чем на 6 лет [Несин 2019, с. 455]. Возможно, сведения чухломской дозорной книги отражали реалии 1-й пол. XVI в., когда казанцы определенно совершали набеги на Чухломские земли.

князь велиики нынѣча делаѣтъ свое дѣло съ казанскимъ» [Сб. РИО. Т. 41, с. 30]². Не исключено, что уже тогда в Н. Новгороде для охраны пограничья от вторжения казанцев стояли великокняжеские воеводы. В таком случае, они прибыли до ледостава, осенью 1481 г.: по выписке из посольских книг, часть их воинов была на легких судах [РК 1977, с. 25]. Поэтому, обострение русско-казанских отношений стоит датировать 2-й пол. 1481 — мартом 1482 г. Разрядная книга (далее — РК) 1475–1605 гг. под 6990 (осень 1481 / лето 1482) г. упоминает стоявших в Н. Новгороде «по казанским вестям», известиям о готовящемся казанском вторжении на Русь, 7 воевод: князя Бориса Михайловича Оболенского [Туреню], князя Ивана Васильевича Оболенского [Курлю], князя Федора [Семеновича] Курбского, Семена Ивановича Пешкова (Семена Федоровича Пешка Сабурова [Алексеев 1989, с. 142]), князя Дмитрия [Ивановича [Там же, с. 141]]³ Оболенского, Константина [Федоровича] Сабурова и князя Константина [Юрьевича] Шаховского [РК 1977, с. 24–25] (А еще, по данной разрядной записи, тогда же «на Вятке были» 3 воеводы: Василий Федорович Сабуров, Василий Федорович Образец Симский и князь Семен Иванович Ряполовской [Там же, с. 25]. Ряд ученых отнеслись с доверием к этим сведениям [Алексеев 1989, с. 142; Борисов 2000 с. 407; Бахгин 2001, с. 184; Волков 2001, с. 15]. Но еще А.А. Зимин отметил, что аналогичный фрагмент этой погодной записи в более ранней РК 1475–1598 гг. имеет ссылку на запись посольских книг за сентябрь 6987 (1478) г. Поэтому «запись о Вятке» РК 1475–1605 гг. «датирована явно ошибочно» [Зимин 1992, с. 151]. Повторное назначение этих воевод «на Вятку» в 1481/82 г. маловероятно: совпадение имен и иерархии всех 3-х воевод нетипично для того времени). Выписка из посольских книг в числе воевод,

² По мнению С.Х. Алишева, это «означало, наверное, испрошение согласия на борьбу против Али хана за пасынка Менгли-Гирея Мухамет-Эмина» [Алишев 1995, с. 39]. Но в 1482 г. мать Мухаммед-Эмина Нур-Салтан еще не вышла замуж за Менгли-Гирея [Почекаев, Почекаева 2012, с. 221; Илюшин 2019, с. 31].

³ А.А. Зимин отождествлял его с князем Дмитрием Семеновичем Оболенским Щепой [Зимин 1988, с. 54]. Но тот в указанных ученым источниках всегда упомянут с прозвищем и прямо не назван по фамилии. Анализируя эту разрядную запись, Ю.Г. Алексеев отметил, что князь И.В. Оболенский Курля с сыном упомянуты в ней впервые [Алексеев 1989, с. 141]. Потом они оба надолго выпадают из источников и фигурируют уже в следующем XVI ст. Видимо, в 1480-х гг. они попали в опалу. Когда и почему, не ясно. Но, если бы Курля очень плохо проявил себя в судовом походе на Казань 1482 г., Василий III его бы не назначил одним из воевод главного, Большого полка в походе на Казань 1506 г. Вероятно, они были замешаны в скандальной истории, вроде разразившегося в 1483 г. в великокняжеском семействе конфликта из-за ожерелья М.А. Палеолог.

стоявших 16 июля 1482 г. в Н. Новгороде для оберегания от [казанского] хана Алегамы, упоминает еще 4-х: 3-х воевод великого князя князей Семена Ивановича [Ряполовского Хрипуна / Молодого]⁴, Ивана [Юрьевича]

⁴ Как отметил А.А. Зимин, «в источниках, повествующих о событиях 1460–70-х гг. обычно не говорится, о каком из Семенов Ивановичей Ряполовских (Хрипуне, или Молодом), идет речь в том или ином конкретном случае» [Зимин 1988, с. 40]. (Иногда из-за этого возникает путаница. К примеру, в одной и той же монографии Ю.Г. Алексеева князь Семен Иванович, участвовавший в походе на Новгород 1477/78 гг. то однозначно отождествлен с Хрипуном, то гипотетически с Молодым [Алексеев 2009, с. 273, 287]). Эти наблюдения Зимина актуальны и для 1480-х гг. По мнению ученого, в 1482 г. Н. Новгороде в качестве воеводы князя Андрея Углицкого находился Молодой, так как Хрипун около 1483 г. попал в опалу [Там же, с. 41]. Но в выписке из посольских книг упомянут «князь Андреев воевода князь Семен Стародубской», которого Ю.Г. Алексеев на основе родословцев идентифицировал как Семена Федоровича [Алексеев 1989, с. 143]. А князь Семен Иванович указан выше в числе великокняжеских воевод. И это мог быть как Хрипун, так и Молодой: даже если Хрипун попал в опалу около 1483 г., то летом 1482 г. еще мог стоять в Н. Новгороде. К тому же при внимательном рассмотрении оказывается не ясно, попал ли кто-то из тезок князей С.И. Ряполовских в опалу в 1483 г. Утверждая об опале Хрипуна около 1483 г., А.А. Зимин сослался на выписку из переписной книги Водской пятины В. Новгорода конца XV в. и на саму писцовую книгу. Если проследовать по сделанным ученым ссылкам, то легко заметить, что согласно выписке, 18 апреля 1483 г. послужильцы какого-то из князей С.И. Ряполовских были поселены в Новгородской земле. В писцовой книге прозвище бывшего владельца этих послужильцев тоже не указано. Об опале то ли Хрипуна, то ли Молодого, источники тоже прямо не сообщают. Не исключено, что его не надо равнять с депортированными новгородскими боярами, у которых послужильцев конфисковали вместе с землями. Вероятно, князь С.И. Ряполовский был на хорошем счету на великокняжеской службе и использование его послужильцев в качестве новых новгородских служилых людей было знаком доверия. А.В. Антонов считает, что в 1482 г. в Н. Новгороде стоял Хрипун: «внимательное наблюдение над формой написания их имен в актах и разрядных записях, помноженное на точно установленные факты их биографий, приводит нас к следующему убеждению. Семен Хрипун в названных источниках всегда именовался без фамильного прозвища, в то время, как Семен Молодой везде фигурирует с таковым» [Антонов 2001, с. 20–22]. Но таким способом различить Хрипуна и Молодого невозможно: в записях РК 1475–1598 и 1475–1605 гг. за 6987 (1478) г. один и тот же князь Семен Иванович, стоявший «на Вятке», указан как без фамилии, так и с ней [РК 1966, с. 20; РК 1977, с. 24]. Таким образом, не ясно, Хрипун или Молодой был в Н. Новгороде в 1482 г.

Шаховского, сына князя Михаила [Ивановича] Деева [Ивана Большого / Ивана Меньшого Худяка]⁵, и 1-го воеводу удельного князя Андрея Большого, князя Семена [Федоровича] Стародубского [РК 1977, с. 25]. Итого, источники упоминают о стоянии в Н. Новгороде в 1481/82 гг. для обороны от казанцев 11⁶ воевод. По выписке, главным из них был великокняжеский воевода князь Иван Васильевич [Оболенский Курля]⁷: ему «с товарищи» был адресован посланный 16. 07. 1482 г. в Н. Новгород наказ Ивана III идти к Казани [РК 1977, с. 25].

Источники умалчивают о причинах русско-казанского конфликта начала 1480-х гг. Историки высказывали догадки, что «в начале 1482 г.» казанскому хану Алегаму со стороны Ивана III «были предъявлены какие-то требования, на которые тот ответил враждебными действиями» [Базилевич 1952, с. 200], или что Иван III уже тогда стремился посадить на казанский престол его брата Мухаммед-Эмина [Худяков 1991, с. 45; Алишев 1995, с. 39; Борисов 2000, с. 406; Волков 2001, с. 15] (в действительности, попытки Ивана III посадить на трон Мухаммед-Эмина, никогда, кстати, не обходившиеся без участия последнего в казанских походах, начались в 6993 (осень 1484 / лето 1485)⁸ г. [РК 1966, с. 20]⁹). Не исключено, что обострение русско-казанских отношений во 2-й пол. 1481 – марте 1482 г. не случайно почти совпало по времени с походом пельымского князя Асыки 1481 г. на находившуюся в московской сфере влияния Великую Пермь. Любопытно, что вскоре удачного

⁵ С.Н. Безносюк отождествил его со старшим сыном И. Большим [Безносюк 2020]. В частной переписке исследователь пояснил: «судя по тому, что жена младшего брата из Михайловичей упоминалась через 40 лет, можно предположить, что в 1482 году все-таки действовал старший сын Михаила Деева».

⁶ А не 14 [ср: Алексеев 1989, с. 143].

⁷ Ю.Г. Алексеев допускал, что это князь И.В. Булгак [Алексеев 1989, с. 143], но в разрядной записи упомянут князь Иван Васильевич Оболенский, которого ученый справедливо отождествлял с князем И.В. Оболенским Курлей [Там же, с. 141]. Маловероятно, что в выписке из посольской документации князь И.В. Оболенский Курля был не указан, при том, что в ней упомянут его сын, князь Дмитрий Оболенский.

⁸ Б.А. Илюшин отнес воцарение Мухаммед-Эмина к 1485 г., сочтя положение нового хана слишком непрочным для двухлетнего правления [Илюшин 2019, с. 37]. Вместе с тем, московский ставленник безотказно пользовался военной поддержкой Ивана III для захвата трона и «бережения» от своих подданных [РК 1966, с. 20; РК 1977, с. 26].

⁹ В РК 1475–1605 гг. братья по ошибке [Алексеев 2009, с. 283] переставлены местами [РК 1977, с. 26].

похода 1483 г. великокняжеских войск на вогуличей и югру¹⁰ и возложения Иваном III на вогулических и югорских князей дани весной 1484 г. [ПСРЛ. Т. 37, с. 49, 95]¹¹, Иван III помог Мухаммед-Амину свергнуть Алегам с престола. Позднее Иван III сообщал ногайским послам, что Алегам был с ним «въ правде», они подписали договор «другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти», но Алегам «в томъ ни в чемъ не стоялъ, а намъ не в правилъ» [Сб. РИО. Т. 41, с. 83], то есть, в тайне от Ивана III вступил в сговор с кем-то из его «недругов». Ногайскую орду, в которой одно время скрывался Алегам и тюменского хана Ибака, у которого укрывались сторонники Алегамы, Иван III, судя по тону его ответов ногайским послам, к недругам не относил. Но и никто из восточноевропейских противников Ивана III, скорее всего не стал союзником Алегамы. Примечательно отсутствие данных о литовско-казанских отношениях в XV в., при наличии ряда сведений о литовско-ордынских и литовско-крымских. С Ордой Казань тоже с конца 1460-х гг. [Несин 2020] не имела союзнических отношений и не поддержала ее во время Стояния на Угре 1480 г. Тверской князь Борисович, рассчитывавший на военную помощь от Литвы, (куда бежал в 1485 г.), не был уличен в сговоре с татарами. Пожалуй, наиболее вероятным кандидатом на роль «недруга» Ивана III, с которым Алегам вступал в тайный сговор, остается восточный сосед Казанского ханства, пельумский князь Асыка, с которым, кстати, интересы Казани на Русском Севере находились в безопасной близости друг от друга. Асыка пытался расширить сферу своего влияния на Пермь, а предшественники Алегамы совершили походы на Устюг и Кимченгу.

¹⁰ Полагают, что тогда великокняжеские воеводы вдобавок зачем-то побии тюменских татар: согласно одному из вологодско-пермских летописцев, «великого князя воеводы ходили князь Федор Курбьской да Иван Салтык Травин на Вогуличи, на Асыку да на Юмшана, с Вологжаны да со Устюжаны. И бися Юмшан и убежа в лес; и побиа многа татар Тюмеских» [Клосс 1976, с. 270]. Но, видимо, хронист по ошибке отождествил потерпевших поражение вогуличей с соседними сибирскими татарами. В более обстоятельных летописных рассказах об этом походе избиение татар не упомянуто [ПСРЛ. Т. 26, с. 275–276; ПСРЛ Т. 37, с. 49, 95]. А при том, что недавно тюменские татары подверглись на р. Каме разбойному нападению известного предводителя устюжских «шильников» А. Мишнева [ПСРЛ. Т. 37, с. 95], такой поступок великокняжеских воевод в санкционированном великим князем походе непременно испортил бы мирные отношения тюменского хана Ибака с Иваном III.

¹¹ Первая выплата дани состоялась в 1485 г. Начало выплат дани сыном Асыки Юмшаном Вологодско-Пермская летопись привязывает к его поездке в Пермь в августе-сентябре того года [ПСРЛ. Т. 26, с. 277].

Летом 1482 г. Иван III попытался разрешить конфликт с Казанью: отправил к хану своего посла князя И.И. Звенца при поддержке судовой рати. РК приводят выписку из посольских книг, по которой 16 июля 1482 г. Иван III послал в Н. Новгород Ивана [Васильевича] Писемского к стоявшим там для оберегания пограничья от хана Алегамы своим воеводам с приказом идти к Казани «с теми людьми, которые» «в лехких судах»; отправка судовой рати была сопряжена с посылкой «к царю в Козань» князя Ивана [Ивановича] Звенца, с которым был отпущен Бурнак (обладатель татарского имени, которого обычно считают татарским послом [см. напр.: Котляров 2005, с. 139; Алексеев 2009, с. 438]) [РК 1977, с. 25]¹². По заключению Ю.Г. Алексеева, «миссия [Звенца] в Казань свидетельствует о желании Ивана III добиться мирного разрешения конфликта»; по мнению ученого, «поход рати “в лехких судах” должен был, вероятно, иметь значение демонстрации для подкрепления требований русского посла, и весь поход 1482 г. приобретает скорее политический, чем военный характер» [Алексеев 1989, с. 143–144]. Как «демонстрацию» этот поход охарактеризовал и ряд иных исследователей [Базилевич 1952, с. 201; Алишев 1995, с. 39; Бахтин 2001, с. 184; Волков 2001, с. 15; Котляров 2005, с. 140]. Но в более поздней книге Алексеев отметил, что «“промышлять делом” — значит вести военные действия. Для этого отбираются легкие суда — предполагались действия на мелководье и вообще нанесение коротких быстрых ударов» [Алексеев 2009, с. 274]. Между тем, в историографии никем не было доказано, что наказ воеводам промышлять государевым делом всегда означал ведение военных действий, а не бескровную демонстрацию военной силы для оказания давления на переговоры. Однако, приказ отбирать для похода к Казани людей только на легких, маневренных судах, явно означал нанесение быстрых ударов в том случае, если дипломатическая миссия князя И.И. Звенца потерпит фиаско.

Другое дело, что источники не упоминают о ведении великокняжескими войсками боевых действий. Возможно, поэтому в московском великокняжеском летописании конца XV в. этот поход на Казань не удостоен упоминания, а лишь сообщается о пребывании великого князя во Владимире [ПСРЛ. Т. 25, с. 329]. Отправленная Иваном III из Н. Новгорода к Казани судовая рать дошла почти до Казани: по Типографской летописи, в которой отразился ростовский владычный летописный свод 1489 г., великий князь с братией (удельными князьями) ходил к Казани, вернулся из Владимира, а судовая рать дошла «мало не до Казани и умирился» [ПСРЛ. Т. 24,

¹² В РК 1475–1598 гг. приведен сокращенный текст, в котором опущены княжеские титулы И.Ю. Шаховского и И.И. Звенца, а также цель судового похода: «промышляли бы есте моим делом» [РК 1966, с. 19–20].

с. 202]¹³. Согласно устюжскому летописному своду нач. XVI ст., воеводы великого князя из посланной им под Казань рати против хана Обреима простояли на Волге все лето (летний сезон / до конца года, наступавшего в то время 31 августа. — *М.Н.*) прежде чем заключить мир и уйти [ПСРЛ. Т. 37, с. 49, 95]. Исследователи доверяют этой информации. Но не ясно, насколько она точна: устюжане в походе не участвовали, а устюжский хронист неверно назвал имя казанского хана, спутав Алегаму с его предшественником¹⁴. Вероятно, устюжане, просидевшие в осаде всю зиму во время неудачного похода Обреима к Устюгу 1478 г. несмотря на то, что хан повернул назад далеко от города в низовьях р. Моломы, думали, что великокняжеская рать без боя добилась примирения с этим ханом лишь после длительного стояния.

В Н. Новгороде с прочими воинами, прибывшими не на легких судах, определенно должен был оставаться кто-то из воевод. Очевидно, это был известный из разрядной записи князь Константин [Юрьевич] Шаховской, не упомянутый в выписке из посольских книг, в отличие от своего брата князя Ивана Юрьевича, посланного в судовой поход к Казани. Кроме того, Иван III отправил на Казань новых своих воевод со своими отрядами и, впервые в истории русско-казанских войн, послал артиллерию, очевидно, осадную: в XV в. войска северо-восточной Руси во время походов к неприятельским крепостям применяли артиллерию именно для их осады, а не использовали корабельную артиллерию для водных боев. Согласно Софий-

¹³ В.Н. Татищев, дословно повторив рассказ ростовского хрониста, добавил, что Иван III вернулся из Владимира «ключений деяя», судовая рать ходила «по Волге», и, «много повоевав, умирившись, возвратились» [Татищев 1996, с. 72]; это расходится с показаниями источников, не упоминавших о военных действиях; тот же А.Г. Бахтин, доверяющий татищевскому известию, все же заключил что до войны дело не дошло [Бахтин 2001, с. 184]. Скорее всего, В.Н. Татищев не использовал уникальный источник, а по своему разумению дополнил рассказ ростовского книжника, как и при описании русского похода на Казань 1478 г. [Несин 2022, с. 117]; опираясь только на летопись, а не на разряды, Татищев не знал о дипломатической миссии князя И.И. Звенца и что даже из Н. Новгорода к Казани пошли не все воины. И домыслил, что судовая рать навязала противнику мир лишь разорив его земли, а сам Иван III не дошел до Казани только ввиду особых обстоятельств.

¹⁴ Источники называют хана по-разному: выписка из «козанских» посольских книг его именует Алегамом, устюжский хронист — Обреимом, что изредка приводит ученых в замешательство [Аксанов 2016, с. 86]. Между тем, упоминание Алегаму в посольской документации, непосредственно связанной с русско-казанскими отношениями, свидетельствует, что в 1482 г. тот уже сменил на престоле своего отца Обреима.

ской II и Львовской (далее — ЛЛ) летописям, в которых отразился летописный свод 1518 г., начал великий князь замышлять поход на Казань, послал впереди себя своих воевод «съ своимъ воемъ» и «Аристотеля [Фиораванти] съ пушками». Великий князь «со всѣмъ воемъ своимъ стоя» во Владимире, а «воеводы» и «Аристотель съ пушками» дошли до Н. Новгорода «и ту же» казанский хан «присла съ челобитьемъ» [ПСРЛ. Т. 6, с. 234; ПСРЛ. Т. 20, с. 349]¹⁵. Видимо, Иван III не просто припугнул Алегаму, а планировал осадить Казань в том случае, если хан не заключит мир с его послом и что-то предпримет против прибывшей под Казань судовой рати. Недаром, командиром артиллерии был назначен итальянский инженер А. Фиораванти, который участвовал в немногих, но очень значимых великокняжеских военных походах — на В. Новгород 1477/78 и Тверь 1485 г. Другое дело, что на этот раз до осады города дело не дошло. Алегам, видимо, не желая ввязываться в серьезную войну с великокняжескими войсками, заключил мир с Москвой. Условия мира неизвестны. Некоторые ученые отождествляют с ним договор Ивана III с Алегамом «другомъ быти, а недругу недругомъ быти» [Бахтин 2001, с. 184; Бахтин, Хамидуллин 2014, с. 298]. Но ближе к истине Д.А. Котляров, лишь допускающий вероятность заключения этого договора в 1482 г. [Котляров 2005, с. 144]. В 1489 и 1490 гг. Иван III сообщил ногайским послам: «грамоты межъ нами съ нимъ [Алегамом] записаны другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти» [Сб. РИО. Т. 41, с. 83, 95, 97]. А время и обстоятельства заключения договора не указал. Поэтому не ясно, был ли он заключен в 1482 г., или позднее, до того, как около 1485 г. Иван III послал своих воевод свергнуть Алегаму и посадить на трон Мухаммед-Эмина (и, наверное, до начавшегося весной 1483 г. похода великокняжеских войск против пельмского князя Асыки, с которым, видимо, в нарушение данного договора, и вступил в сговор Алегам). Во всяком случае, примирение обеих сторон в 1482 г. дало возможность заключить этот договор.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Клосс Б.М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. 1976. М.Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976.

Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1868.

¹⁵ Доведенная до 1533 г. ЛЛ прибавляет: «князь же великий его пожалова, възвратися» [ПСРЛ. Т. 20, с. 349]. Возможно, этот оборот не относится к своду 1518 г., а является поздней припиской: он повторяет слова этой же летописи о завершении русского похода на Казань 1478 г.: «князь же великы пожалова его» [Там же, с. 355].

- ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. СПб., 1910.
- ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.
- ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М., 2006.
- ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи. Л., 1982.
- Разрядная книга [РК] 1475–1598 гг. М., 1966.
- РК 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977.
- Сборник Императорского Русского Исторического Общества. [Сб. РИО]. Т. 41. СПб., 1884.
- Аксанов А.В.* Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань, 2016.
- Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
- Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.
- Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995.
- Антонов А.В.* Новые акты XV века из семейного архива Алферьевых // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7.
- Базилевич К.В.* Внешняя политика русского централизованного государства: Вторая половина XV века. М., 1952.
- Бахтин А.Г.* Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: дис. ...док. ист. наук. М., 2001.
- Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
- Бахтин А., Хамидуллин Б.* Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 4. Казань, 2014.
- Безносюк С.Н.* Деевы // Генеограф — Князівські династії Русі і Литви. 2020. URL: <http://rurik.hostenko.com/2020/01/23/deevy/>
- Борисов Н.С.* Иван III. М., 2000.
- Волков В.А.* Войны Московской Руси конца XV–XVI вв. М., 2001.
- Зимин А.А.* Текстология пространной редакции разрядных книг (за 1475–1537 гг.) // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2.
- Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине в XV — первой трети XVI вв. М., 1988.
- Илюшин Б.А.* Мухаммед-Эмин — «царь» казанский: биографический очерк. Казань, 2019.
- Котляров Д.А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. Ижевск, 2005.
- Марков А.А.* «Хлыновский» князь Никита Иванович Байборода (историческая основа одной легенды) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2007. Вып. 11.
- Несин М.А.* Казанский поход на Вятскую землю и русский поход на Казань 1478 г. // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Мария Михайловна Мартынова (1922–2003), Борис Григорьевич Плющевский

(1912–1998), Николай Николаевич Латышев (1892–1953), Никифор Павлович Павлов (1922–2008): материалы III Всерос. науч. конф. (Ижевск, 14–15 апреля 2022 г.). Ижевск, 2022.

Несин М.А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. 10.

Несин М.А. Набеги большеордынских татар на Русь в 1467–1468 гг. в контексте русско-казанской войны // Ресурсный потенциал региона на службе Отечеству: к 100-летию Удмуртской Республики и 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: сб. ст. по материалам секции Междунар. науч.-практ. форума «100-летие государственности Удмуртии: исторические вехи и перспективы развития» (Ижевск, 7 окт. 2020 г.). Ижевск, 2020.

Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб., 2012.

Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1996.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства М., 1991.

М.А. Nesin

Saint Petersburg (Russia)

MO “Historical consciousness”

THE CONFLICT BETWEEN RUS AND KAZAN KHANATE OF THE EARLY 1480s

This article is devoted to the study of the conflict between Rus and Kazan Khanate of the early 1480s. The question is raised about the allied relations of the Kazan Khan Aлегam with the Pelym Prince Asyka.

Keywords: Kazan Khanate, Khan Aлегam, Ivan III, Prince Asyka, Prince I.V. Obolensky Kurlya.

М.С. Варнаков
г. Санкт-Петербург (Россия)
Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОЛОЖЕНИЯ
ИНОЗЕМНЫХ КУПЦОВ ИЗ СЕВЕРНОЙ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ НА ТЕРРИТОРИИ
НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В XIII–XV вв.**

В статье дана характеристика некоторых особенностей советской историографии о положении иностранных купцов из Северной и Центральной Европы на территории Новгородской земли в XIII–XV вв. В сообщении исследуются основные работы, их проблемы и содержание. В статье предложен вариант периодизации советской историографии о купцах из Северной и Центральной Европы на территории Новгорода. Критерием этой периодизации является наличие работ историков, которые занимались бы вопросом положения западных купцов на территории Новгорода в XIII–XV вв. В тексте подробно рассмотрены работы таких историков, как К.В. Базилевича, Е.А. Рыбиной, Н.И. Казаковой. Автор приходит к выводу, что своеобразной «вершиной» советской историографии является второй период (1950–1991 гг.), в котором подробно исследуются новгородско-ганзейские отношения, а также вопросы положения иностранцев из Европы на территории Новгорода в XIII–XV вв.

Ключевые слова: иноземные купцы, Готский двор, Немецкий двор, Ганза, советская историография.

Советская историография — период развития науки с 1917 по 1991 гг. Работы историков этого периода неоднозначно оцениваются в современном историческом сообществе: их критикуют за то, что все исторические события они подводили под теорию общественно-экономических формаций, различные события считали проявлениями классовой борьбы и т.д. [Историческая наука... 1997, с. 17; Травкин 2021, с. 171–175].

В тоже время, историки советского периода постоянно обращались к экономической сфере жизни общества, что позволило им достаточно полно рассмотреть данный аспект. Интерес к истории экономики появляется

еще раньше, начиная со 2-й пол. XIX в. (такovým историком является, например, А.И. Никитский [2010]).

Историографию советского времени по вопросу положения иноземцев из Центральной и Северной Европы на территории Новгородской земли условно можно разделить на 2 этапа: первый — с 1917 г. до сер. 1950-х, второй — со 2-й пол. 1950-х и до 1991 гг. (развала Советского государства).

Первый этап историографии по рассматриваемому вопросу характеризуется тем, что в это время отсутствуют специальные работы, которые посвящены вопросу нахождения иностранцев на территории Новгородской земли. В исследованиях этого периода можно наблюдать только редкие упоминания о торговцах из Западной и Центральной Европы. Например, в учебнике «История СССР» под авторством К.В. Базилевича и Г.А. Новицкого [1946], имеется упоминания о нахождении на территории Новгородской земли иноземных факторий [Там же, с. 142].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вопрос о русско-ганзейских отношениях не нашел своего отражения в трудах историков того времени. Возможно, это было связано с тем, что в своих исследованиях они уделяли основное внимание классовой борьбе в российской истории, например, выступлениям Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Второй период историографии по вопросу положения иноземцев из Северной и Центральной Европы на территории Новгородской земли датируется 2-й пол. 1950-х гг. — развалом Советского Союза в 1991 г.

Во 2-й пол. XX в. проводятся исследования по русско-скандинавским отношениям, а также публикация актовых источников по истории взаимоотношений между Новгородом и его западными партнерами. Крупнейшими представителями этого этапа историографии по данному вопросу являются Е.А. Рыбина, Н.А. Казакова.

Е.А. Рыбина — доктор исторических наук, археолог, автор многочисленных работ по теме новгородско-ганзейских отношений.

Важное место в изучении положения иноземцев на территории Новгородской земли занимает работа Е.А. Рыбиной «Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв.». Работа состоит из 5 разделов и 4 приложений.

Первый раздел посвящен источникам и литературе по вопросу нахождения иноземных дворов в Новгороде в XII–XVII вв. В данной главе Е.А. Рыбина характеризует источниковедческую базу по периодам ее развития (начиная с выхода документов в нач. XIX в.). Литературу, которая рассматривается в данном разделе, можно разделить на 2 группы: отечественные исследования и западная историография. Говоря об отечественных исследованиях, автор отмечает, что авторы в своих работах упоминают об устройстве иноземного двора, истории, организации быта купцов, а также их правах и обязанностях [Рыбина 1986, с. 13].

Характеризуя историографию зарубежного происхождения, Е.А. Рыбина обозначает основные направления исследований: история ганзейских контор в первые века их существования, новгородско-ганзейские отношения, закрытие иноземного двора в конце XV в. [Там же, с. 12].

Следующие главы книги посвящены истории Готского и Немецкого дворов в Новгороде. В этих разделах дается характеристика возникновению и местоположению готского и иноземных дворов, истории Ганзейской конторы в Новгороде, которая поделена на разделы:

1. Первый этап — XII в.;
2. Второй этап — XIII в.;
3. Третий этап — 1-я пол. XIV в.;
4. Четвертый этап — 2-я пол. XIV в.;
5. Пятый этап — период с 1392 по 1494 гг.;
6. Шестой этап — с 1494 по 1514 гг.;
7. Седьмой этап — XVI в.;
8. Восьмой этап — XVII в. [Там же, с. 175].

Отдельный раздел монографии «Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв.» посвящен устройству Ганзейской конторы в Новгороде. Интересным представляется раздел «Иноземные дворы в Новгороде в XVI–XVII вв.», поскольку здесь описана история иноземного двора в Новгороде в последние века своего существования, вплоть до его полного закрытия. Жизнедеятельность иноземных дворов XVI–XVII вв. существенно отличается от XIII–XIV вв., на что, собственно, и обращает внимание Е.А. Рыбина.

Подводя итог, стоит отметить, в своей работе «Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв.» Е.А. Рыбина представила историю иноземных факторий на территории Новгорода, описала возникновение и местоположение готского и немецкого дворов, изучила устройство ганзейской конторы в Новгороде.

Также ее перу принадлежит статья «Готский раскоп», опубликованная в 1978 г. [Рыбина 1978]. Данная статья отражает результаты раскопок Готского двора, которые были начаты в 1968 г. В ней описаны ход раскопок, культурные слои, различные постройки, различные предметы из железа, кости, цветных металлов, кожи, янтаря, дерева, стекла.

Н.И. Казакова в своем труде «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в.» [Казакова 1975] обозначила основные моменты торговли Великого Новгорода с Ганзейским союзом с конца XIV по нач. XVI в. Анализируя содержание ее работы, необходимо отметить, что автор уделяет большое внимание отношениям между Новгородом и Ганзой. В своей работе она рассматривает упадок немецкого подворья на территории Новгорода, его дальнейшую судьбу во время правления московского князя Ивана III Васильевича, а также его восстановление во время правления Василия III.

При написании работы Н.И. Казакова широко использовала источники, как русского, так и ливонского происхождения. Н.И. Казакова показывает развитие торговли Великого Новгорода со своими соседями через призму международной и дипломатической обстановки.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить следующие моменты.

Во-первых, историография по вопросу нахождения купцов из Северной и Центральной Европы на территории Новгородской земли 1-й пол. XX в. характеризуется лишь отдельными упоминаниями об иноземных дворах. Отмечается только экономическая сторона вопроса: как развивались торговые взаимоотношения между ганзейскими и новгородскими купцами.

Во-вторых, 2-я пол. XX в. характеризуется поиском и опубликованием различных письменных источников, которые, так или иначе, дают представление не только об экономической, но и повседневной стороне вопроса. Это очень отчетливо наблюдается в работах Е.А. Рыбиной и Н.И. Казаковой.

В трудах историков, которые занимаются вопросом проживания иноземных купцов на территории Новгорода, мы не встречаем анализа монографий таких авторов, как Н.И. Казаковой и Е.А. Рыбиной, что является элементом научной новизны данной статьи.

Расширению сведений о повседневности купцов из Ганзы существенно способствовали археологические раскопки Готского двора, которые были проведены в конце 1960-х и нач. 1970-х гг., результаты которых были опубликованы в 1978 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Базилевич К.В., Новицкий Г.А. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие для слушателей ВПШ при ЦК ВКП(б). Ч. 1. М., 1946.

Историческая наука в России в XX веке. М., 1997.

Казакова Н.И. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.

Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 2010.

Рыбина Е.А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.

Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986.

Травкин С.Н. Период правления князя Александра Невского и история денежного обращения Восточной Европы // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современности. Материалы междунар. конф. СПб., 2021.

M.S. Varnakov

Saint Petersburg (Russia)

Pushkin Leningrad State University

SOME FEATURES OF THE SOVIET HISTORIOGRAPHY
OF FOREIGN MERCHANTS' FROM NORTHERN
AND CENTRAL EUROPE SITUATION ON THE TERRITORY
OF NOVGOROD LAND IN THE 13th–15th CENTURIES

The article describes the Soviet historiography on the situation of foreign merchants from Northern and Central Europe on the territory of Novgorod Land in the 13th–15th centuries. The main works that chronologically relate to this period of historiography, their structure, problems and content are investigated. This article offers a variant of the periodization of Soviet historiography about merchants from Northern and Central Europe on the territory of Novgorod. The criterion of this periodization is the presence of works by historians who would deal with the issue of the position of Western merchants on the territory of Novgorod in the 13th–15th centuries. The article examines in sufficient detail the works of such historians as K.V. Bazilevich, E.A. Rybina, N.I. Kazakova. The author comes to the conclusion that during the Soviet historiography, a kind of “peak” is the second period (1950–1991), in which Novgorod-Hanseatic relations are studied in great detail, as well as the issues of finding foreigners from Europe on the territory of Novgorod in the 13th–15th centuries.

Keywords: foreign merchants from the Hansa, Gothic Court, German Court, Hansa, Soviet historiography.

А.А. Лебедева
г. Великий Новгород (Россия)
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

ВКЛАД ФРИДРИХА БРУНСА В ИЗУЧЕНИЕ ГАНЗЕЙСКОЙ ТОРГОВЛИ В БЕРГЕНЕ

Данная статья посвящена анализу исследований немецкого историка Фридриха Брунса (1862–1945), который занимался проблемами функционирования ганзейской конторы в Бергене. В своих исследованиях Ф. Брунс активно поднимал проблему «бергенских гостей» (*Bergenfahrer*), которая до Ф. Брунса не освещалась так широко. Работы Ф. Брунса на тему ганзейского подворья в Бергене до сих пор являются актуальными для историков. Как и во времена жизни Ф. Брунса, так и сегодня исследователи активно ссылаются и обсуждают его работы. Ф. Брунс сформировал особую исследовательскую традицию, характерную для изучения проблематики ганзейской торговли в Бергене, господствовавшую в исследовательской среде 1-й пол. XX в. В данной статье автор сделал выводы о вкладе Ф. Брунса в развитие изучения проблематики ганзейского подворья в Бергене, проанализировал оценки современных авторов исследований Ф. Брунса, а также провел анализ заданной Ф. Брунсом традиции.

Ключевые слова: ганзейский союз, ганзейская торговля в Бергене, Фридрих Брунс, историография, «бергенские гости», ганзейская контора в Бергене.

Фридрих Брунс — немецкий историк, родившийся в 1862 г. [Brandt 1950, s. 100–101] и посвятивший свою жизнь изучению роли Любека в функционировании Ганзейского союза в эпоху Средневековья. Большое внимание Ф. Брунс уделил исследованию ганзейской торговли в Бергене, где располагалась одна из четырех ганзейских контор, которые были созданы для защиты интересов купцов при осуществлении торговли на чужбине. В данном контексте особое внимание исследователь уделил анализу предпринимательской деятельности «бергенских гостей» (*Bergenfahrer*) — специализированной купеческой корпорации любекских бюргеров, заинтересованных в торговле с Норвегией. За счет анализа работ Ф. Брунса получится определить специфику его исследовательских интересов и выявить его вклад в развитие исследования проблематики Ганзейской конторы в Бергене. Данный

анализ необходим для полной оценки перспектив и недостающих деталей исследования данного направления.

Исследовательская деятельность Ф. Брунса подробно не анализировалась историками последующих эпох, однако его работы рассматривались в контексте других исследований данной проблематики. Наиболее развернутый анализ провел М. Буркхард в 2009 г. в своей монографии, посвященной Ганзейской торговле в Бергене в эпоху Позднего средневековья. Были описаны три основных исследования Ф. Брунса по теме «бергенских гостей». Работы историка были оценены М. Буркхардом как важные и авторитетные труды [Burkhardt 2009, s. 15].

Прежде всего, стоит осветить степень изученности ганзейской конторы в Бергене до первых исследований Ф. Брунса, что позволит более ясно понять новизну его работ и оценить степень их значимости. Активная публикация ганзейских источников в XIX в. предопределила масштабное исследование истории Ганзейского союза и особенностей его функционирования. Достаточно динамично началось изучение «бергенских игр» [Harttung 1881, s. 89–111; Koppmann 1881, s. 140–144] — традиционного праздника, проводимого в начале весны с прибытием ганзейского торгового флота в порт Бергена [Dollinger 2012, s. 238], исследовалась борьба любекских купцов за монопольную торговлю в Бергене с купцами других стран [Schweitzer 1900, s. 314–410], появилось первое описание внешнего вида и внутреннего устройства немецкого подворья в Бергене [Schumann 1889, s. 55–128]. Однако детально проблематика ганзейской торговли в Бергене не была рассмотрена. «Бергенские гости» как купеческая корпорация, торговавшая в Норвегии, были известны исследователям, но они не уделяли внимания данной проблематике.

Первое исследование Ф. Брунса, которое касалось проблематики ганзейского подворья в Бергене, было посвящено бергенской церкви св. Марии [Bruns 1896, s. 147–151], в которой немцы отправляли службы на немецком языке вплоть до 1870 г., согласно привилегии, данной им бергенским епископом в 1408 г. [Schubert 2002, s. 33]. Ф. Брунс проанализировал список церковных убранных, обналиченных немецкими купцами в 1528 г. для погашения долгов за вклад в успешную гамбургскую экспедицию против пирата Клауса Книпхова (*Klaus Kniphof*). Помимо этого, историк, на основании протокольных отчетов «бергенских гостей» Любека 1541 г. пришел к выводу, что вышеупомянутый список церковных ценностей не является полным описанием церковного убранства, в то же время отсутствуют источники, которые позволяют определить полный перечень церковного имущества в XVI в. [Bruns 1896, s. 147–151].

В 1900 г. у Ф. Брунса вышла первая масштабная работа, посвященная «бергенским гостям» (*Bergenfahrer*). В данном исследовании нашли отра-

жение темы социального положения любекских купцов в Бергене, установления ими монопольной торговли на рыбу в Норвегии, масштабов товарооборота и особенности судоходства между Любеком и Бергеном, процессов производства торговых операций между купцами данных городов. После анализа источников Ф. Брунс указал, что с 1276 г. ганзейцы начали оставаться в немецкой конторе в Бергене на зиму [Bruns 1900], что нашло развитие в исследованиях последующих историков, например К. Шуманна [Schumann 1889, s. 60]. Ф. Брунс ввел в научный оборот множество источников, такие как деловые переписки и частные торговые договоры, на основе которых заключил, что большое количество полученных немцами привилегий, которыми они могли пользоваться с 15 мая по 15 августа (возможность беспрепятственно покупать сырье на улицах города, освобождение от обязанности нести ночную вахту, запрет на арест или связывание любого немца за преступление и т.д.), были расширены королем Эрихом Магнуссоном в 1294 г., например, была снижена плата с каждого прибывшего ганзейского судна, кроме этого, ганзейцы освобождались от государственной пошлины. В XIV в. ганзейцы имели почти полную монополию на торговлю треской в Бергене, потому что они являлись основными поставщиками зерна, в котором Норвегия сильно нуждалась [Bruns 1900]. Ранее о высокой потребности Норвегии в зерне говорил Г. Сарториус в первом масштабном исследовании ганзейского союза [Sartorius 1808, s. 89–153]. Данные выводы были подтверждены современными исследованиями, например Э. Шубертом в 2002 г. [Schubert 2002, s. 30]. Несмотря на то, что широкие права немцев в Бергене не были стабильными, Ф. Брунс пришел к заключению, что нигде в Северо-европейском торговом регионе Любек не имел таких широких привилегий, как в Бергене. В исследовании также были опубликованы документы, свидетельствующие о размере экспорта и импорта товаров между Бергеном и Любеком. Автор указал, что в основном в Норвегию ввозилось зерно, пиво, шкуры животных, масла и орехи. Основным экспортируемым товаром для Бергена была рыба. Относительно судоходства на основе любекских таможенных книг Ф. Брунс сделал вывод, что суда, используемые для торговли между Любеком и Бергеном, оценивались выше остальных используемых Любеком для торговли в Балтийском море. Важной частью исследования является публикация торговых договоров между «бергенскими гостями» и купцами в Бергене. Ф. Брунс проанализировал данные документы, на основе чего были сделаны важные выводы относительно правовой сферы функционирования ганзейской конторы в Бергене. Суть торгового объединения ганзейцев в Норвегии заключалась в договоре между бергенским торговцем и любекским купцом. После заключения торгового договора купец из Любека получал процент от выручки купца из Бергена. Таким образом Ф. Брунс конкретизировал механизм торговой кооперации в Ганзейской

конторе Бергена. Относительно опубликованных в исследовании завещаний «бергенских гостей» Ф. Брунс пришел к выводу, что в связи с тем, что «бергенские гости» должны были самостоятельно устраивать свое благополучие в Бергене и строить карьеру, большинство браков были достаточно поздними и малое число любекских купцов имели законных наследников в Бергене. Представленными выводами Ф. Брунс обосновал относительно небольшое количество любекских наследников в Бергене [Bruns 1900].

Большой вклад в исследование ганзейской торговли в Бергене Ф. Брунс внес за счет публикации важных источников, например документа, в котором Якоб Дус (*Jakob Dus*), бергенский священник, изложил спор между норвежцами и ганзейцами, предметом которого стало выступление норвежцев против привилегий ганзейцев, торговавших в Бергене [Bruns 1903, s. 142–152]. Еще одним примером является публикация источников, способных осветить биографии «бергенских гостей» — хрониста Ганса Рекемана (*Hans Reckemanns*) и его коллеги Герда Корффмейкера (*Gerd Korffmaker*). Данные источники были опубликованы в 1896 г. до выхода первой масштабной работы 1900 г. Ф. Брунса как предисловие, а в 1903 г. Ф. Брунс опубликовал дополнение к выводам о данной проблеме — было уточнено, что предположительно Герт Корффмейкер скончался за пределами Любека, вероятно, в деловой поездке [Bruns 1903, s. 163–165].

В 1939 г. вышло еще одно исследование Ф. Брунса, посвященное организационной структуре ганзейской конторы в Бергене. В данной работе Ф. Брунс опубликовал множество источников, с помощью которых он определил обязанности и факты из биографии многих делопроизводителей, работавших в конторе. В этом исследовании также опубликованы некоторые заявления самих секретарей. Через 8 лет после смерти Ф. Брунса под руководством А. Брандта было опубликовано его последнее масштабное исследование. Работа посвящена отношениям между жителями ганзейской конторы в Бергене и городским населением Бергена. Как отмечал М. Буркхард, в данной работе отражено противостояние национальным взглядам на торговлю немцев в Норвегии, что придает этой работе объективный характер по сравнению с предыдущими исследованиями данной проблематики [Burkhardt 2009, s. 15].

После проведенных Ф. Брунсом исследований истории, занимавшие проблематикой «бергенских гостей», имели конкретизированный материал по их функционированию в Ганзейской конторе в Бергене, обладали систематизированным знанием об единой ганзейской правовой системе в Норвегии, располагали большим количеством опубликованных источников, свидетельствующих о деятельности любекских купцов в Бергене и товарообороте между купцами Любека и Бергена. Примером может служить исследование В. Штайна, посвященное ганзейским городам. Историк затро-

нул вопрос высокой значимости венских городов и в качестве доказательства привел вывод Ф. Брунса о том, что в самом Любеке родились не более 24,1% «бергенских гостей» [Stein 1914, s. 276]. В. Фогель в своей работе доказывал дружественные отношения норвежцев и немцев на территории Бергена. В качестве подтверждения он упоминал опубликованные Ф. Брунсом завещания «бергенских гостей» [Vogel 1934, s. 177]. Также, если обратиться к современным исследованиям ганзейской конторы в Бергене, видно, что ни одно исследование не было проведено без опоры на первую масштабную работу Ф. Брунса. Например, Т. Брюк, в одной из своих работ указал на низкую степень изученности «бергенских гостей» из других ганзейских городов, за исключением Любека, в то время как «бергенские гости» в Бергене он обозначил как достаточно изученную проблематику благодаря работе Ф. Брунса [Brück 1999, s. 126]. М. Буркхард отмечал, что после выхода первой книги Ф. Брунса все исследования 1-й пол. XX в. на тему «бергенских гостей» были написаны под влиянием сформированной Ф. Брунсом традиции [Burkhardt 2009, s. 15]. Ф. Брунс задал направление исследовательской мысли XX в., которое отодвинуло на второй план другие аспекты проблематики Ганзейской конторы в Бергене, например, «бергенские игры» или социальные отношения между купцами Любека и норвежцами. Это дает повод не останавливаться на изученном, а продолжать исследовать источники и ставить перед собой новые вопросы, как в свое время сделал это Ф. Брунс, что дало толчок и направление всему изучению ганзейской конторы в Бергене до настоящего момента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Brandt A. von. Friedrich Bruns (1862–1945) // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 69. Leipzig, 1950.

Bruns F. Die Lübecker Bergenfahrer und ihre Chronistik. Berlin, 1900.

Bruns F. Nachträge zur Lebensgeschichte Hans Reckemanns und Gerd Korffmachers // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 28. Leipzig, 1903.

Bruns F. Norweger und Deutsche zu Bergen // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 28. Leipzig, 1903.

Bruns F. Zur Geschichte der Kleinodien des Deutschen Kontors zu Bergen // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 23. Leipzig, 1896.

Brück T. Korporation der Bergenfahrer in den wendischen Städten unter besonderer Berücksichtigung Stralsund // *Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte*. Bd. 48. Köln; Weimar; Wien, 1999.

Burkhardt M. Der hansische Bergenhandel im Spätmittelalter. Handel-Kaufleute-Netzwerke // *Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte*. Bd. 60. Köln; Weimar; Wien, 2009.

- Dollinger P.* Die Hanse. Stuttgart, 2012.
- Hartung J.* Die Spiele der Deutschen in Bergen // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 7. Leipzig, 1881.
- Koppmann K.* Herluf Lauritssöns Bericht über die Spiele der Deutschen zu Bergen // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 7. Leipzig, 1881.
- Sartorius G.* Geschichte des Hanseatischen Bundes. Bd. 1. Göttingen, 1808.
- Schubert E.* Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse // *Concilium medii aevi*. 2002. Bd. 5.
- Schumann C.* Die deutsche Brücke im Bergen // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 18. Leipzig, 1889.
- Schweitzer V.* Christian IV. von Dänemart und sein Verhältnis zu den niederdeutschen Städten bis zum Jahre 1618 // *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. Lübeck, 1900.
- Stein W.* Die Hansestädte // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 41. Leipzig, 1914.
- Vogel W.* Besprechung auf «Hanseaterne og Bergen. Forholdet mellem de norske og det bergenske bysamfund» von C.K. Wiberg // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 58. Lübeck, 1934.

A.A. Lebedeva

Veliky Novgorod (Russia)

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

FRIEDRICH BRUNS' CONTRIBUTION INTO THE STUDYING OF HANSEATIC TRADE IN BERGEN

This article is dedicated to the analysis of Friedrich Bruns' researches (1862–1945), who studied the problems of the functioning of the Hanseatic office in Bergen. In his researches F. Bruns actively raised the problem of Bergenfahrer, which wasn't covered so widely before F. Bruns. F. Bruns' works on the topic of Hanseatic courtyard are still actual for the historians. As well as in the F. Bruns' lifetime, researchers actively refer and discuss his works nowadays. F. Bruns formed particular investigative tradition, which was typical for the studying of Hanseatic trade problems in Bergen and dominated in the investigative area in the beginning of 20th century. In this article the author concludes the F. Bruns contribution into the development of studying of Hanseatic courtyard problem in Bergen, analyses the modern authors' estimations of F. Bruns researches, also he analyzed the F. Bruns' tradition, and came to the conclusions about poorly worked out questions of the discussed direction for the evaluation of the perspectives of the issue studying.

Keywords: Hanseatic League, Hanseatic trade in Bergen, Friedrich Bruns, historiographic, Bergenfahrer, Hanseatic office in Bergen.

В.С. Головашкин
г. Великий Новгород (Россия)
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

МЕРЫ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ НА НЕМЕЦКОМ ПОДВОРЬЕ В XIV в. (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОЙ СКРЫ 4 РЕДАКЦИИ)

Русско-ганзейские отношения на протяжении всей своей истории сопровождались конфликтами во многих сферах взаимодействия: профессиональных, бытовых, политических. Косвенно проследить эту проблему помогает устав Немецкого подворья — Новгородская скра. Анализ 4 редакции скры и эпистолярных источников позволяет нам говорить о существовании прецедентов и попытках их урегулирования. По результатам исследования автор делает вывод о значимости такого законодательного акта, как 4 редакция Новгородской скры в разрешении конфликтных ситуаций и защите прав ганзейских купцов.

Ключевые слова: русско-ганзейские отношения, Немецкое подворье, конфликты, скра.

Центром русско-ганзейской торговли в XIII–XV вв. было Немецкое подворье в Великом Новгороде, с которым также было связано множество конфликтов: профессиональные (фальсификация товара, нарушения правил ведения сделок), которые приводили к конфискации товара, задержаниям; политические (притеснения купцов за границей, нарушения берегового права, контрабанда), им следовали аресты, бойкоты, приостановление торговли; бытовые (азартные игры, женский вопрос, посещение питейных заведений), вытекали в потасовки, разбои, убийства [Бессуднова 2017]. Конфликты были различными и обуславливались объективными обстоятельствами, что затрудняло их решение. Тем не менее, взаимовыгодность существующих связей подталкивала стороны к принятию определенных мер для ликвидации этой проблемы с целью сохранения дружеских и деловых отношений и продолжения торговли.

Для рассмотрения данного исторического контекста была привлечена Новгородская скра — устав, составленный для регламентирования деятельности и быта купцов Немецкого подворья. Документ существует в семи ре-

дакциях XIII–XVII вв. В данной работе используется пространная 4 редакция скры 1361 г. в переводе Е.Р. Сквайрс и А.В. Малькова.

Вопрос о причинах возникновения конфликтов и определения их роли в развитии русско-ганзейских отношений традиционно поднимается в отечественной и зарубежной научной литературе. Существуют различные подходы в его решении.

Основная исследовательская деятельность начинается с XX в. В начале столетия Л.К. Гётц отметил объективный характер проблемы конфликтов, который предопределялся разницей культур [Goetz 1922]. Современные ученые берут во внимание общеганзейские кризисные явления в конце Средневековья и перестройку функционирования Ганзы в России [Angermann 2002; Stoob 2005].

В советской историографии особо популярной была «теория барьеров», которая объясняла обострившиеся отношения противодействием ганзейцев русской торговле [Казакова 1975]. Подход критиковался зарубежным исследователем Э. Тибергом. Русские купцы активно торговали в ливонских городах. На них не было гостевого запрета, так как была заинтересованность в русском экспорте. Современные отечественные ученые склонны считать, что возникновение конфликтов имеет объективный характер, который носила распространяющаяся практика «необычной торговли», то есть нарушение принципов «старины» [Бессуднова 2021].

Анализ постановлений скры дает возможность выявить отдельные типы конфликтов и порядок их разрешений.

Ряд установлений касался главного склада подворья — церкви св. Петра. Внутреннее устройство церкви необходимо было держать в тайне, так же как и сохранять ее неприступность. Охранникам запрещалось спать во время несения службы (2.1; 2.2) [Сквайрс, Мальков 2020, с. 71]; требовалось следить за тем, чтобы церковь оставалась недоступной для проникновения (2.3; 2.5) [Там же, с. 71]; быть осмотрительными и не пускать русского в церковь (2.4) [Там же, с. 71]; строго регламентировалось минимальное количество купцов и помощников, которые могли держать церковь открытой (21) [Там же, с. 79]. Данные постановления косвенно свидетельствуют о том, что церковь св. Петра являлась объектом внешних нападений, грабежей, что не могло не породить конфликтов. Купцы терпели убытки и ощущали угрозу от новгородцев. В связи с этим росло напряжение в отношениях: охрана подворья увеличивалась, а ганзейские купцы переставали приезжать в контору. Подобные прецеденты встречаются в источниках [Бессуднова 2017, с. 80–82].

Некоторые статьи напрямую касались защиты жилья и товара. Устанавливались меры по их сбережению от кражи или порчи. Например, купцы были обязаны занести на подворье весь привезенный товар в день приезда (3) [Сквайрс, Мальков 2020, с. 73]; никто не должен позволять русскому заходить в подклеть (44) [Там же, с. 89]; свои клетки нужно запирасть.

Любой понесенный ущерб возмещается самостоятельно (59) [Там же, с. 93]. Из данных статей мы видим, что за сохранность собственности отвечали сами купцы, что объясняется западноевропейским принципом «авантюрной торговли», когда каждый сам несет свой убыток. Следовательно, ганзейцам было важно не провоцировать русских, из-за возможных конфликтов, так как они приводили к разбою и штрафам [Бессуднова 2017, с. 15–18].

В профессиональных отношениях тоже были предусмотрены свои меры, для снижения риска возникновения конфликтов. Предписывалось осматривать ткань и воск перед вывозом из церкви (57–58) [Сквайрс, Мальков 2020, с. 93]. Эти статьи позволяют нам говорить о случаях фальсификации товаров. Такие ситуации ставили под угрозу авторитет импортной продукции и становились причиной конфискации имущества. Подобные сюжеты представлены в письмах купцов [Бессуднова 2017, с. 19–21]. Ученики в клетях должны вести дела по четко установленным правилам и не отступать от регламента, а любой понесенный от русского ущерб лежит на плечах самого ученика (33) [Сквайрс, Мальков 2020, с. 83–85]. Можно судить, что молодые купцы были склонны к нарушению порядка ведения сделки, а значит, давали повод для ссоры и разбирательств, что сопровождалось убытками для торговцев [Там же, с. 106–109].

Отдельные статьи устанавливали определенные правила проживания, взаимодействия с русскими в быту. Когда подворье закрывается каждый должен был попрощаться с русским. В этой же статье говорится, что ответственность за понесенный русским вред от собаки нес тот, кто задержал русского (54) [Там же, с. 91–93]; купцам строго запрещалась игра в кости, особенно на русских подворьях, где не останавливаются немцы, а при азартных играх ставка не должна превышать полуфердинга (77) [Там же, с. 103]. Подобные меры позволяют нам говорить, что русские и ганзейцы активно контактировали и вне деловых сделок. Такие активности могли привести к потасовкам, убийствам, задержанию купцов вне подворья, где не работала Новгородская скра [Там же, с. 98–101].

Судопроизводство по скре оговаривало наказания за нарушения. В 4 редакции скры это были штрафы. Наиболее распространенный денежный штраф по уставу — 1 марка. Самый большой — 50 марок. За особо серьезные нарушения предусматривалось лишение права подворья, в некоторых случаях применялась смертная казнь. Неоднократно упоминаются наказания в виде конфискации имущества. Такие меры были необходимы для обязательности выполнения действующих правил. Подобные нормы отсутствовали в практике судебных разбирательств новгородцев с немецкими купцами за пределами подворья. Зачастую это приводило к произволу по отношению к ганзейцам. Такие прецеденты порождали серьезные дипломатические конфликты, что наносило ущерб торгово-деловым связям. Пример похожего сюжета представлен в корреспонденции Немецкого подворья [Там же, с. 28–29].

По результатам исследовательской работы можно выдвинуть несколько тезисов: во-первых, постановления Новгородской скры служили результатом накопления опыта конфликтных ситуаций и пытались предотвратить их повторение путем наказания за их нарушения. Во-вторых, скра являлась строго регламентированным уставом, способным защитить права ганзейских купцов, чего они не могли ожидать за пределами подворья, так как в Новгороде отсутствовало городское право.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бессуднова М.Б. Корреспонденция новгородского Немецкого подворья из Таллинского городского архива: 1346–1521. В. Новгород, 2017.

Сквэйрс Е.Р., Мальков А.В. Новгородская скра: издание, перевод, исследование. М., 2020.

Бессуднова. М.Б. Русско-Ганзейская торговля в первой половине XVI века. СПб., 2021.

Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.

Angermann N. Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. Köln., 2002.

Goetz L.K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lubeck, 1922.

Stoob H. Die Hanse. Styria., 2005.

V.S. Golovashkin

Veliky Novgorod (Russia)

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

CONFLICT OCCASIONS DE-ESCALATION MEASURES AT THE NEMETSKOYE PODVORYE IN THE 14th CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE FOURTH NOVGOROD SKRA)

Russian-Hanseatic relations throughout history were accompanied by conflict situations in several different fields: professional, domestic, political. Novgorod skra charter of The Nemetskoeye podvorye Implicitly helps us to trace this problem. The analysis of The Fourth Novgorod skra and epistolary literature makes it possible to speak about the existence of precedents and attempts to resolve them. As a result of the study author concludes on the importance of The Fourth Novgorod skra legal act role in resolving conflict situations and protecting the rights of hanseatic merchants.

Keywords: russian-hanseatic relations, Nemetskoeye podvorye, conflict situations, skra.

Tran Thi Uyen
Tyumen (Russia)
University of Tyumen

THE VIETNAMESE EDUCATION SYSTEM IN THE MIDDLE AGES AND ITS COMPARISON WITH THE WESTERN EDUCATION SYSTEM

Feudalism is a form of socio-economic development that emerged after slavery, in which the landowners and nobles possessed land, exploited land rents, and centralized government in the hands of kings and queens landlord. According to Marx's theory, feudalism was the next step after the primitive communal system and slave ownership. However, in each geographical area, feudalism was built with different forms. The typical examples cited in the study are two typical feudal models in two specific regions. With the feudal system in the West, a decentralized feudal model was built with feudal lords allotted land and full control of their territories. In Vietnam, the centralized feudal system was established with the king as the head of the country, having supreme power. Because of that difference, the political, economic, cultural, educational and social aspects of the two regions are also different. Specifically in this article, we delve into the field of education in two areas with the following contents: educational objects, educational content, educational objectives, school system, and regime Examination. The comparison of the education system in the two regions helps us to better understand the educational situation, the similarities and differences in the two geographical regions in order to draw lessons for today's education.

Keyword: The Vietnamese education, middle age, western education.

1. Overview of the general background of medieval history

There is not an exact concept for the term feudalism and the perception of the concept of feudalism in each region is different, it can be understood that this is a socio-economic form that appeared after the feudal regime slave ownership, in which the landowners and nobles took possession of the land, exploited the rents, and the government was concentrated in the hands of kings and landlords.

Western feudalism is understood as since the end of the Western Roman Empire in 476, based on land ownership to exploit and enslave the peasants, the land lord became the ruling class, the serfs became into the ruled class. The concept

of “territory”, “lord” began to appear, to refer to the name of the head of an area, having all the power in that land, considered “a child king”. Western feudalism refers to the states established by the Germans at the beginning of the 5th century: West Goth (founded on the southern territory of Gol, Spanish territory), the Kingdom of Vandan (including North Africa, the islands of the western Mediterranean, the Kingdom of Bourgon (including the southeastern part of Gol), the Kingdom of Anglossa (including the Britanian peninsula), the Kingdom of East Goth (the Italian peninsula), the Kingdom of France (the Northeast of Golgo) (which is now Spain, England, France, Italy). And lasted until the fifteenth century when capitalism appeared in Europe.

Vietnamese feudalism has the characteristics of an Eastern feudal country. Early on, Vietnamese feudalism was heavily influenced by Chinese feudalism because of Vietnam’s special geographical and political factors when Vietnam was located close to the southern border of China and was ruled by China more than 1000 years from the Chinese feudal dynasties. Vietnamese feudalism is not a feudalism of sand lords like Western European feudalism in the Early Middle Ages, but from the beginning it was a state feudal system, in which centralized authority is increasingly strengthened. Vietnam’s feudal system existed from 938 to 1945. However, this article only learns about the period 938–1884, this was the independent feudal period of Vietnam, the time when 10 feudal dynasties were ruled. Vietnam has gradually built and developed the country’s politics, economy, culture and education. Learn about Vietnamese education in this period to see the similarities and differences compared to Western education at the same time.

2. Educational goals

It can be said that the survival and prosperity of a nation and people depend on the education and training of people. Since ancient times, the education of people has been highly valued, Herodotus (484–425 BC) said: “The only good is knowledge and the worst is ignorance”¹ or Russian proverb has the sentence: “A bird is beautiful in its feathers, and a person is beautiful in that he learns”². In Vietnam, Than Nhan Trung once said: “Talent is the national energy”³. And each country and nation has different educational characteristics, depending on each historical period, but it can be seen that the common goal of education in this period is to serve the ruling class.

¹ Herodotus was a Greek historian who lived in the 5th century BC, he is considered the “father of history” in Western culture.

² The original is: “Красна птица перьем, а человек ученьем”.

³ The famous Vietnamese artist, who lived in the 15th century, the Later Le dynasty, the above sentence was engraved on the stone stele with the title of doctor, in 1484.

While in the West, the Catholic Church offers classes at the church, education aimed at understanding theology of God, training clergy, serving the church, or training administrative and legal officials... In Vietnam, the feudal government dynasties choose Confucianism as the main ideology in education in particular and the ruling system in general with the ideology of patriotism and loyalty to the king. Vietnam's feudal system — the totalitarian monarchy state intervenes and comprehensively controls all aspects of the people's life including politics, economy, culture and education. And later on, education is closely linked with government and political ideology. The feudal dynasties of Vietnam opened up learning opportunities for many subjects, focusing on selecting talented people to undertake court work through rigorous examinations. The concept of many Confucians in the previous period, going to school was for the following purposes: understanding morals to live with people around, knowing a little bit of words to write letters, or buying and selling to avoid being bullied by others donkeys, or read the genealogy of the family, in addition to studying to take the exam, to pass as a mandarin, first to try to help people, to help the king, to help the people, then to enjoy the fame and glory of the religious family... This has created motivation, a passion for learning in society, and even some people spend almost their whole life studying and taking exams.

3. Education system

3.1 Educational content

During this period, the educational content of the East and the West were both influenced by religious ideology. The Orient, specifically Vietnamese feudalism, was influenced by Confucianism, with the idea of “country — family — people”, which emphasized loyalty to the king. The content of Western education is mainly theological, dominated by the Churches and influenced by the Catholic Church — an ideologically dominant force.

Most of the Eastern feudal countries following Confucian thought adopted the Chinese educational model, but there were variations to suit each country. In Vietnam, educational content is based on two main sets of books: “The Four Books” and “The Five Classics”. The Four Books are the four classics of Confucianism, including: “Dà Xué”, “Zhōng Yōng”, “Lùn Yǔ”, “Mèng Zǐ”. One of the main contents of The Four Books is focusing on building human and social character with the relationships of “king — people”, “father — son”, “husband — wife” and 5 human virtues: “kindness, ceremony, righteousness, wisdom, prestige” is benevolent, double-minded, helping others; upright, just; know harmonious relationships with people; respect the words they have said and done; and especially “wisdom” as a factor to promote learning, educate people to take exams and pass as a mandarin, and this is also a factor to refer to a “gentleman” — someone who has all the above factors is respected in society. “The Five Classics” is a system

of Chinese classics used as the foundation of Confucianism, including: Shī Jīng, Shū Jīng, Lǐ Jì, Yì Jīng, Chūn Qiū. Covered are the teachings, educating people through ancient records, in order to admonish the later generations to cultivate according to the previous kings.

Although the “The Four Books”, “The Five Classics” are used as the main documents in studying and taking exams, Vietnamese education from a different perspective still has its own color, the Vietnamese people. During this time, there were many books that were researched, written by the indigenous people themselves, and put into study and became reference materials. During this time, there were many books that were researched, written by the indigenous people themselves, and put into study and became reference materials. For example, in the field of History there are sets of books: “Dai Viet Su Ky” (1272 — Le Van Huu); “Dai Viet Su ky toan thu” (1697) records the history of Vietnam from the Hong Bang period, the process of building the country before, in addition, there are books on local history such as “Gia Dinh thanh thong chi” (1820 — Trinh Hoai Duc) historical, geographical and cultural records of the southern land of the Nguyen Dynasty. In the field of Geography there are: “Du Dia Chi” (1435 — Nguyen Trai); “Hoang Viet nhat thong du dia chi” (1806 — Nguyen Dynasty) records of geography, traffic, etc. And especially, it is worth mentioning the map “Dai Nam thong nhat toan do” drawn around 1838, which drew Hoang Sa and Van Ly Truong Sa in Vietnamese territory, affirming Vietnam’s sovereignty over the sea and islands from an early age. In the XV century, Mathematics had “Dai Thanh Toan Phap” (Luong The Vinh), “Lap Thanh Toan Phap” (Vu Huu)... The inclusion of Mathematics in education is considered a major development in the education of a small country influenced by China. In addition, there appeared military books such as “Binh Thu Yeu Luoc” (1287 — Tran Hung Dao) to let his generals know about the tactics of dealing with the enemy. It can be said that this is the difference in Vietnamese education compared to the West, when the West opened classes to train knights, in Vietnam, through feudal dynasties, early creators appeared the art of fighting the enemy with Vietnamese characteristics, suitable to the natural conditions, the Vietnamese people, although they have not undergone any training, still won many foreign invasions big and small.

However, the subjects of this period were more inclined towards theory, social studies, writing, and poetry, and did not emphasize art subjects, so in this period, there were no or very few works of art works of art in terms of painting and music, except for folk works, which are handed down by folk tradition. By this stage, musical art was considered to have no value. In that prejudiced society, people who work as singers and dancers, even though their names are different, are respected, considered the lowest class in society, and are despised.

Western education appeared practice-oriented subjects, taught natural subjects, appeared art, music and sculpture, etc., all aimed to supplement and serve

theology-virtue faith of the church. Theology is the study of the gods, or more broadly, of religious beliefs, practices and experiences, of the soul. Theology helps to better understand one's own religious traditions, other religious traditions, and compare different religious. In addition to theology, students must study the "seven liberal arts": grammar, rhetoric (the art of speaking), dialectics (the art of arguing), arithmetic, geometry, and astronomy literature and music. However, in the early stages, the science of this period was exploited, deceived and distorted by the church to serve the interests of the church. For example, an interdisciplinary knowledge between mathematics and geography is downright wrong and absurd. It is taught that the Earth is like a disk floating on the ground, in the middle of which is the navel of the universe, the city of Jerusalem. The map at that time only drew 3 continents: Europe, Asia and Africa, but it was still very simple and full of errors. In Astronomy, it is taught that the Earth stands still, and all the other planets (including the Sun) revolve around the Earth. By the Renaissance period, at the beginning of the 15th century, Western education had made differences, broadening thinking and developing. They direct students' interest to science subjects. They conduct wildlife lessons, in history lessons, they take them on excursions, practice... Folk, chivalric (military) and religious (school) education can be considered the most important forms of education in Western Europe during this period. Folk education is the education of the majority of the population of Western Europe, the education of peasants and artisans, carried out in the process of mastering the experience of the life of the estates. Knight (military) education was the education system for the sons of secular feudal lords, who were educated from 14 to 21 years of age. After the tests, the young man was knighted. Young people had to possess "the family of chivalry" — the ability to hunt, ride horses, swim, sword fights, shoot guns on the ground, play checkers and sing poems in his honor women have hearts, and also develop moral qualities such as courage, perseverance, loyalty to the lord. During this period, there were many Crusades, in addition to the reasons of protecting the land of Christianity, expanding the area of the territory, the rapid population growth during this period also reflected the strong development the training of knights, the service of war. Philosophy is considered an important subject in the school, scholastic philosophy is considered the official philosophy of the ruling class at that time. The typical scholastic philosophers of that period were Guyom de Sampo, Roger Bacon, Thomas Aquinas.

In summary, Eastern and Western education are both influenced by religious ideologies. However, the educational model of the East from the central to local levels follows a motif, follows a similar basic education system, and teaches the "Four books" and "The Five Classics" in the West more diverse educational models and subjects. It can be said that right from this period, the West appeared more new thoughts on philosophy, physics, medicine, astronomy, etc. than the

East. Also from here, creating the premise for many inventions and inventions serving industry and agriculture were born, this is one of the reasons capitalism soon appeared in the West.

3.2 Organization of schools, higher education

The characteristics of education in Vietnam and the West have built education systems from low to high. Start getting education, go to school from childhood, and then get higher education with increasing level of awareness.

In Vietnam, the school system is relatively diverse, organized from small classes in the locality, to classes in the capital with a larger number. The Vietnamese education system exists in parallel with state schools (districts and above) and village schools with classes opened by teachers. In the citadel, there were classes for different subjects: under the Tran dynasty, there was a “Tu Thien Duong” for the Crown Prince and Prince; During the Nguyen Dynasty, many places for reading, composing, etc. In the locality, in addition to public schools, there are also private schools, which are opened by well-to-do families to invite teachers to teach or teachers open classes to teach at home. In that education, with the exception of a few descendants of mandarins, almost all learners had to go through several stages of study with tutors and village schools before moving on to higher levels of education and passing the exam. These are the people who have studied, taken the exam but have not passed or passed the exam, passed the Baccalaureate in the Huong exam, or those who have worked as a mandarin, but later returned to hiding, teaching at home. In Vietnam, the first university — “Quoc Tu Giam” was built in 1076 during the Ly Dynasty, Phan Huy Chu wrote in the “Lich trieu hien chuong loai chi” as: “...serving the Temple of Literature, training students, must follow instructions, monthly in accordance with the period for (students of Quoc Tu Giam) to practice writing, to build talents, to help pragmatic work for the country”⁴. During the feudal period of Vietnam, in each dynasty, only one Quoc Tu Giam appeared, built only one Quoc Tu Giam, and was built in the capital: Ly and Tran dynasties were located in Thang Long, Nguyen dynasties were located in the capital in Hue. Regarding the management of Quoc Tu Giam school, during the early Ly-Tran dynasties, the head of “Quoc Tu Giam” was the minister of the school, until the reign of King Tran Minh Tong was the principal official [Nguyen Cong Ly 2011, p. 20].

Contrary to Vietnamese feudalism, in the West, this period had a great need for knowledge to expand their understanding. From an early age, students learned from classes at the church, learning in Latin, taught by pastors and monks. In the 5th–15th centuries the church schools were at first the only ones, and then the educational institutions predominated in Europe. This is an important tool of

⁴ This is the first encyclopedia of Vietnam, which means the rule of the dynasties.

religious education. The main subjects of study are: the Bible, theological documents and ecclesiastical writings. Three main types of ecclesiastical schools developed in medieval Europe: monastic schools, episcopal schools (the cathedral) and parish schools. The main purpose of all kinds of schools is to train clergy. Monastic schools were organized in monasteries, boys aged 7–10 years old studied there, they taught grammar, rhetoric, dialectics, later arithmetic, geometry, geometry, astronomy and music theory. Episcopal schools (cathedral churches) are opened in church centers where the head of the diocese is located. The most famous are schools in Saint-Germain, Tours (France), Luttich (Belgium), Halle, Reichen, Fulda (Germany) and several other cities. Parish schools are the most popular. The school is located in the priest's house or in the church gate. This type of school is unsystematic and least organized. Later, with a higher level of education, universities here were born very early, initially as high schools, then as universities. The first university was Bologna (Italy) (1088), then to schools such as Paris, Oocleang (France), Oxford, Cambridge (England), Salamanca (Spain), Palermo (Italy)... At the end of the 14th century in Europe there were 40 universities. Universities at that time usually had only 3 faculties: Theology, Law and Medicine. In terms of organization, the schools usually consist of principals and deans of four faculties: Arts (including literature and science), Theology, Medicine and Law. In addition to theology, students also study other subjects. Professors are secular people, not just clerics like church schools. There are some schools that teach only a certain faculty such as the University of Soorbon in Paris, which mainly teaches theology, and the University of Bologna in Italy, which mainly teaches Roman law. Universities have become cultural and scientific centers where progressive ideas are spread. However, the church still finds ways to dominate and control universities (evicting many progressive professors, replacing them with clerics).

Through the number of schools and universities above, we can see the difference in the level of investment and classroom organization in Vietnam's education compared to the contemporary West. The system of schools and universities in Vietnam is still limited, training in a limited number, leading to a lack of learners with a high level of awareness.

4. Exam system

In Vietnam, under the feudal period, when registering for an exam, students had to clearly state their father's background, themselves, their hometown, their age, and not give false information. Those who come from art troupes and have committed crimes are not allowed to participate in the competition. They must pass three consecutive and compulsory exams: passing Huong exam can take the Hoi exam, passing the Hoi exam can take the Dinh exam. "Huong" exam is an exam organized by a local or a local group. "Hoi" exam is an exam held in

the capital, once every three years. “Dinh” exam is an exam that was set by the king personally, and the ministers consulted and implemented it according to the king’s edict. Finally, take the 3 people with the highest position called “Trang Nguyen”, “Bang Nhan”, “Tham Hoa”. These are written exams, which will be marked by the exam administrators of the exam schools. There is only the Dinh exam, which will be marked by the king, even to select the position where the poinsettia will appear in an oral exam with the king. According to the book “Kien Van Tieu Luc” by Le Quy Don, at the beginning of the Le dynasty, the pernicious regime to nurture mandarins was to be given to fifty or a hundred households so that the beneficiaries could take the tax from those households.

In the West, at first, exams were held at schools and churches. The teaching method is lecturing. Students go to class to listen to lectures, take notes and discuss. At the end of the course, students also write a thesis and defend their graduation thesis. Degrees such as bachelor’s and doctor’s degrees are also used in universities. Art students after graduation, students receive a “Master of Arts” degree and can continue their studies in one of the faculties. At the end of another 5–7 years of study and successful defense, students are awarded a “Doctor of Science” degree. A student studying in the Faculty of Arts, will have to take the exam “responsio”. At Cambridge, where Isaac Newton made math a compulsory subject, a bachelor’s degree required passing a “tripos” (understood as a student’s oral exam). In the Middle Ages, candidates were free to choose the difficulty level of the test.

Thus, we can see that the examination regime and post-exam benefits are different between Vietnamese education and Western education. In Vietnam, passing exams and becoming a mandarin not only brings fame to themselves but also to their families and clans, this puts even more pressure on learners, both economic and financial burdens morale. And even, through the exam it makes it easier to transition from society, from an anonymous person, or from a low background, after the exam can become aristocrat. In the West, learning has an individual element to gain knowledge, skill, and work. For learning, there is an element of comfort, freedom, promoting creative factors, however, social transformation is also more difficult, social status is also difficult to change.

REFERENCES

- Le Quy Don*. Kien Van Tieu Luc. Hanoi, 1961.
Nguyen Cong Ly. Education of faculty and officials in feudal and French colonial Vietnam. Ho Chi Minh City, 2011.

О.О. Трегубов
г. Воронеж (Россия)
Воронежский гос. ун-т

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ КАСАТЕЛЬНО ОТНОШЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ И ЦЕРКВИ В ЭПОХУ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассматриваются отношения между церковью и университетами, освещаются механизмы их взаимодействия на конкретных примерах. Приводятся причины установления данных контактов, выдвигается гипотеза о результатах их взаимодействия для развития европейского культурного ландшафт в последующем.

Ключевые слова: Церковь, папа римский, университет, магистр, школяр, Европа.

Освещение отношений и связей между церковными институтами и университетами следует начать с построения дефиниции средневекового университета. Классическим является понимание университета как корпорации, то есть добровольной самоорганизации некоторой общности, главной целью которой является реализация образовательного процесса: «*Studium generale, universale, или commune, — эти выражения обозначают не место, где изучают комплекс знаний, а учебный центр, где могут получить пристанище студенты самого разного происхождения*» [Жильсон 2004, с. 296]. Университет — это общность, не привязанная к конкретному месту, она противопоставляет себя как светской территориальной принадлежности, так и церковной власти. Формирование первых университетов было движением «снизу», оно не было результатом указа какой-либо из властей [Документы по истории... 1973, с. 11]. Данная ситуация имела и негативную сторону в виде бедности университетов: они не имели ни корпусов, ни собственных библиотек; в борьбе за независимость и такая черта стала плюсом — университет мог легко сняться с места и уйти в другой город. Само появление такого типа организации ярко демонстрирует пластичность и возможности изменения самоидентификации некоторых социальных групп в Средние века. Еще одним примером того же явления, безусловно, будут являться католические монашеские ордена. Коллектив преподава-

телей и учеников, ясно осознающих свое единство, существовал в городском культурном ландшафте, однако он не размывал монолитности самоидентификации университета. Постоянная борьба университета и светской власти отражена в булле Папы Римского Григория IX, которая закрепляет за университетом право «забастовки» преподавателей и учащихся в случае незаконного ареста школяра или же вообще оскорбления чести ученика [Документы по истории... 1973, с. 49]. Эта монолитность имела и обратную сторону: вступающий в ряды университета в некотором роде терял свое прошлое, так как его первичная и основная модель менялась: багрянородный Фома Аквинат учился наравне с простолюдинами. Университет был не только надсословной организацией, но и надгосударственной: в великие университеты стекались уроженцы Франции, Англии, Священной Римской Империи, итальянских государств. Однако этот процесс не был идеальным, в студенческой среде встречались конфликты между представителями различных общностей по национальному, провинциальному признаку [Там же, с. 20]. Во многом университет стал возможным благодаря универсальному языку высокой культуры — латыни. Территориальное и хронологическое расположение первых университетов пролегалo с юга на север: первым был университет в Болонье, потом Парижский университет и университет Оксфорда. В конце XII — нач. XIII в. данные образования оформились именно в качестве приведенного выше понятия университета.

Указанные формальные черты университета не отражают причин его внутренней связи с Церковью, их может показать содержательное освещение университета. Основанием возникновения университета как взаимодействия школяра и учителя является комплекс накопленных, систематизированных и осмысленных знаний, результат деятельности школ, *magister scholae*, по большей части клерикальных [Шишков 2003, с. 54–56]. Какого рода были эти знания? Одна их часть представляет собой языческие тексты античного Рима и переведенные труды древнегреческих авторов. Содержательно эта тенденция отводилась естествознанию, словесности, то есть основному корпусу факультетов искусств, юридического и медицинского. Вторая глобальная тенденция основана на теологическом интересе, фундамент которого — корпус комментариев и толкований Священного Писания, а также тексты Священного Предания. Жильсон описал сложившиеся две тенденции так: «Он постоянно разрывался между двумя противоположными тенденциями: одна из них могла превратить его в центр чисто научных и беспристрастных исследований, другая — подчинить исследования религиозным целям и поставить их на службу настоящей интеллектуальной теократии» [Жильсон 2004, с. 297]. Университет в условиях эпохи не мог существовать как абсолютизация одного из течений: с одной стороны, умы докторов и магистров беспокоило неразгаданное античное наследие,

а с другой — высокая культура Средневековья была пропитана религиозными мотивами. В таких условиях приходится говорить не о выработке постоянной, стабильной программы занятий, скорее о динамике и смещении акцентов. Такое раздвоение порождало необходимость вмешательства Церкви: «Парижский университет мог быть только либо самым мощным средством воздействия, которым располагала Церковь... либо неисчерпаемым источником заблуждений, способным отравить целый христианский мир» [Жильсон 2004, с. 298]. Следовательно, установление отношения между двумя этими институтами было жизненно необходимым для Церкви, однако таковым являлось оно и для университета, так как университет нуждался в могущественном покровителе. Данный вывод проистекает из отличной от обыденной коннотации понятия «университет» и понятия «Церковь»: если понимание университета уже было заложено, то Церковь здесь — это не просто религиозная организация, а единый фундамент европейской политики. Папская власть инициировала войны, и она же обеспечивала мир. Этим последним мотивом во многом и продиктован характер взаимоотношений: «Иннокентий III... человек, которому, более чем королю, университет обязан привилегиями, обеспечившими независимость, тот же человек навязал университету первые регламенты, предназначенные для того, чтобы воспрепятствовать заблуждениям» [Там же с. 298]. Сохранить автономию университета и сделать его оплотом христианского мира, оружием в борьбе с ересями, людскими болезнями, заблуждениями и нарушениями закона для обеспечения мира — такова общая линия действий Святого Престола. Можно сказать, что это была попытка установления морализации, подчинения медицинского, юридического факультета и факультета искусств высшей христианской миссии.

Исходя из данных тезисов становятся понятными действия Папской курии. Церковь поощряла и отстаивала самостоятельность университетов как от светских властей, так и от местных епархий, при этом она же обеспечивала самую масштабную базу учебного материала [Документы по истории... 1973, с. 13–15]. Этот проект не мог быть реализован без конфликтов. Знаковым в этом отношении стала эпопея с «Физикой» и «Метафизикой» Аристотеля; в распоряжении папского легата Робера де Курсона 1215 г. пишется: «Non legantur libri Aristotelis de methafisica et de naturali philosophia, nec summe de eisdem» [Не читай книг Аристотеля «Метафизика» и «натуральная философия» и суммы по ним] [Chartularium universitatis... 1891. Т. 1, р. 78]. Эти труды Стагирита являлись одними из самых проблемных, раскрываемая в них структура космоцентрической системы не могла удовлетворить христианина, но логические конструкты этих произведений, тем более, привлекали пылливый ум, учитывая, что университет получил в свое распоряжение санкцию на «Топики» и некоторые другие тома Аристотеля.

Вскоре университету было разрешено преподавание и данных трудов Аристотеля, однако в 1231 г. запрет был возобновлен. Уже папа Григорий IX создает специальную комиссию, имеющую грандиозную цель — адаптировать самые провокационные произведения «Философа», сохранив их содержательную нагрузку и убрав неприемлемые, с точки зрения догматов, фрагменты. [Жильсон 2004, с. 294]. Проект так и не был реализован, ему предстояло воплотиться только в томизме.

Временами противоречивые действия Престола продиктованы попыткой связать две роли университета: как бастиона веры и как святилища знания. В обоих ампула университет был незаменим и важен настолько, что магистры и ученики получали отпущение всех своих грехов за обучение: «*omnes Tholose studentes, et magistri et discipuli, omnium peccaminum suorum plenarium indulgentiam consequantur*» [все студенты Тулузы и магистры и учащие, получают прощение всех своих грехов] [Chartularium universitatis... 1891, Т. 1, р. 130]. Попытки Церкви уберечь университет от опасных знаний были сколь мало эффективны, столь же и сомнительны в самом замысле, но защита, которую Церковь представляла от произвола светских властей, имела положительную коннотацию и наиболее ярко отражена в булле папы Григория IX Парижскому университету [Chartularium universitatis... 1891. Т. 1, р. 136–139]. Университеты некоторых городов напрямую спонсировались Церковью, а иные получали церковные бенефиции, особенно это касалось областей Священной Римской империи [Суворов 2012, с. 77]. Чистота учения университета не должна находиться под влиянием светских властей, ни через взятки, ни через иные манипуляции. Столь щедрые жесты доброй воли объясняются широким спектром деструктивных сект и различных эзотерических объединений, с которыми сталкивалась католическая Европа, и с которыми были призваны бороться выходцы университета [Ковальчук, Римский 2012, с. 337].

Таким образом, понимание отношений Церкви и университета следует из двойственного характера последнего. Это была структура, которая породила как Бэкона и Оксфордскую школу с ее естественно-научными изысканиями в области света, так и огромное количество апологетов, проповедников и клерикальных иерархов, почти все папы XIII–XIV вв. были выходцами из теологических и юридических факультетов. Высшая власть Церкви, Римская курия, берегла, насаждала и распространяла университеты. Они были основой для распространения и укрепления веры, яркий пример тому — призыв к миссионерской и апологетической деятельности Иннокентия III к школярам и магистрам в 1205 г. [Chartularium universitatis... 1891. Т. 1, р. 62–63], но вместе с тем и основой для улучшения общественной жизни, так как выпускали в свет людей с навыками систематического мышления и воспитанных в соответствии со строгими моральными идеалами. Нахо-

дящийся на конфликтном стыке двух этих интересов и тенденций, университет был постоянным источником беспокойства интеллектуальной мысли и спокойствия мира общественного. Так сохранный античный пафос неодолимой страсти к знаниям [Чечеткина 2010, с. 353] неразделимо сплетался с пафосом защитников христианского мира. И тот и другой нарративы щедро подпитывались сакральной санкцией Церкви; она, пытаясь обеспечить единство *populus christianus*, обеспечила также и фундамент для дальнейшего развития наук.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Документы по истории университетов XII–XV вв. Воронеж, 1973.
- Chartularium universitatis Parissensis. Т. 1. URL.: [https://documentacatholicaomnia.eu/04z/z_1891-1891_Denifle_H_Chartularium_Universitatis_Parisiensis_01_\(AD_1200-1286\)_LT.pdf.html](https://documentacatholicaomnia.eu/04z/z_1891-1891_Denifle_H_Chartularium_Universitatis_Parisiensis_01_(AD_1200-1286)_LT.pdf.html)
- Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века. М., 2004.
- Ковальчук О.В., Римский В.П. Диалог светского и религиозного и толерантность в средневековой культуре западной Европы // Научные ведомости: Серия Философия. Социология. Право. 2012. № 2.
- Суворов Н.С. Средневековые университеты. М., 2012.
- Чечеткина И.И. Философия, теология, наука в Средневековье: история взаимоотношений // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3.
- Шишков А.М. Средневековая интеллектуальная культура. М., 2003.

О.О. Tregubov

Voronezh (Russia)

Voronezh State University

GENERAL REMARKS ON THE RELATIONSHIP BETWEEN MEDIEVAL UNIVERSITIES AND THE CHURCH IN THE HIGH MIDDLE AGES

The article is devoted to the relationship between the church and universities, highlighting the mechanisms of their interaction on certain examples. The reasons for establishing these contacts are given, a hypothesis about the results of their interaction for the development of the European cultural landscape in the future is put forward.

Keywords: Church, Pope, University, Master, scholar, Europe.

Д.Т. Керимова
г. Самара (Россия)
Самарский национальный исследовательский ун-т
им. академика С.П. Королева

СОБЫТИЯ 1-й ПОЛОВИНЫ 80-х гг. XV в. В АНГИИ ПО ОПИСАНИЮ «КРОЙЛЕНДСКОЙ ХРОНИКИ»

В статье анализируется текст «Кройлендской хроники» и описанные в нем события конца XV ст. в Англии, касающиеся правления Ричарда III. Рассматривается характер описания исторических сюжетов и отношение автора к правящему королю.

Ключевые слова: Ричард III, Кройлендская хроника, история Англии XV в.

«Кройлендская хроника» — важный источник по истории Англии конца XV ст. Свое название «Хроника» имеет в честь аббатства Кройленд. Автор хроники не установлен, однако она известна и под другим названием — «Хроника Ингульфа» — по имени предполагаемого автора монаха Ингульфа. Написанная в XI в. «Хроника Ингульфа» имеет несколько продолжений, написанных в более позднее время. Именно Первое и Второе продолжения являются важнейшим источником информации по изучению эпохи Войны Роз [Ingulph's chronicle... 1854, p. 5–8]. Элисон Уэйр — английский историк, специализирующийся на английской и европейской средневековой истории, предположила, что версия, написанная до сер. XII в., является ложной, а три анонимные версии, охватывающие периоды с XII по конец XV в., подлинные [Weir 1994, p. 3].

Существуют различные теории относительно автора «Кройлендской хроники». Одна из наиболее популярных связана с именем Джона Рассела, епископа Линкольнского, который занимал несколько важных постов при Эдуарде IV, был приближен ко двору и мог довольно подробно описать события, происходившие в королевской семье [Устинов 2015, с. 129].

«Хроника» дает немного информации относительно действий Ричарда, когда он был герцогом Глостерским, сосредотачивая внимание на правящем монархе. Имя Ричарда можно встретить лишь несколько раз во время правления его брата, например, при упоминании женитьбы Ричарда на Анне

Невилл в 1471 г. [Ingulph's chronicle... 1854, p. 469], а затем в рассказе о войне против шотландцев в 1482 г. [Ibid, p. 481].

Более частое упоминание Ричарда начинается после смерти Эдуарда IV. После похорон короля, в Вестминстере собрался совет, который должен был установить правила, согласно которым принц Эдуард в безопасности доберется до Лондона, где коронуется как Эдуард V. Уже тогда, упоминает автор «Хроники», образовалось два лагеря, один из которых состоял из сторонников королевы, другой — из тех, кто был против огромного влияния Вудвиллей. Одним из таких людей был лорд Гастингс. Он высказался в пользу того, что принцу не нужно большое сопровождение. Королева согласилась на это предложение, установив количество человек в эскорте принца в 2 тыс. Автор также намекает на то, что коалиция, в которую входили Гастингс, Глостер и Бэкингем, уже существовала, и у них уже на тот момент был план забрать принца в свои руки, так как, по словам автора, Гастингс *«был полностью уверен, что герцоги Глостер и Букингемский, которым он доверял больше всего, не принесут с собой меньшее число»* [Ibid, p. 484–485]. Имелось в виду количество людей, которое было необходимо для совершения «переворота».

И надежды Гастингса оправдались: родственники королевы, сопровождающие принца, были арестованы вышеупомянутыми герцогами, а сам Эдвард не успел доехать до Лондона, а был перехвачен в Стони Стратфорде [Ibid, p. 486]. При этом, говорится в «Хронике», *«Герцог Глостер, однако, который был зачинщиком в этой вспышке, не упускал возможности и не отказывался отдавать все почести королю, его племяннику, склоняя голову, сгибая колена или занимая другую позу. Он утверждал, что его единственной заботой была защита его [короля] личности, поскольку он точно знал, что рядом с королём присутствовали люди, которые сговорились против его собственной чести и самого его существования»* [Ibid, p. 487].

Все более четким становилось разделение на сторонников королевы, которая, после случившегося, укрылась с детьми в Вестминстерском аббатстве, и сторонников Гастингса, которого автор «Хроники» называет, фактически, главным зачинщиком переворота и лидером оппозиционной группы [Ibid, p. 487].

Несмотря на вышеуказанные события, Ричарду Глостеру был дан титул Протектора, или Защитника, королевства, до того, как принц Эдуард будет коронован, после обсуждения данного вопроса на совете *«с согласия и доброй воли всех лордов»*, что позволило ему *«приказывать и запрещать в каждом вопросе, как и другой правитель, в зависимости от случая»* [Ibid, p. 487–488].

Но Гастингс настолько был предан принцу Эдуарду и свято верил в добрые намерения герцога Глостера, что заплатился за это. Он был слишком

инициативен в вопросах назначения даты коронации и других дел, чего совсем не желал Ричард. Такое положение дел не устраивало Глостера, именно поэтому в начале июня 1483 г. Гастингс «по приказу Защитника был обезглавлен» [Ibid, p. 488].

Далее последовала череда уже известных событий: Ричард объявил детей Эдуарда IV незаконнорожденными, основываясь на тайном браке Эдуарда с некой Элеонор Батлер; объявил незаконнорожденными своих братьев, Эдуарда и Джорджа [Ibid, p. 489]. Вследствие чего единственным законным наследником английского престола оказался сам Ричард.

После повествования о том, каким путем Ричард пришел к трону, идет достаточно подробное описание его правления. Однако правление его, исходя из написанного в «Хронике», состояло из празднеств и поездок по стране, которые король устроил в честь своего воцарения. Он объехал несколько важных городов в разных частях страны, побывал в Виндзоре, Оксфорде, Ковентри и, конечно, Йорке, где устроил роскошный праздник и банкет [Ibid, p. 490].

Однако недовольство людей возрастало, и они не хотели мириться с тем, что на троне сидит узурпатор. Поэтому жители южных и западных регионов, которые традиционно были против северян, стали строить планы против Ричарда III, чтобы освободить из плена юных принцев, детей Эдуарда IV. Лидером готовящегося восстания стал «*Генри, герцог Бэкингем, который [...] раскаялся в своем прежнем поведении и станет главным двигателем этой попытки [восстания]*» [Ibid, p. 491]. Еще одна угроза для Ричарда III заключалась в лице Генриха, графа Ричмонда, которого южане видели законным наследником престола и которому было предложено заключить союз с Елизаветой Йоркской, дочерью Эдуарда IV и вместе с ней взойти на трон, тем самым закончив многолетние распри [Ibid, p. 491]. К их сожалению, король был готов дать ответ восставшим, что и сделал, войдя с войском в Западную Англию, где разгромил бунтовщиков, многие из которых бежали на материк [Ibid, p. 492].

С конца 1483 по нач. 1484 гг. проходило заседание Парламента, первым принятым документом которого стало документальное оформление причин, почему именно Ричард Глостер должен надеть корону. Таковыми были названы: тайный брак Эдуарда IV и Элеонор Батлер, вследствие чего, его дети — незаконнорожденные; а также лишение наследственных прав детей Джорджа Кларенса, старшего брата Ричарда. Под сомнение ставилось также происхождение самого Эдуарда IV. Документ, принятый Парламентом, получил название *Titulus Regius*, и обосновал права Ричарда на престол [Ibid, p. 495–496].

Далее «Хроника» сообщает о прибытии в Англию шотландских послов, в результате которого с северными соседями было подписано перемирие [Ibid, p. 497–498].

Интересный факт сообщает нам автор «Кройлендской хроники». В конце 1484 г., в дни празднования Рождества, Ричард получил известие о том, что за морем его противники готовятся к нападению на Англию. Тогда он *«прибегнул к способам поборов, которые практиковал король Эдуард, и которые он сам осудил в Парламенте»* [Ibid, p. 498], а именно к тем самым «боневоленциям» — «доброжелательным пожертвованиям» в казну.

Упоминается в «Хронике» также и то, что на празднование Рождества королева Анна, жена Ричарда, и леди Елизавета, дочь Эдуарда IV и, соответственно, племянница Ричарда, появлялись в одинаковых нарядах. Многие при дворе стали говорить о том, что *«король был склонен либо в связи с ожидаемой смертью королевы, либо в результате развода, имея достаточно оснований, заключить брак с упомянутой Елизаветой»* [Ibid, p. 499]. Сам Ричард, однако, все отрицал, и ему даже пришлось созвать Совет, на котором он говорил, что такого никогда не произойдет. Были на том Совете и те, кто не верил его словам и, убежденные в его замыслах, отговаривали короля от этого, ведь, по словам автора «Хроники», *«в какой-то момент она [Елизавета] могла бы отомстить им за смерть ее дяди графа Энтони и ее брата Ричарда»* [Ibid, p. 499–500]. Для предотвращения этого Ричарду пришлось незадолго до празднования Пасхи выступить перед гражданами Лондона в присутствии мэра города, с речью, в которой он полностью отрицал возможность такого развития событий [Ibid, p. 500].

Сообщает «Хроника» и о прибытии Генриха Тюдора. По словам автора, король был предупрежден о прибытии врага, а также знал, где именно высадится вражеский флот. Но, к сожалению, Ричард ошибся. Дело в том, что и на севере, и на юге, существовало два порта с одинаковым названием. Скорее всего, те, кто плел заговор против короля, сказали ему, что Генрих высадится именно в северном порту. Именно поэтому Ричард приказал мобилизовать все силы, что там находились, чтобы незамедлительно ответить на удар неприятеля [Ibid, p. 500–501]. Рассказывает автор далее о ситуации с лордом Томасом Стэнли, отчимом Генриха Тюдора, который до последнего тянул с тем, чтобы прийти на помощь королю Ричарду [Ibid, p. 501–503]. Очень мало сообщает «Хроника» о самой битве при Босворте. Автор ограничился парой абзацев, в которых сообщает, что с самого начала Генрих направился к Ричарду, и между ними завязалась битва. Само сражение было достаточно ожесточенным, многие сторонники Ричарда бежали, не вступив в бой. *«Наконец, — пишет автор, — небо даровало славную победу графу Ричмонду, ныне единственному королю»* [Ibid, p. 503–504].

«Благодаря этой победе, — заканчивает автор раздел, касающийся нелегкой тридцатилетней борьбы за власть в Англии, — был достигнут мир для всего королевства» [Ibid, p. 504]. Тело Ричарда было найдено среди остальных и перевезено в Лестер. Были казнены многие сторонники Ричарда

да из числа знатных фамилий, в том числе Уильям Кейтсби, занимавший не последнее место среди советников покойного короля.

Сам автор «Хроники» в конце говорит о том, что его работа — не что иное, как правдивое изложение фактов, которое «само приходит на ум, не смешиваясь сознательно с какой-либо ложью, ненавистью и благосклонностью» [Ibid, p. 505]. Однако далеко не всегда автор старается быть беспристрастным. Во многих случаях он обвиняет Ричарда, не имея никаких доказательств, в том числе, в подготовке заговора против принца Эдуарда, пленении принцев и противоречивой политике. Несмотря на это, «Кройлендская хроника» — одна из важнейших работ того периода, так как она писалась во время тех событий, о которых повествует, или несколько позже. Она, несомненно, заслуживает внимания при изучении личности и деятельности Ричарда III.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ingulph's chronicle of the abbey of Croyland:with the continuations by Peter of Blois and anonymous writers. L., 1854.

Устинов В.Г. Ричард III. М., 2015.

Weir A. The princes in the tower. N.Y., 1994.

D.T. Kerimova
Samara (Russia)
Samara University

EVENTS OF THE FIRST HALF OF THE 80s IN ENGLAND IN 15th CENTURY AS DESCRIBED BY THE CROYLAND CHRONICLE

The article analyzes the text of the Croyland Chronicle and its description of the events of the late fifteenth century in England, concerning the reign of Richard III. The character of the description of historical plots and the author's attitude to the reigning king are considered.

Keywords: Richard III, Croyland Chronicle, history of England in the 15th century.

Н.С. Бурмистров

г. Тамбов (Россия)

Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина

ВЛИЯНИЕ ГРЕКОВ НА ПОЛИТИКУ ИВАНА III

В статье рассмотрена деятельность греков на службе Великого князя Ивана III. К исследованию были привлечены летописи, а также свидетельства иностранцев, как того периода, так и более позднего. Выявлены основные занятия греков и Софьи Палеолог — второй жены Ивана Великого. Автор приходит к выводу, что византийцы, приехавшие в Москву, активно стали участвовать в различных внутривосточных и внешнеполитических процессах объединенного Русского государства.

Ключевые слова: Греки, Иван III, Софья Палеолог, брак, дипломатия, Юрий Траханиот.

Для изучения этого вопроса был проанализирован московский летописный свод, являющийся официальным письменным памятником Московского княжества. Кроме того, в этот период еще существовало неофициальное независимое летописание, например, Софийская летопись. Оба источника были привлечены к исследованию. Помимо летописей, были проанализированы сообщения иностранцев: Амброджо Контарини и Сигизмунда Герберштейна.

Брак, заключенный в 1472 г., сыграл важную роль в дальнейшей политике Великого князя. Кардинал Виссарион, являвшийся покровителем Палеологов, и Римский папа считали, что далекое московское княжество поможет католикам в борьбе с турками-османами, а может и примет католичество [Скржинская 2000, с. 196].

К 80-м гг. XV в. была достигнута независимость от Орды, а также установлена зависимость князей от Москвы. Есть мнение, что именно Софья Палеолог подвигла Ивана III к возобновлению борьбы с татарами. Свидетельства об этом имеются лишь в иностранных источниках, а именно в Записках о Московии Герберштейна. И хотя он не был свидетелем тех событий, стоит заметить, что ему удалось пообщаться с Юрием Дмитриевичем Траханиотом, греком из свиты Софьи [Герберштейн 1988 с. 14, 68].

Юрий гораздо лучше знал происходящие в Москве, к тому же, будучи вхож в среду русских греков, он вполне мог передать Герберштейну царившие среди них настроения. Стоит так же учитывать, что Софью Палеолог явно недолго любили, в официальной московской летописи ее упрекают в бегстве в Белоозеро [ПСРЛ Т. 25, с. 328]. К событиям 1480 г. относится очень интересный и важный документ: «Послание на Угру», написанный Вассианом. Он должен был воодушевить Ивана III в его столкновении с Ахматом. Он интересен своим сходством с идеями кардинала Виссариона. Это может косвенно свидетельствовать либо о том, что приехавшие вместе с Софьей греки причастны к написанию документа, либо о том, что они привезли с собой различную литературу, которая вошла в обращение русской элиты [Плюханова 2010, с. 464–465].

В период правления Ивана III начинается складывание посольского корпуса в Московском государстве. В состав московских дипломатических миссий входило, как минимум, по два человека: один русский и один грек. Можно предположить, что таким способом решалось несколько проблем. Во-первых, обучение кадров: греки, будучи более образованными могли передавать свои знания в процессе дипломатической деятельности. Во-вторых, русские будучи более приближенными к Великому князю отстаивали его интересы. Одним из самых деятельных дипломатов-греков на службе Ивана III был Юрий Траханиот. Он играл одну из основных ролей в дипломатических связях с Священной Римской Империей, несколько раз посещая ее в 1489, 1490, 1493 гг. Первый раз в 1489 г. Юрий Грек вместе с двумя русскими, участвующими в посольстве, пришлось уладить небольшой конфликт. Ранее император Фридрих III, через своего посланника — Николая Поппеля, предложил короновать Московского князя от своего лица. Иван III считал себя равным с Фридрихом III, отчего согласиться принять корону не мог. Такую позицию Москвы должен был объяснить Юрий Траханиот, одновременно не испортив отношения [ПДС. Т. 1, стб. 18]. Помимо урегулирования небольшого недопонимания между двумя правителями, русским послам необходимо выполнить еще несколько заданий: договориться о союзе против Польского короля и о браке между дочерью Ивана III и сыном Максимилиана, а также попытаться найти мастеров, умеющих работать с золотом и серебром. Первое поручению Юрию удалось выполнить, однако позже немцы отказались доводить заключенные договоренности до конца. Поводом для этого стало известие 1492 г. о крушении корабля с послами, после чего немецкий император решил подыскать другую невесту своему сыну. И хотя брак не состоялся, это не остановило попытку заключить союз между Империей и Московским княжеством [Там же, стб. 71]. Со вторым поручением, Юрий, так же смог справиться. В 1490 г. он вернулся в Москву вместе с необходимыми мастерами. С русской дипломатической миссией

в Москву также приехал немецкий посол — Юрий Делятор. Он должен был поспособствовать заключению союза против Польши. В 1491 г. договор был заключен и ратифицирован. Однако долго этот союз не продержался. Уже спустя год немецкий император нарушил его, что вызвало негодование у Ивана III. После этих событий князь уже гораздо холоднее относился к послам из империи. Об этом Великий князь также сообщил, отправив в третий раз посольство вместе с Юрием Греком. В дальнейшем Иван III перестал полагаться на помощь империи в вопросах, связанных с Польшей и Литвой [Там же, стб. 80].

Не только Юрий Траханиот находился на московской службе, помимо него были и другие греки: род Ангеловых и братья Ралевы, которые также внесли свой вклад в развитие русской дипломатии. Так, например, Дмитрий Ралев смог заключить в 1493 г. союз с датским королевством, направленный на Швецию. Мануил Ангелов в том же году находился при дворе Миланского герцога, до этого в 1480-х гг. там находился Юрий Грек [Матасова 2016, с. 168].

Однако насчет причастности Юрия Траханиота к миланскому посольству существует небольшая путаница. В итальянских документах грек, посещавший герцогство в 1486 г., именуется Георгием Перканеотом. Поэтому существует две точки зрения: одна гласит, что Георгий и Юрий один и тот же человек, другая же, которой придерживался, например, М.А. Гуковский, гласит, что это разные люди. Несмотря на это, ясно одно: информацию о Московском государстве миланцы получали от грека, к чему итальянцы относились с неподдельным интересом. Рассказы посла о Московском княжестве были весьма приукрашены, но они должны были формировать определенный образ богатого и сильного государства [Кудрявцев 2016, с. 7].

В 1488 г. Дмитрий и Мануэль Ралевы отправились в Рим, Венецию и Милан с известиями, о том, что Казань была захвачена войсками Ивана III. Помимо новостей, они также привезли различные подарки местным правителям. В 1488 г. они прибыли в Венецию к дожу Агостино Барбариго и его советникам. Послы Москвы выступали тогда в Венецианском сенате, рассказывая о победе христианского государя над татарами и восхождении на казанский трон Мохаммеда Амина, лояльного Ивану III. Италию они посещали по нескольким причинам: найти мастеров-строителей для перестройки Кремля, врача, а также привести в Московию Андрея Палеолога, человека, который являлся официальным наследником исчезнувшей Византийской империи [Скржинская 2000, с. 154]. Разъезжая по разным странам, греки формировали образ России в глазах европейцев XV в., производили культурный обмен и создавали неподдельный интерес к еще мало изведанной Москве.

В большей части княжения Ивана III не наблюдалось резких противоречий внутри политической элиты. Однако к 1490-м гг. ситуация меняется.

Связанно это с политикой централизации, а также ересью жидовствующих. При дворе было несколько высокопоставленных бояр, сторонников ереси. Помимо этого, в 1490 г. умирает старший сын и наследник Московского князя, что спровоцировало раскол внутри боярства и стало отправной точкой для династического кризиса. После смерти Ивана Ивановича поползли слухи о причастности к этому Софьи Палеолог. По сообщениям Амброджо Контарини, они не могли поладить, отчего будущий наследник Москвы был в немилости у Великого князя [Скржинская 1971, с. 229]. Да и сам Иван Иванович часто мог послушаться отца, как, например, произошло в 1480 г. на р. Угре. Он остался вместе с воеводой Холмским, в то время как Великий князь склонялся к миру с Ахматом [Горский 2000, с. 172].

В течение нескольких лет Иван III не торопился с выбором нового наследника. При дворе же все это время шла борьба двух боярских партий: партия, поддерживающая Софью и ее сына Василия и партия, поддерживающая Дмитрия-внука и Елену Стефановну, в нее входил один из самых влиятельных государственных деятелей того периода — боярин Иван Патрикеев. Примечательно и то, что в партии Дмитрия были сторонники ереси жидовствующих, а также они являлись носителями старорусской боярской удельной традиции. И хотя они верно служили Великому князю, часто имели место эпизоды столкновения интересов старомосковского боярства с центральной властью.

В декабре 1497 г. Ивану III поступило сообщение о том, что готовится заговор против его внука Дмитрия. Софья и Василий были подвергнуты опале. Все остальные заговорщики были немедленно пойманы и казнены, среди них были: Владимир Гусев, Дьяк Федор Стромиллов, Афанасий Еропкин и еще несколько человек. Причастность будущего Великого князя можно поставить под сомнения, но вот заинтересованность греческой части аристократии более чем очевидна [ПСРЛ. Т. 6, стб. 352].

Также, по свидетельству летописца, к Софье приходили «бабы с зельем», которых Иван III приказал казнить [Там же, стб. 353]. Это говорит о ее прямом участии в заговоре, однако таких же данных касательно Василия нет.

Однако уже в 1499 г. снова меняется расстановка политических сил. Иван III выступает против наиболее приближенных к нему членов политической элиты — князей Ряполовских и Патрикеевых. Одновременно снимая опалу с Софьи и своего сына Василия, которому он жалует Новгород Великий и Псков, делая его соправителем вместо Дмитрия.

Нельзя однозначно сказать, связаны ли события касающихся Патрикеевых и Ряполовских с возвышением Василия. Скорее всего, это относится к соперничеству Москвы и Литвы, эти же князья занимали пролитовскую позицию. В целом положение той или иной партии очень тесно было свя-

зано с внешней политикой. К тому же стоит отметить и то, что к этому времени уже нет независимого летописания, все источники написаны либо в заданный период, либо уже после победы Василия [Лурье 1994, с. 198]. Помимо отношений с Литвой важным для династического кризиса является пересмотр Иваном III своего отношения к жидовствующим. Партия Дмитрия-внука же состояла из сторонников ереси [Зимин 1967, с. 103].

Греки же в этом вопросе занимали противоположную позицию. Они были противниками ереси, являясь сторонниками чистоты православия. Дмитрий Траханиот даже написал два послания митрополиту: «О трегубой аллилуйи» и «О летах седьмой тысящи». Можно сказать, что содействие в борьбе с жидовствующими, для греков, стало своеобразной борьбой и за свои интересы. Являясь сторонниками идеи возрождения Византии, они к концу XV в. вполне могли переиначить эту мысль: продолжение царской династии посредством восхождения на трон Василия и процветание страны премирницы [Матасова 2016, с. 192].

Снятие опалы с Василия и Софьи и последующее заключение Дмитрия и Елены в 1502 г. ознаменовало победу греческой партии во внутриполитическом конфликте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных [ПДС]. Т. 1. СПб., 1851.
- Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 6. Вып. 2. М., 2001.
- ПСЛР. Т. 25. СПб., 1949.
- Горский А.А.* Москва и Орда. Минск, 2000.
- Зимин А.А.* События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
- Кудрявцев О.Ф.* Ремесло дипломата, или Умение послужить своему государю: Русь в описании московского посла в Милан 1486 г. // Русский сборник. Т. 18. М., 2016.
- Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. СПб., 1994.
- Матасова Т.А.* Софья Палеолог. М., 2016.
- Плюханова М.Б.* «Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии // ТОДРЛ. Т. 61. СПб., 2010.
- Скржанская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. СПб., 1971.
- Скржинская Е.Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000.

N.S. Burmistrov

Tambov (Russia)

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

THE INFLUENCE OF THE GREEKS
ON THE POLICY OF IVAN III

Given article is devoted to the activities of the Greeks in the service of Grand Duke Ivan III. The study involved chronicles, as well as testimonies of foreigners, both of that period and later. The main occupations of the Greeks and Sophia Palaiologos, the second wife of Ivan the Great, are revealed. The author comes to the conclusion that Byzantines who came to Moscow actively began to participate in various processes of internal and foreign policy of the united Russian state.

Keywords: Greeks, Ivan III, Sofia Paleolog, marriage, diplomacy, Yuri Trakhaniot.

А.Д. Байкова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

**ФОРМИРОВАНИЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ТИТУЛАТУРЫ
ИВАНА III В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
2-й ПОЛОВИНЫ XX в.**

Статья посвящена изучению проблемы формирования великокняжеского титула периода правления Ивана III в советской историографии 2-й пол. XX в. Выделяются и анализируются основные подходы исследователей к решению вопроса интерпретации великокняжеского титула.

Ключевые слова: отечественная историография, титул, великий князь, государь всея Руси, Иван III.

Проблема возникновения новых форм великокняжеской титулатуры в период становления единого Русского централизованного государства является одной из популярных тем в отечественной историографии. Особый интерес у исследователей вызывает выявление политических условий, способствовавших появлению новых титулов, а также раскрытие семантического характера новых форм титулатуры.

Данная статья посвящена анализу советской историографии 2-й пол. XX в. по проблеме формирования великокняжеского титула в период правления Ивана III. Этот период в истории отечественной исторической науки характеризуется господством марксистско-ленинской методологии, подчинением исторической науки требованиям партийно-идеологической системы. В то же время появляется большое количество интересных научных работ, происходит расширение источниковой базы исследований, возникают новые научные представления.

В.В. Мавродин связывал изменения в титуле великого князя с освобождением от татарского ига и установлением независимости Руси [Мавродин 1951, с. 227]. Исследователь подчеркивал, что в документах Иван III именуется «царем всея Руси» и «самодержцем», причем титул «царь» в период существования татарского ига и мог применяться лишь в отношении монгольского великого хана и византийского императора [Там же, с. 198].

В.В. Мавродин писал, что Иван III вел борьбу за присоединение к единому Русскому государству русских земель, захваченных некогда Литвой и Польшей. Именно с этой целью в 1493 г. посол Ивана Васильевича именовал его перед литовцами «государем всея Руси», а не «великим князем», как было раньше [Там же, с. 245]. В правление Ивана III титул «государь всея Руси» означал, что правитель обладал всеми правами и являлся носителем всех функций великокняжеской власти, причем все остальные объявлялись его подданными, даже если предки были владетельными и самостоятельными князьями [Там же, с. 259–260].

К.В. Базилевич отмечал, что титулованию придавалось особое значение, случайных оговорок быть не могло, особенно в дипломатических отношениях [Базилевич 1952, с. 305]. По мнению исследователя, новый титул «государя всея Руси», использовавшийся в договоре с Литвой, трактовал новое политическое содержание. «Отчиной» для Ивана III является вся территория, населенная русскими. Выражением этих прав московского великого князя являлся его титул «государя всея Руси». Исследуя появление в титуле Ивана III территориальной единицы «Югорская земля», историк полагал, что формально она присоединилась в 1465 г., когда великий князь «пожаловал Югорским княжением» Колпака и Течика [Там же, с. 403].

М.Н. Тихомиров, анализируя Летописец XV в. с названиями «Россия» и «Российская земля», писал, что в этом источнике Иван III назван Иоанном, в отличие от его предков — Ивана Даниловича и Ивана Ивановича. По мнению исследователя, это связано с отражением официальной титулатуры конца XV в. В летописце Иван III именуется как «князь великий Иоанн Василичевич» [Тихомиров 1960, с. 452].

А.И. Клибанов причину принятия Иваном III новых форм титулатуры усматривал в концентрации всей политической власти в руках великого князя. Историк отмечал, что на время правления Ивана III пришлось борьба деятелей православия, происходили напряженные дипломатические отношения с Великим княжеством Литовским, некоторые представители феодальной знати выступали против великого князя, вызревал придворный заговор Василия и Софьи Палеолог. По мнению А.И. Клибанова, именно по этим причинам великий князь в 1493 г. впервые присвоил себе титул «Иоанн, божьей милостью, государь всея Руси» [Клибанов 1960, с. 217].

А.А. Зимин ссылался на предположения Г. Алефа, который считал, что еще во времена избрания Ионы митрополитом, Василий II объявил Ивана великим князем с целью укрепить его династическое положение [Зимин 1991, с. 132]. Изменения титулатуры Ивана III, по мнению А.А. Зимина, были итогом объединения Руси и программой на будущее [Там же, с. 190]. Ликвидация самостоятельности Тверского великого княжества способствовало превращению Московского княжества в общерусское, что закрепилось

и в титулатуре. С июня 1485 г. Иван III стал именоваться государем «всех Руси» повседневно. Создание единого Русского государства тем самым получило официальную санкцию [Зимин 1982, с. 64].

Фундаментальные исследования по титулатуре Ивана III принадлежат перу А.Л. Хорошкевич. Исследовательница отмечала, что использование в титуле формы «божию милостью» связано с идеей божественного характера царской власти, предложенной ростовским архиепископом Вассианом Рыло. В 1488 г. на дипломатическом приеме дьяк Федор Курицын объявил от имени Ивана III: «...Мы божию милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а доставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы...» [Хорошкевич 1966, с. 126]. А.Л. Хорошкевич подчеркивала, что в новгородско-шведских договорах 80-х гг. XV в. Иван III именовался «русским кайзером» (договор января 1482 г.) и «великим королем, кайзером всех русских, великим князем» (договор 1487 г.) [Хорошкевич 1980, с. 102]. Царский титул («царь и государь всея Руси») за Иваном III признавали, ганзейские и ливонские города [Там же, с. 117]. В конце 70-х гг. XV в. в титуле Ивана III появился термин «государь», показывавший неограниченность власти великого князя внутри страны и независимость ее от кого-либо извне. Применялся и титул «царь всея Руси», который подчеркивал право русских государей на все этнографически русские земли, в чем бы подчинении они не находились. По мнению А.Л. Хорошкевич, титул «самодержец» на Руси стал применяться тогда, когда Иван III после ухода с политической арены удельных князей остался единственным великим князем. Этот титул исключал возможность существования иных независимых или полунезависимых князей [Там же, с. 103].

В.А. Кучкин писал, что до 1479 г. в начальной части жалованных и кормленых грамотах Ивана III правитель титуловался великим князем, а на оборотной стороне ставилось «князь великий». В конце 1479 — нач. 1480-х гг. появляются грамоты, где Иван III титулуется в начальной части «великим князем всея Руси», а на обороте стали писать: «князь великий всея Руси» [Кучкин 1972, с. 223]. С конца 1485 г. на всех жалованных и кормленых грамотах Иван III постоянно титулуется «великим князем всея Руси» [Там же, с. 224].

В.В. Каргалов, ссылаясь на М.Н. Тихомирова, связывал принятие титула Иваном III в контексте глубокого осознания русскими людьми необходимости единства родной земли, что проявилось в утверждении в сознании понятия «Россия», которое заменило прежнее название «Русь». С целью обозначения принадлежности к определенному государству, следствием формирования русской народности и складывания централизованного государства и использовались термины «Россия» (или «Росия»), «Российский» в титуле великого князя («государь всея Росии») [Каргалов 1984, с. 65]. Войну с Ахмед-ханом в 1480 г. вела уже не Русь удельного периода, представ-

лявшая собой конгломерат самостоятельных феодальных княжеств, а Россия, осознавшая свое единство и свою национальную задачу [Там же, с. 66].

Р.Г. Скрынников утверждал, что московские князья давно именовали себя «великими князьями всея Руси», но только Ивану III удалось «из князя-подручника стать абсолютно самостоятельным сюзереном-самодержцем». Великий князь именовал себя «царем всея Руси». Однако, по мнению Р.Г. Скрынникова, Иван III применял этот титулование только в сношениях с Ливонским орденом и некоторыми немецкими князьями, а в переписке с другими странами русский правитель воздержался от официального принятия этого титула, не рассчитывая на то, что соседние государства признают его за ним [Скрынников 1983, с. 23].

Г.В. Семенченко, изучая грамоты правления Ивана III, отмечал, ссылаясь на источники, что Иван Васильевич, родившийся 22 января 1440 г., уже при жизни отца своего именовался великим князем. Это произошло между 31 марта 1448 и 22 июля 1449 г. С тех пор Иван, наряду с отцом, именуется великим князем в княжеских dokonчаниях и завещаниях, а также в великокняжеском летописании [Семенченко 1985, с. 53].

Необходимо особо выделить статью И.Й. Илиевой, посвященную изучению титулатуры великих князей во 2-й пол. XV — нач. XVI в. По мнению исследовательницы, последовательно сменяющиеся формы в официальной титулатуре такие, как «Великий князь», «Великий князь всея Руси», «Государь всея Руси», «Великий государь всея Руси», «Царь и великий государь всея Руси», связаны с динамикой процесса укрепления и расширения прерогатив великокняжеской власти и становления принципиально новой формы государственного правления [Илиева 1984, с. 79]. Великокняжеский титул постепенно переходит в территориальную часть титулатуры, уступая первенство термину «Великий государь» и его вариациям [Там же, с. 80]. Титул «великого государя» отражал реальное положение московских князей как инициаторов и основных действующих лиц объединительного процесса, отделяя их от «великих князей» тверских и других потенциальных соперников [Там же, с. 80]. По мнению И.Й. Илиевой, во внутренней политике актового делопроизводства в период правления Ивана III часто встречается употребление формы «князь великий всея Руси». Отсутствие в делопроизводственных документах титула «государь» показывает, что он не применялся к землям, уже попавшим в состав Московского государства, а существовал в официальной практике лишь в сношениях с непокорными вассалами или иностранными государствами, т.е. отражал в большей мере реальные претензии Ивана III на общерусское главенство [Там же, с. 82].

В.Б. Кобрин, отмечая дипломатический конфликт, возникший между Иваном III и Новгородом Великим в 1477–1478 гг. из-за вопроса о том, как новгородцы должны были титуловать великого князя — господином или

господарем, утверждал, что слова «господарь» и «господин» имеют разный содержательный смысл. Слово «господарь» или «государь» означало буквально хозяина: так, в Судебнике 1497 г. хозяин сенокосного угодья — пожни именовался «поженным государем». Государем был по отношению к своим людям владелец холопов. По мнению В.Б. Кобриня, если великий князь использовал в переписке по отношению к себе титул «господарь», то это, прежде всего, отражало, что монарх признавал вассалом и подданным того, к кому обращался [Кобрин 1985, с. 51].

Ю.Г. Алексеев отмечал, что еще при жизни Василия Васильевича во многих документах будущий Иван III признавался великим князем наравне со своим отцом и наделялся соответствующими политическими прерогативами [Алексеев 1991, с. 50]. По мнению исследователя, с момента покорения Иваном III Новгорода титул «великого князя всея Руси» с того времени впервые наполнялся реальным содержанием: великокняжеская «старина», идея политического единства страны решительно восторжествовала над «старинной» удельно-вечевой децентрализацией [Там же, с. 83]. Историк подчеркивал, что титул «государя всея Руси», использовавшийся в договоре с Литвой в 1494 г., отражал политическую доктрину единства Русской земли, исторической преемственности русской государственности [Там же, с. 180–181]. Интересен взгляд Ю.Г. Алексеева на духовную грамоту князя Бориса Волоцкого. По словам исследователя, впервые в документе такого рода великий князь, а именно старший брат, назван «господином» и «осподарем». Прежде эта титулатура применялась только к родителям и служила термином семейного права. По Ю.Г. Алексееву, распространение титула «осподарь» («господарь») на старшего брата имел политический оттенок, однако подобная титулатура носила еще неустойчивый характер [Алексеев 1989, с. 26–27].

По мнению А.В. Лаушкина, в 70-х — 1-й пол. 80-х гг. XV в. возникают новые элементы великокняжеского титула («всея Руси», «государь»), устойчивое использование которых началось на серебряных монетах [Лаушкин 1995, с. 28]. Окончательное оформление титула приходится на 1489 г. в процессе подготовке посольства Ю. Траханиота к императору. Титул звучал так: «Иоанн, Божию милостию великой государь всеа Руси, володимерский, и московский, и новгородский, и псковский, и тферский, и югорский, и вятский, и пермский, и иных» [Там же, с. 31]. Появление новых элементов в титуле говорит о желании привести его в соответствие со стандартной европейской схемой построения. Титул для сношений с султаном Баязидом был составлен в 1492 г. и отличался от европейского: «Иоан, Божию милостию един правой осподарь всей Руси, вотчичь и дедичь и иным многим землям от севера и до востока государь» [Там же, с. 32]. Такое использование титулов, по мнению А.В. Лаушкина, обозначает то, что Иван III намеревался говорить с императорами только на равных.

Н.В. Сеницына пишет, что именование Ивана III Вассианом в «Послании на Угру» царем «богоутвержденным» имело глубокий внутренний смысл, а именно служило обоснованию политической программы сопротивления ордынскому царю [Сеницына 1998, с. 117–118]. Использование же царского титула Иваном III в практике дипломатических сношений со Священной Римской империей, по мнению исследовательницы, являлось обоснованием идеи иерархического равенства, паритета. В переписке с Максимилианом великий князь назван как «по Божьей воле начальник и государь всея Руси» (22 апреля 1491 г.), «единый государь русский» (2 июня 1491 г.), «царь всеа Руси» и «един царь всеа Руси» (20 ноября 1491 г.). В грамотах Филиппа, сына Максимилиана, 4 октября 1504 г. Иван III и его сын Василий названы «царями» [Там же, с. 121].

Таким образом, большинство советских историков 2-й пол. XX в. в титулатуре Ивана III признавали изменения, связанные с тем, что возникла определенная политическая программа по расширению владений великого князя и становлению единого Русского централизованного государства. К исследователям, разделявшим эти взгляды, относятся В.В. Мавродин, К.В. Базилиевич, М.Н. Тихомиров, А.И. Клибанов, А.А. Зимин, А.Л. Хорошкевич, В.В. Каргалов, Р.Г. Скрынников, И.Й. Илиева, В.Б. Кобрин, Ю.Г. Алексеев, А.В. Лаушкин, Н.В. Сеницына.

Исследователи сходятся во мнении, что во внутреннем делопроизводстве помимо конструкций «государь всея Руси», «князь великий всея Руси» все чаще стала использоваться форма «царь» («царь всея Руси», «царь и государь всеа Руси») и «самодержец». В некоторых дипломатических документах Иван III именовался как «государь всея Руси», в других — «царем».

А.А. Зимин, Г.В. Семенченко и Ю.Г. Алексеев считали, что с целью укрепления династического положения еще при жизни своего отца Иван III в делопроизводственных документах именовался великим князем. По мнению А.А. Зимина и В.А. Кучкина, форма в титуле «всея Руси» начала повседневно применяться монархом именно с 1485 г. А.В. Лаушкин и Н.В. Сеницына видели в принятии Иваном III новых форм титулатуры стремление говорить с императорами только на равных и соответствовать идее иерархического равенства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
Базилиевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. М., 1952.
Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.

- Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982.
- Ильева И.И.* Владетельский титул московских великих князей (с середины XV — до первой четверти XVI века) // *Bulgarian Historical Review*. Sofia, 1984. No. 2.
- Каргалов В.В.* Конец ордынского ига. М., 1984.
- Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960.
- Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.
- Кучкин В.А.* О времени написания Буслаевской Псалтыри // ДРИ: Рукописная книга. Сб. 1. М., 1972.
- Лаушкин А.В.* К вопросу формирования великокняжеского титула во второй половине XV в. // *Вестн. Моск. ун-та*. 1995. № 6.
- Мавродин В.В.* Образование единого Русского государства. Л., 1951.
- Семенченко Г.В.* О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича // *Археографический ежегодник за 1983 год*. М., 1985.
- Синицына Н.В.* Третий Рим. М., 1998.
- Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1983.
- Тихомиров М.Н.* Малоизвестные памятники // *ТОДРЛ*. Т. 16. М.; Л., 1960.
- Хорошкевич А.Л.* Образование единого Российского государства // *История СССР с древнейших времен до наших дней* в 12 т. Т. 2. М., 1966.
- Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.

A.D. Baykova

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

FORMATION OF THE GRAND DUCAL TITLE OF IVAN III IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE 2nd HALF OF THE 20th CENTURY

The article concerns the problem of the formation of the grand-ducal title during the reign of Ivan III in Soviet historiography of the second half of the 20th century. The main approaches of researchers to the solution of the issue of interpretation of the Grand Duke's title are singled out and analyzed.

Keywords: domestic historiography, title, grand duke, sovereign of all Russia, Ivan III.

СЕКЦИЯ «ЕВРОПА В НОВОЕ ВРЕМЯ»

И.А. Калугин

г. Ижевск (Россия)

Удмуртский гос. ун-т

ВХОЖДЕНИЕ УДМУРТСКОГО НАРОДА В СОСТАВ РОССИИ В ТРАКТОВКЕ П.В. КИЛЬДЕБЕКОВА И Ф.П. МАКАРОВА

В 1920 г. произошло формирование государственности Удмуртии. В новых условиях возникла актуальная задача по созданию региональной истории. Первым научным историческим трудом, освещающим вопросы вхождения удмуртов в состав России и опубликованным в недавно созданной Удмуртской автономной области, что придает ему особую ценность, стал учебник П.В. Кильдебекова и Ф.П. Макарова «История классово-борьбы в Удмуртии». Указанные исследователи, находясь под влиянием традиций исторической школы М.Н. Покровского, категорично отрицают концепцию мирного и добровольного присоединения Удмуртии к Московскому государству.

Ключевые слова: П.В. Кильдебеков, Ф.П. Макаров, удмурты, советская историография, региональная историография, вхождение удмуртского народа в состав России.

Трагические события бурных XV—XVII вв. имеют особое значение в истории народов Среднего Поволжья и Приуралья. Дела, казалось бы, давно минувших дней и ныне доносятся до нас живым эхом отгремевших баталлий. Целеустремленным правителем молодого Московского государства, Иваном IV, было принято решение захватить территорию восточного соседа, Казанского ханства, овладеть вожделенной «подрайской землицей» и подчинить живущие там народы. В отечественной историографии присоединение Среднего Поволжья традиционно связывается лишь с взятием Казани в 1552 г. Однако, как точно отметил М.Н. Покровский: «...В завоевании Казани дело шло не только о татарах, и даже главным образом не о них. Это было дальнейшее “поглощение” главным образом финских племен» [Покровский 1930, с. 25]. Вхождение удмуртского народа в состав России стало для него одним из самых значимых событий в истории, обернулось сменой цивилизационного пути развития.

Процесс присоединения Среднего Поволжья и Приуралья к Московскому государству давно попал в поле зрения отечественных исследователей. Однако вхождению удмуртских земель в состав России уделялось куда меньшее внимание. А если мы обратимся к историографической традиции Удмуртской Республики, то вынуждены будем начать лишь с 20-х гг. XX в., так как непосредственно в этот период произошло формирование государственности удмуртского народа, что «актуализировало задачу по организации науки в крае в качестве одного из структурообразующих элементов новой удмуртской идентичности» [Загребин, Куликов 2014, с. 60]. Цель работы — проанализировать трактовку вхождения удмуртского народа в состав России, представленной Кильдебекковым Петром Васильевичем и Макаровым Фаддеем Петровичем в их учебнике «История классовой борьбы в Удмуртии». Важность этого издания заключается в том, что оно является одним из первых научных трудов, вышедшим из-под пера исследователей Удмуртской автономной области, в котором весьма подробно рассматривается указанная проблема. Хочется отметить и тот факт, что оба историка оказались репрессированы, не успев продолжить дальнейшую разработку проблемных вопросов.

В первые годы Советской власти еще не наблюдалось сильного идеологического давления на историческую науку, значительным было влияние дореволюционных исследований. Так, одним из первых трудов, положивших начало изучения указанной темы в Вотской автономной области, стал «Вотяки: краткий историко-этнографический очерк», опубликованный в 1925 г. в качестве пособия по истории и этнографии удмуртов. Однако уже в 1928 г. труд В.А. Максимова был подвергнут справедливой критике. А.И. Андреев объективно указал на отсутствие его (краткого очерка) научного значения [Андреев 1928, с. 270]. Стоит подчеркнуть, что и сам В.А. Максимов признавал компиляционный характер своего труда, ссылаясь на большую загруженность основной работой (на посту заведующего агитпропотделом Удмуртского обкома ВКП(б)) [Максимов 1925, с. 3–4; Писатели Удмуртии... 1989, с. 271]. Исходя из вышесказанного, можно лишь формально признать первенство краткого очерка В.А. Максимова в деле освещения процесса присоединения удмуртского народа к России. Однако нужно обратить внимание на уже созревшее в научной среде осознание необходимости создания исследования, посвященного указанной проблеме.

Введение твердого расписания и предметной системы обучения на третьем этапе развития учебной книги в Удмуртии (1932–1941) сопровождалось недостаточным обеспечением учебной литературой [Павлова 2012, с. 110–111]. На решение этой проблемы было нацелено издание П.В. Кильдебекова и Ф.П. Макарова «История классовой борьбы в Удмуртии», опу-

бликованное в 1933 г. как «приложение к стабильному учебнику для 5, 6 и 7 годов обучения» [Кильдебеков, Макаров 1933, с. 3] и оказавшееся куда более ценным с научной точки зрения трудом, чем его предшественник 1925 года.

Стоит отметить, что указанное исследование авторы не посвящали изучению исключительно процесса вхождения удмуртского народа в состав Российского государства. Их труд был направлен на рассмотрение доклассового общества, процесса возникновения феодализма и классовой борьбы, описание колонизации, за которым последовало установление феодално-крепостнических отношений в Удмуртии. В процессе развития средневековой политической истории удмуртского народа П.В. Кильдебеков и Ф.П. Макаров выделили четыре периода: 1) период независимости и внутреннего развития, дошедшего до «ранних ступеней феодализма» [Кильдебеков, Макаров 1933, с. 55], 2) болгарский период, 3) татарский, 4) русский.

Общий тон описанию присоединения удмуртских земель к Русскому государству в учебнике задает исследование П.Н. Луппова «Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века» [Луппов 1899]. Вхождение удмуртского народа в состав Московского царства П.В. Кильдебеков и Ф.П. Макаров делят на два неразрывных и плавно перетекающих друг в друга этапа: присоединение северных, а за ними и южных удмуртов. Анализ процесса присоединения североудмуртских территорий исследователи начинают с описания новгородской колонизации края. В отличие от П.Н. Луппова, сомневавшегося в достоверности «Повести о стране Вятской» и относившего начало русской колонизации удмуртских земель к промежутку между нач. XIII — нач. XIV в. [Луппов 1899, с. 7–8], авторы учебника считают сведения этого исторического источника достоверными, в связи с чем датируют появление русских на Вятке XII в., характеризуя его следующим образом: «Уже первые шаги новгородских ушкуйников показывают, что колонизация Удмуртии носила далеко не мирный характер. Только в результате ожесточенной борьбы и массового разорения и уничтожения удмуртов и других народностей удавалась колонизация края» [Кильдебеков, Макаров 1933, с. 61].

В 1489 г. в результате военного похода московских ратей была завоєвана Вятская земля. В отличие от современной историографической традиции П.В. Кильдебеков и Ф.П. Макаров не считают данное событие актом вхождения северных удмуртов в состав России, так как уже с XII в. их территория подвергается колонизации Великим Новгородом, а сами северные удмурты, таким образом, оказываются в орбите русской государственности. То есть, по мнению указанных исследователей, захват Вятской

земли Москвой — лишь смена метрополии, за которой последовал новый и усиленный колониционный поток.

Присоединению южных удмуртов и «расширению колониальных захватов Москвы» препятствовало Казанское ханство, правители которого, согласно П.В. Кильдебекову и Ф.П. Макарову, весьма эффективно использовали знать подчиненных народов для защиты своего суверенитета [Кильдебеков, Макаров 1933, с. 62]. Для сокрушения восточного соседа Иван Грозный решил переманить финно-угров ханства на свою сторону. Ему удалось подкупить их «верхушечную часть», благодаря чему в 1552 г. ханство со всеми народами его населявшими было завоевано. С этого момента и южные удмурты оказались в орбите Русского государства. Однако, как будет показано ниже, окончательное усмирение как южных удмуртов, так и северных произойдет много позже.

Стоит выделить то, что П.В. Кильдебеков и Ф.П. Макаров в своем исследовании применили классовый подход. В вопросе вхождения удмуртов в состав России авторы интересуют не столько переломные события, важнейшие даты и лица, участвующие в завоевании края, сколько социально-экономические последствия. Вплоть до сер. 30-х гг. XX в. многие исследователи, занимавшиеся проблемой присоединения Поволжья к Московскому царству, относились к направлению, основанному историком М.Н. Покровским. В русле традиции данной исторической школы, П.В. Кильдебеков и Ф.П. Макаров абсолютно отрицают какие-либо положительные последствия для удмуртов от их вхождения в состав России: одни эксплуататоры сменились другими более жадными [Кильдебеков, Макаров 1933, с. 71]; лучшие земли отданы монастырям и помещикам, а размер ясака не был установлен, что привело к законному злоупотреблению и прямому грабежу крестьян-инородцев, которые оставались не только без прибавочного, но и без необходимого для существования продукта [Кильдебеков, Макаров 1933, с. 63–64].

В след за М.Н. Покровским, говорившем об империалистическом завоевании Среднего Поволжья, исследователи неоднократно характеризуют присоединение Удмуртии к Московскому царству как колониальный захват в интересах феодалов-землевладельцев и торгового класса. П.В. Кильдебеков и Ф.П. Макаров выделяют следующую особенность: «В удмуртском крае главными агентами торгового капитала являлись монастыри, за ними шли крупные монополисты и мелкие скупщики — посредники между крестьянством и крупным торговым капиталом» [Кильдебеков, Макаров 1933, с. 78].

Необходимо подчеркнуть, что указанные выше даты захвата Вятки (1489 г.) и Казани (1552 г.) отнюдь не считаются П.В. Кильдебековым и Ф.П. Макаровым датами окончательного покорения народов Поволжья

и Приуралья, так как вплоть до окончания войны под предводительством Емельяна Пугачева край был «переполнен восстаниями и борьбой» [Кильдебеков, Макаров 1933, с. 64–66]. Таким образом, процесс вхождения удмуртов в состав Российского государства, по мнению исследователей, растянулся с XII по XVIII вв. Лишь поражение пугачевцев, сопровождавшееся очередными карательными акциями, ознаменовало покорение и усмирение народов Среднего Поволжья и Приуралья, к которым относятся и удмурты. «Так, огнем и мечом через опустошения, разорение, массовое кровопролитие и уничтожение масс “иностранцев” происходит присоединение областей и расширение Великорусского государства» [Кильдебеков, Макаров 1933, с. 66].

Исследователи выделяют два течения в повстанческих движениях и крестьянских войнах, в которых участвовали удмурты: верхушка народов и народные низы, которые на начальных этапах совместно действуют для достижения общей цели — изгнание колонизаторов. Однако истинный мотив эксплуататорских классов, по мнению П.В. Кильдебекова и Ф.П. Макарова, заключается в следующем: «...Использовать движение низов в своих интересах с расчетом, чтобы прогнать колонизаторов, а затем самим покрепче сесть на шею трудящихся» [Кильдебеков, Макаров 1933, с. 67]. А когда со временем становится понятна бесперспективность сопротивления, когда классовый антагонизм вносит все больший раздор между восставшими — «тогда эксплуататорские классы удмуртов переходят в прямой блок (союз) с колонизаторами в деле совместной эксплуатации удмуртских трудящихся», за что получали различные льготы [Кильдебеков, Макаров 1933, с. 66–67].

Итак, в рамках исторической школы, основанной М.Н. Покровским, П.В. Кильдебеков и Ф.П. Макаров, применяя классовый подход, проследили процесс вхождения удмуртов в состав России с начала русской колонизации края в XII в. вплоть до его усмирения в конце XVIII в., когда удмурты наряду с другими народами Поволжья и Урала поднялись на борьбу под предводительством Емельяна Пугачева против военно-феодальной колонизации, но были побеждены российской имперской армией. П.В. Кильдебеков и Ф.П. Макаров видят причину поражений восстаний в разношерстности состава участников, чей классовый антагонизм препятствовал развитию и закреплению успеха. Авторы категорично отрицают теорию о мирном вхождении удмуртов в состав России. Характер присоединения, по мнению исследователей, с самого начала отличался кровопролитием и жестокостью.

Причины присоединения территории Удмуртии исследователи видели в грабительской жажде русского эксплуататорского класса. Московские светские, церковные феодалы-землевладельцы и торговый класс стремились

установить систематическое опустошение богатого края, сравнимое с колониальной деятельностью европейских держав.

П.В. Кильдебек и Ф.П. Макаров не выделяют положительных итогов присоединения удмуртов к России, характеризуя установление власти Москвы в крае, как интенсивнейшую военно-феодальную эксплуатацию удмуртов, мари и других народов, как военно-феодальный грабеж, подчеркивали грабительский и разбойный характер колониальной политики [Кильдебек, Макаров 1933, с. 61–62].

Из недостатков указанного труда можно, прежде всего, выделить тот факт, что рассматриваемые исследователи не всегда придерживаются хронологического принципа повествования, особенно в главе о колонизации края и в главе, посвященной феодально-крепостническим отношениям и крестьянским войнам, что может препятствовать восприятию информации. Также хочется указать на недостаточную освещенность описания народных восстаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев А.И. Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР // Финно-угорский сборник: Тр. Комис. по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15. Л., 1928.

Загребин А.Е., Куликов К.И. Этнографический поворот в «проблемных полях» истории Удмуртии (1920-е — начало 1930-х гг.) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. № 3.

Кильдебек П.В., Макаров Ф.П. История классовой борьбы в Удмуртии: доклассовое общество, феодализм, колонизация Удмуртии. Феодально-крепостнические отношения в XVI–XVIII вв. и крестьянские войны. Ч. 1. Ижевск, 1933.

Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб., 1899.

Максимов В.А. Вотяки: краткий историко-этнографический очерк. Ижевск, 1925.

Павлова И.Ф. Развитие учебной книги в Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2012. № 4.

Писатели Удмуртии: Биобиблиографический справочник. Ижевск, 1989.

Покровский М.Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Историк-марксист. Т. 18–19. М., 1930.

I.A. Kalugin
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

ENTRY OF UDMURTS INTO RUSSIA
AS UNDERSTOOD BY P.V. KILDEBEKOV AND F.P. MAKAROV

In 1920 Udmurt's statehood emerged. In the new conditions an actual task arose to create a regional history. The first scientific historical work, covering the issues of the entry of the Udmurts into Russia and published in the recently created Udmurt Autonomous Region, which makes it of particular value, was the P.V. Kildebekov's and F.P. Makarov's textbook "History of the class struggle in Udmurtia". These researchers, influenced by the traditions of the M.N. Pokrovsky's historical school, categorically deny the concept of peaceful and voluntary Udmurtia's accession to the Muscovy.

Keywords: P.V. Kildebekov's, F.P. Makarov's, Udmurts, Soviet historiography, regional historiography, entry of Udmurts into Russia.

*И.А. Симонов
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т*

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ ИВАНА ГРОЗНОГО С ЕВРОПЕЙСКИМИ ПРАВИТЕЛЯМИ

В статье рассматриваются дошедшие до наших дней письма Ивана Грозного европейским правителям. Для исследования были взяты лишь источники, составленные от имени самого царя. При анализе учитывались условия международной политики в Европе во 2-й пол. XVI в. и особенности характера и авторского стиля Ивана Грозного. Автор выявляет ряд особенностей, присущих всем посланиям европейским правителям от имени русского царя.

Ключевые слова: Иван Грозный, Посольский приказ, послания Ивана Грозного, Ливонская война, Стефан Баторий.

Западное направление внешней политики Ивана Грозного представляет собой сложный механизм, в котором необходимо учитывать особенности европейской дипломатии, военного дела и внутреннего состояния Русского государства. И сам русский царь является едва ли не самой загадочной и противоречивой фигурой в истории. Его знаменитое прозвище никак не позволяет высказать мнение о кротком и спокойном нраве государя, а ведь от личностных качеств Ивана IV зависели все сферы жизни набирающего силу Московского государства. Во внешней политике так же роль царя оставалась ключевой. Сфера международных отношений всегда находилась под контролем Ивана Грозного, поскольку у московского царя были грандиозные цели и планы, которые он стремился реализовать в течение всего правления.

Дипломатические отношения со странами Европы представляют значительный интерес среди исследователей внешней политики. В XVI в. московские правители обращают внимание на Запад, где простиралась как исконно русские земли в составе Великого княжества Литовского, так и существовал интерес к территориям теряющего свою силу Ливонского ордена. Отдельного внимания заслуживает складывающаяся дипломатия, нацеленная на про-

ведение независимой внешней политики государства. В период правления Ивана Грозного был сформирован Посольский приказ — учреждение, ведавшее отношениями с иностранными государствами. Здесь формулируются цели и задачи дипломатии, составляются документы, переводятся тексты, готовятся специалисты для переговоров и многое другое.

Непосредственное участие в отношениях с иностранными государствами принимал сам Иван Грозный. Активная переписка русского царя с монархами и политическими деятелями того времени давно стала предметом исследования многих специалистов. В ряде работ характеризуется особый авторский стиль Ивана Грозного. Основными чертами являются разговорный язык (за исключением цитирования церковных книг), эмоциональность, отход от канонов жанра, противопоставление себя адресату — список можно продолжать [Лихачев 1986, с. 5–11]. Послания представляют особый интерес тем, что составлены они от имени государя. По ним исследователи пытаются выделить те идеи, установки, ценности, которые сформировали специфику внешней политики России XVI в.

К началу правления Ивана Грозного дипломатические отношения уже были установлены со многими европейскими государствами. Но миссии, например, в далекую Францию или Испанию не отправлялись — ограничивались перепиской. Более сложные отношения всегда были с соседними странами, особенно с Литвой и Польшей. Кроме того, в 1547 г. Иван IV венчался на царство, а это означало смену великокняжеского титула на царский, и, соответственно, новый поворот в курсе внешней политики. Стоит упомянуть, что еще Василий III именовался царем в посланиях из Турции, Священной Римской империи, а также Франции, Швеции и Дании [Хорошкевич 2003, с. 176]. А потому переход от великокняжеского титула в понимании Ивана Грозного был вполне закономерен и должен был решать ряд задач. Одной из главных задач Посольского приказа теперь было продвижение царского титула как самобытного, не имеющего аналогов в остальном мире [Бачинский 2018, с. 112]. Иван Грозный назывался единственным христианским «царем», а именование «цесарь» императора Священной Римской империи считалось более низким [Там же, с. 112].

Если говорить об иерархии, то исследователи отмечают, что в Посольском приказе был установлен следующий порядок. Высшим статусом обладали Папское государство, Священная Римская империя и Османский султанат. Уровнем ниже стояли Королевство Польское, Великое княжество Литовское, Валахия, Испания, Англия. И были государства, которые позиционировались явно ниже статуса России — Швеция, немецкие и итальянские республики, Трансильвания, графства и герцогства, ливонские города, Ливонское королевство, Рижское архиепископство [Там же, с. 113–120].

Среди христианских государей Иван Грозный явно позиционирует себя выше остальных. Во-первых, стоит сразу отметить, что протестантское учение он совершенно не понимает, и учение Лютера для него не просто ересь, а нечто дьявольское, противоестественное. Это явно прослеживается в послании Яну Роките, протестантскому проповеднику. «Яко начальник бѣсомъ и имя Сатана, тако и вашему началнику имя Лютор... И по сему писанию ты нѣсть христианин, понеже Христова учения развращаеши, а святыхъ апостоль и святыхъ отецъ учения отметаеши» [Послание Яну Роките]. И хотя позиции протестантизма в это время не были крепкими, сам факт появления данного учения должен был помочь сформировать представление православного государя о внутреннем положении западных стран. Иван Грозный очень трепетно относится к вере, что демонстрируют и остальные послания, где он всегда обращается к Священному писанию и определяет себя защитником христианской веры.

Камнем преткновения с западными державами стала тяжелая Ливонская война. На идеологическом обосновании ее необходимости стоит заострить внимание. В «Послании Александру Полубенскому» Иван Грозный утверждает следующее: «что не от коликихъ лѣтъ Лифлянская земля — отчина наша... и дань, и старые залого с тое Лифлянские земли шла... присыльвали неоднова бити челомъ за свои вины и о своих нуждах, и о миру съ ихъ вотчинами, с Великимъ Новымъ городом и Псковомъ, и что было имъ к Литовскому не приставать» [Послание Александру Полубенскому]. Новгород был присоединен к Москве дедом Ивана IV, Псков — отцом, а потому историческая общность земель и объявление прав на территории позволяют предъявить на них претензии. И потому во многом с началом Ливонской войны начинается активная переписка русского и европейских правителей.

Поучительный и язвительный тон нашел свое отражение в каждой отправленной грамоте Ивана Грозного. Мастерски владея языком, он демонстрирует свое превосходство над адресатом, обыгрывая те или иные аспекты его правления и постоянно обращаясь к Священному писанию как к подтверждению своих тезисов. И, как было отмечено ранее, по вопросам войны возвращается к тезису «Ливония — вотчина русского государя».

Необходимо привести несколько примеров. В уже упомянутом обращении к Александру Полубенскому Иван Грозный обосновывает божественное происхождение царской власти. Он переплетает родословные сюжеты (в частности «Сказание о князьях Владимирских») с библейскими и приводит к заключению о принадлежности Ливонии к исконно русским землям. Интересно, что князь Полубенский тоже претендует на родство с римским императором, но Иван Грозный резко и ловко опровергает этот факт: «А пишешься Палемонова роду, ино то палаумова роду, потому что пришел

на государство, да не умель его под собою держать, самъ в холопи попал иному роду» [Послание Александру Полубенскому].

Но если Александр Полубенский был скорее второстепенным персонажем в происходивших событиях, то роль Стефана Батория была гораздо значительнее. Если возвращаться к иерархической лестнице, то как польский король он стоит, можно сказать, лишь на ступень ниже. Но его положение осложнялось тем, что, во-первых, он избран на правление, а во-вторых, изначально властвовал над Трансильванией, которая в той же иерархической структуре была еще ниже, считалась вассалом турецкого султана. Иван IV не упускает возможность указать на этот факт при всяком удобном случае.

Итак, Иван Грозный вновь демонстрирует себя «правильным» христианским государем. В послании Стефану Баторию 1579 г. он пишет: «А жил еси в державе бесерменской, а вера латынская — полухристианство, а паны твоє вѣруют иконоборную ереси люторскую» [Послание Стефану Баторию 1579 года]. Царь упоминает предшественников Батория, в которых тоже видит «правильных» христианских правителей: «А коли были прежние государи на томъ государстве хрестьянские побожные, почен от Казимера и до нынешнего Жигимонта Августа, и они о кроворозлитии хрестьянскомъ жалѣли... А ныне видимъ и слышимъ, что въ твоей землѣ хрестьянство умалаетца; ино по тому твои панове рада, не жалѣючи о кроворозлитии хрестьянскомъ, дѣлають скоро. И ты б, Стефанъ король, попаметоваль на то и разсудиль, хрестьянскимъ ли то обычаемъ такъ дѣлаетца?» [Послание Стефану Баторию 1581 года]. Католичество Иван IV называет «полухристианством», а свою нетерпимость к протестантизму он выразил в послании к Яну Роките.

Иван Грозный, обращаясь к оппоненту, вновь апеллирует к своей родословной. И, хотя Стефан Баторий не верит в родство Рюриковичей с Августом, царь указывает на и без того длинный срок правления установившейся династии. «И ты по тому ли нам великъ хочешь быти, что насъ отчитаешь от Августа кесаря? И ты по тому разсуди свое отечество, а нашу низость. Нам всемогий Богъ благоволил во всем роду! Государствуем от великаго Рюрика 717 лѣтъ, а ты вчера на таком великом государстве, в своем роду первое тебя по Божей милости обрали народи и станы королевства Полскаго, да посадили тебя на тѣ государствуя устраивати их, а не владѣти ими» [Послание Стефану Баторию 1579 года].

Иван IV не перестает напоминать и о ливонских землях: «А что о нашей вотчине о Лифлянской землѣ, и то сставлено не по правде, что она твоя, и николи тово не можешь указати — от Казимера ни при которыхъ предкехъ твоихъ — чтоб она была х коруне Полской и к великому княжеству Литовскому» [Послание Стефану Баторию 1581 года]. При этом царь вновь

обращается к опыту переговоров с предшественниками Батория, сообщая, что польские короли относились к данной территории как к «чужой земле» [Там же]. Иван Грозный обосновывает претензии на Ливонию тем, что она для русских государей «прикладная вотчина», управители которой присягают им. И приводит аналогию с Пруссией: «А ты пишешься прускимъ, а в прусех свое княже и у тебя присега с ним есть, ино по тому и прусы не твои?» [Там же]. И необходимо отметить, что по сравнению с посланием 1579 г. послание 1581 г. носит более сдержанный характер, здесь меньше явного, открытого пренебрежения.

Не менее интересными выглядят письма шведскому королю Юхану III, написанные в 1572 и в 1573 гг. Здесь Иван Грозный открыто заявляет адресату, что тот стоит ниже русского монарха по статусу. В первом послании это прослеживается еще в интитуляции: «великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, обладателя высочайшаго нашего царьского порога, честные нашия степени величества грозное сие повелѣнье с великосилною заповедью да есть» [Послание Юхану III 1572 года]. И в первой части данного письма вместо личных местоимений «я» и «мы» царь использует именование «нашия степени величества» [Там же]. Кроме того, Иван Грозный воспринимает обращения шведского короля не иначе как челобитную и ждет таковых от его послов [Там же].

Многие дипломатические аспекты того времени раскрывается в письме Юхану III 1573 г. «Намъ цысарь римский братъ и иныя великия государи, а тебѣ тѣмъ братомъ назватися не возможно по тому, что Свѣйская земля тѣхъ государствъ честию ниже» [Послание Юхану III 1573 года]. Шведский король Юхан III происходил из дворянского рода, его отец получил корону в результате свержения датской власти над Швецией, а потому не имел богатой родословной. И очень эмоционально Иван Грозный подкрепляет данный тезис далее: «А то правда истинная, а не ложь, что ты мужичей родъ, а не государьской. А пишешь к намъ, что отец твой венчаный король, а мати твоя также венчанная королева... а дотоле не бываль никто» [Там же]. Русского царя не устраивает тон посланий шведского короля, и потому он так ревностно указывает на статус последнего и вдобавок приводит пример грамоты Густава Вазы, отца Юхана III, которая устраивает Ивана IV и соответствует его ожиданиям.

Еще одно упоминание о разных уровнях в иерархии: «а того из века не бывало, чтобы от нашия державы быти посломъ в Свѣйской землѣ; все хаживали послы от ноугороцкихъ намѣтниковъ!» [Там же]. Шведский король скорее равен новгородским наместникам, которые в свою очередь служат русским государям. Вновь Иван Грозный упоминает о статусе Ливонии: «А кровь болшая проливаетца за нашу вотчину, Лифлянскую землю, да за твою гордость, что не хочешь по прежнимъ обычаемъ ссылатися с намѣсники

ноугородцкими» [Там же]. Царь на протяжении всего письма подчеркивает, что не желает лить христианской крови, но Юхан III напротив, ищет повод к началу войны. «И крови неповинные мы не желаемъ — ты за свою гордость розливаешь кровь крестьянскую и розливати желаешь» [Там же]. Таким образом, Иван Грозный вновь предстает как защитник христиан.

Стоит выделить общие особенности в переписке Ивана Грозного с рядом европейских правителей:

1. Иван Грозный — единственный настоящий христианский правитель и защитник веры.

2. Указание на превосходство династии Рюриковичей над рядом европейских домов в связи с ее длительным пребыванием во власти и родством с римским императором.

3. Ливония — вотчина русских правителей как основной тезис в споре за данные территории.

4. Указание оппоненту на неумелое руководство, нарушение традиций, дерзкие изречения в адрес царя.

5. Можно отметить, что периодически Иван Грозный обращается к Библии для обоснования божественного происхождения царской власти.

В настоящей работе не были представлены послания к английской королеве, императору Священной Римской империи и ряду других правителей в связи с недостаточностью источниковой базы для полноценного анализа по данному вопросу. Но часть выделенных особенностей явно отражена в сохранившихся грамотах, однако они заслуживают отдельного рассмотрения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Послание Александру Полубенскому. URL.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9122>

Послание польскому королю Стефану Баторию 1579 года. URL.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9120>

Послание польскому королю Стефану Баторию 1581 года. URL.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9121>

Послание шведскому королю Юхану III 1572 года. URL.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9116>

Послание шведскому королю Юхану III 1573 года. URL.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9117>

Послание Яну Роките. URL.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9123>

Бачинский А.А. Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования // Российская история. 2018. № 2.

Лихачев Д.С. На пути к новому литературному сознанию // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986.

Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

I.A. Simonov

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

THE MAIN FEATURES OF IVAN THE TERRIBLE'S DIPLOMATIC CORRESPONDENCE WITH EUROPEAN RULERS

The article examines the extant letters of Ivan the Terrible to European rulers. For the study, only sources compiled on behalf of the tsar himself were taken. The analysis took into account the conditions of international politics in Europe in the second half of the 16th century and the peculiarities of the character and author's style of Ivan the Terrible. The author identifies a number of features inherent in all messages on behalf of the Russian tsar to European rulers.

Keywords: Ivan the Terrible, the Embassy order, the messages of Ivan the Terrible, the Livonian War, Stefan Batory.

*А.Ю. Степанов
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина*

КРИЗИС АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1642–60-х гг. И РЕСПУБЛИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье рассматривается кризис Английской революции 1642–60-х гг. и предложенная английским республиканцем Гаррингтоном модель его преодоления. Гаррингтон предлагал ряд социально-экономических и политических рецептов для утверждения в Англии республики и недопущения реставрации монархии. В статье анализируются эти рецепты, а также причины того, почему его программа оказалась невостребованной и не была реализована.

Ключевые слова: Английская революция, кризис эпохи, республиканизм, Дж. Гаррингтон, Кромвель.

Английская революция — одно из самых значимых событий XVII в. в истории Европы. В ее ходе была формально установлена республика, а Карл I казнен. Казалось, что монархия больше никогда не вернется в Англию (или по крайней мере, династия Стюартов), однако спустя 11 лет на английском троне сидел Карл II, сын казненного короля, а монархия вернулась в почти неизменной форме. Причина такого исхода кроется прежде всего в кризисе самой революции, многие люди ощущали этот кризис, и республиканцы предлагали различные программы по выходу из него. Самым известным и оригинальным республиканцем был Джеймс Гаррингтон, который в своем произведении «Республика Океания» 1656 г. попытался аллегорическим образом осмыслить Английскую революцию, а также ее кризис (точнее кризис позднего Протектората), предложив вместе с тем рецепт по его преодолению.

Для начала необходимо понять контекст, в котором Гаррингтон написал свое произведение. В ходе Английской революции в 1649 г. был казнен Карл I, и к власти пришло антимонархическое Охвостье. Однако новое правительство быстро скатилось к олигархическому правлению, не сумев решить поднятых революцией вопросов. В этой ситуации его свержение было

лишь вопросом времени, и в 1653 г. Охвостье разогнал Оливер Кромвель, присвоивший себе единоличную власть. Поначалу Кромвель правил вполне успешно: Англия победила в войне с морским гегемоном Голландией, обеспечив тем самым реализацию Навигационного акта, заложившего основы торгового доминирования Британии. Были сокращены прямые налоги, а также была установлена веротерпимость. Однако начатая война с Испанией, содержание большой постоянной армии и отсутствие последовательной экономической программы привели к тому, что к концу правления Кромвеля Англия оказалась в состоянии хронического финансового и экономического кризиса [Кондратьев 2010, с. 155].

Опорой Протектората была армия, и Кромвель попытался выйти за пределы такой узкой социальной базы путем сближения с монархией. Уже в 1656 г. ходили слухи о том, что Кромвель хочет восстановить Палату Лордов, а сам стать королем. Корону Кромвель принять отказался, однако в 1657 г. Протекторат был намного ближе к привычной монархии, чем к Охвостью. Этот курс и подтолкнул Харрингтона к сочинению «Океании» [Покок 2020, с. 315–316].

Стоит добавить сюда и культурный кризис английского общества. К сер. XVII в. оно было пронизано идеями об англичанах как «избранной нации» (в религиозном смысле), о скором Втором пришествии, а Библия стала главным источником политической аргументации, да и не только политической. Некоторые исследователи считают, что эта «библейская культура» являлась глубинной предпосылкой революции [Трунов 2009, с. 22]. Начавшаяся революция, казалось, служила предвестником Второго пришествия, по крайней мере в глазах пуритан. Но время шло, правление пуритан не приводило ко Второму пришествию, а Библия стала утрачивать свой политический авторитет, так как оправдывала как сторонников, так и противников революции. Все это подводило к кризису религиозного политического сознания.

В этих сложных экономических, политических и социокультурных условиях родилась на свет «Республика Океания». Как Гаррингтон объяснял причины революции? Согласно ему, форма государства зависит от баланса собственности, причем земельной собственности. Если земля в руках одного человека, от которого все зависят, то это приведет к абсолютной монархии турецкого образца. Если в руках немногих баронов, то к «готскому балансу» европейских королевств. Если же земля в руках многих так, что никто не получает существенного преимущества перед прочими, то это приведет к республике [Harrington].

По причине нового баланса собственности в Англии был уничтожен «готский баланс», однако республика почему-то не устанавливается. И как твердый республиканец, Гаррингтон в утопической «Океании» предлагает несколько рецептов, которые позволят с учетом изменившегося баланса

собственности установить не просто республику, а вечную республику, которая не вырождается и не деформируется. Какие эти рецепты?

Во-первых, это аграрный закон, согласно которому никто не имеет права владеть землей, приносящей доход более 2000 фунтов [Harrington]. Большой доход приведет к появлению влиятельных магнатов, которые нарушают баланс собственности и ведут к краху республики. Но дело не только в экономической децентрализации, как основе республике. Огромный земельный фонд немногих (а значит маленький земельный фонд многих) приведет к подрыву системы формирования армии республики.

Здесь Гаррингтон подходит к идее вооруженного народа, как о еще одном условии для республики. Только вооруженный народ может помешать тирану захватить власть. Постоянная же армия — наоборот угроза свободе. Такая армия оторвана от общества, она зависит от того, кто ее обеспечивает, и частный человек с опорой на армию может захватить власть и только армией ее поддерживать (очевидный укол в сторону Кромвеля). Гражданин же, который обеспечивает себя сам, который не оторван от общества верен только обществу, республике. Таким образом, гражданин по Гаррингтону — это вооруженный средний землевладелец (в идеале, конечно и земледелец).

Но недостаточно одного социального урегулирования для создания республики, причем вечной и идеальной. Гаррингтон также предлагает и специальный политический механизм, который обеспечит республику от порчи. Этот механизм — ротация и разделение властных полномочий. Условный парламент у Гаррингтона разделен на две палаты: Сенат и Народное собрание. Для того, чтобы быть избранным в Сенат нужно пройти имущественный ценз [Harrington]. Здесь стоит сказать, что имущественный ценз и подобная сегрегация республиканизму не противоречат. Более того, классический республиканизм предполагает смешанное правление, где доля власти достается одному (правителю), немногим (аристократии) и немногим (народу). Единственное, что правитель у Гаррингтона — это законодатель подобно Ликургу, который после введения законов практически исчезает. Но и аристократия у Гаррингтона — это не наследственная знать. Это те люди, которых сами жители Океании выбирают, как наиболее мудрых и опытных, которые в силу своего дохода могут позволить себе и лучшее образование, и возможность больше времени посвящать государственным делам.

Таким образом, по Гаррингтону менее состоятельные граждане малоспособны разработать хороший законопроект. Но опасность подкрадывается с другой стороны: если аристократия будет не только разрабатывать, но и принимать законы, то она может начать принимать их в свою пользу. Поэтому Гаррингтон вводит разделение властных полномочий, по которым Сенат разрабатывает законопроект, а Народное собрание его принимает.

В этом случае законы будут создавать людьми знающими и отражающими интересы большинства.

Наконец, Гаррингтон вводит механизм ротации. По-простому — это сменяемость власти путем голосования. Она необходима, поскольку, с одной стороны, долгое нахождение человека у власти по определению малосовместимо с республикой и таит в себе тиранию, а, во-вторых, ротация позволяет каждому гражданину принять участие в политической жизни общества и проявить там собственную добродетель [Harrington]. Причем упор сделан Гаррингтоном не на первую причину, а на вторую, поскольку республика, как общее дело, предполагает, что гражданин не просто имеет право, а он обязан принимать участие в политической жизни общества, если он правильный гражданин.

При такой детальной разработке гаррингтоновский проект республики оказался невостребованным. Казалось бы, при соответствующих социальных предпосылках, в условиях кризиса кромвелевского Протектората, как очередного кризиса единоличного правления, установление республики напрашивалось само собой. Однако после последовавшей за смертью Кромвеля кратковременной лихорадки Англии в стране была реставрирована монархия, которая причем не сильно отличалась от той, какой она была до революции.

Есть несколько вероятных причин, почему гаррингтоновская модель оказалась невостребованной. Во-первых, Гаррингтон в своей утопической модели не выдвигал никакой экономической программы, хотя именно в решении насущных экономических проблем нуждалась Англия в конце 1650-х гг. Во-вторых, идея принудительного перераспределения собственности не могла понравиться состоятельным слоям, а бедных Гаррингтон отталкивал сам, отказывая в праве быть достойными гражданами по причине неспособности носить оружие и приносить пользу обществу. В-третьих, Покок констатирует, что «Океания» Гаррингтона — это момент смены парадигмы [Поккок 2020, с. 316]. Английское общество, мыслящее и говорившее еще в рамках парадигм обычая (Древняя конституция) и «библейской культуры» оказалось неготовым к классической республиканской парадигме, пусть даже и адаптированной под специфические английские реалии. Обществу требовалось переварить и осмыслить этот момент смены парадигмы, чтобы подобные вещи могли оказаться востребованными. И, в-четвертых, гаррингтоновская модель республики могла в принципе оказаться нерабочей, даже в рамках республиканизма. По крайней мере, некоторые исследователи заявляют, что республика зиждется на реализации человеческой добродетели, в то время как гаррингтоновская модель была жестким механизмом, не дающим свободы для реализации этой добродетели, а посему и такая республика нежизнеспособна [Davis 1981, p. 696–697].

Но все-таки, даже если модель Гаррингтона оказалась неудачной, она имеет важное значение. «Республика Океания» действительно является важной вехой не только английского, но и западного республиканизма вообще, развивающей флорентийский республиканизм Макиавелли, и этот обновленный республиканизм получит свое развитие в будущем по ту сторону Атлантики. Кроме того, изучение «Республики Океании» как попытки преодолеть кризис эпохи актуально до сих пор, поскольку позволяет понять, как корректнее сконструировать такую модель преодоления кризиса, которая сумеет осуществиться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Harrington J. The Commonwealth of Oceana. URL: <http://livros01.livrosgratis.com.br/gu002801.pdf>

Кондратьев С.В. Английская революция XVII века. М., 2010.

Покок Дж. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М., 2020.

Трунов А.А. Кризис «старого порядка» в период правления Карла I Стюарта в социокультурном аспекте // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 8.

Davis J.C. Pocock's Harrington: Grace, Nature and Art in the Classical Republicanism of James Harrington // The Historical Journal. 1981. No. 3.

A. Yu. Stepanov

Yekaterinburg (Russia)

Ural Federal University

THE CRISIS OF THE ENGLISH REVOLUTION OF THE 1642–60s AND THE REPUBLICAN MODEL OF OVERCOMING IT

The article examines the crisis of the English Revolution of the 1642–60s and the model proposed by the English Republican Garrington to overcome it. Garrington proposed a number of socio-economic and political recipes for establishing a republic in England and preventing the restoration of the monarchy. The article analyzes these recipes, as well as the reasons why his program was unclaimed and was not implemented.

Keywords: English revolution, crisis of the epoch, republicanism, J. Garrington, Cromwell.

Т.К. Шаипов
Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

РОЛЬ ИНОЗЕМНЫХ КУПЦОВ В ХОДЕ ПОСОЛЬСТВА ИВАНА ЧЕМОДАНОВА И АЛЕКСЕЯ ПОСНИКОВА 1656–1657 гг.

В статье рассмотрены и проанализированы известия об участии представителей иностранного купечества в посольстве стольника И. Чемоданова и дьяка А. Посникова в Венецию. Проведенный анализ позволил определить основные формы и степень влияния участия купцов в вышеуказанной дипломатической миссии.

Ключевые слова: Россия, Венеция, Флоренция, посольство, дипломатия, торговля, купечество, Иван Чемоданов.

Дипломатическая миссия в Венецию с участием стольника Ивана Чемоданова и дьяка Алексея Посникова в 1656–1657 гг. интересна по многим параметрам: и как первое путешествие русских людей в Средиземноморье вокруг Северной Европы, и как необычайно интересный сюжет культурного диалога между европейцами и «московитами», и как любопытный пример взаимодействия сферы дипломатии и торговли. Под последним имеется в виду вовлеченность в ход посольства представителей иностранного купечества, о которых упоминают и русские, и итальянские источники. Рассмотрение и анализ этих известий позволит определить, насколько активным было взаимодействие русских посланников и иноземных торговцев, в каких формах оно выражалось и как оно повлияло на самый ход посольства.

Впервые мы видим их участие уже на этапе подготовки к плаванию в Италию. Так как сухопутный путь в Венецию был невозможен по причине русско-польской войны (1654–1667), посланникам предстояло добраться до места назначения по морю. Главным и единственным северным портом России сер. XVII в. был Архангельск, через который шла торговля с иноземными купцами. В царском наказе было предписано нанять «икряной каравль», венецианский или голландский, о чем должен был позаботиться двинский воевода князь Петр Семенович Прозоровский [РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1, л. 42–43, 96–97]. Торговля черной «армянской» икрой в 1650-е гг. была

одним из наиболее прибыльных мероприятий, и за право ее вывоза и продажи конкурировали английские, голландские и итальянские купцы. В 1-й пол. 1650-х гг. основным держателем икорного откупа был англичанин Иван (Джон) Гебдон, который также выполнял различные царские поручения за границей — как правило, это были закупки «узорочных товаров» и вооружения, наем специалистов разного профиля и т.п. [Гурлянд 1903, с. 7; Торопицын 2010, с. 55]. Получив царское указание о кораблях для посланников, воевода Прозоровский обратился к Гебдону, и тот договорился с корабельщиками Корнилиусом Класом и Индриком Девилде [ПДС. Т. 10, стб. 934–935]. Нам пока не удалось установить их реальные имена и происхождение, однако разумно полагать, что они были компаньонами английского комиссионера и организовывали вывоз икры из России. Отплытия из Архангельска Чемоданову и Посникову пришлось ждать несколько недель (с 18 августа по 12 сентября), «покамест те их корабли нагрузятца товарь»; кроме того, до Венеции иностранцы плыть не собирались и сообщили, что доведут посланников только до Ливорно, а до владений «виницейского князя» им придется идти сухим путем [Там же, стб. 936]. Таким образом, необходимость воспользоваться услугами иностранных корабельщиков привела к изменению маршрута следования посольства.

В Ливорно Чемоданов и Посников прибыли 24 ноября 1656 г. и находились там почти месяц, до 23 декабря [Там же, стб. 944–971]. В XVII в. этот город Тосканского герцогства был одним из ключевых пунктов средиземноморской торговли и местом, где проживали представители самых разных государств Европы и Ближнего Востока [Risaliti 1978, p. 484]. Важным фактором было нахождение в городе англичанина Карла Лонгленда: один из богатейших торговцев города, он официально представлял английское Адмиралтейство и следил за безопасностью английских судов в Средиземноморье [Villani 2013, p. 165]. В конце 1654 г. он с несколькими местными купцами приобрел у Гебдона пятилетний контракт на поставку икры из России; в числе компаньонов Лонгленда были голландец Исаак Ян Нийс и итальянцы Джованни Дзеффи и Джан Франческо Санминиаелли [Villani 2008, p. 59]. Данное обстоятельство объясняет, почему «гость Карлус», как он назван в статейном списке, оказал посланникам множество полезных услуг. Так, он принял посланников после долгого плавания, предоставил им проживание в своих апартаментах и снабдил небольшой суммой денег в тысячу пеццо [ПДС. Т. 10, стб. 955–957; Бумаги Флорентинского архива 1871. Ч. 1, с. 15]. По донесениям Антонио Серристоры, губернатора Ливорно, в доме Лонгленда каждый вечер устраивались праздники с музыкой и пением [Бумаги Флорентинского архива 1871. Ч. 1, с. 8]. Также по совету англичанина посланники наняли на службу австрийского военного Иоанна Сакса, который стал толмачом итальянского языка [Бумаги Флорентинского

архива 1871. Ч. 1, с. 7; ПДС. Т. 10, стб. 966]. Лонгленд был и политическим осведомителем русских посланников: он сообщил им о ходе военных действий в Речи Посполитой и заключении Виленского перемирия (24 октября 1656 г.) между Россией и Польшей, а также о скором возобновлении боевых действий между Францией и Испанией [ПДС. Т. 10, стб. 968]. Наконец, Лонгленду Чемоданов и Посников оставили бочки с ревенем, который они безуспешно пытались продать самостоятельно, с наказом организовать его сбыт. Из содержания отписки, составленной посланниками после прибытия обратно в Россию, становится ясно, что опытному торговцу не удалось реализовать вверенный ему товар, и посланники велели обменять его на дорогие ткани [РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1, л. 139–140].

Другим торговцем, который активно контактировал с посланниками во время их пребывания в Ливорно, был Джузеппе (Иосиф) Арmano. В статейном списке он упоминается как «виницейской гость» или «виницейской торговый человек», но без имени [ПДС. Т. 10, стб. 965, 968, 970]. Арmano был уполномоченным Республики по торговым вопросам в Ливорно и одним из первых получил известие о скором прибытии царских посланников [Di Salvo 1997, p. 63]. Об этом он сообщил венецианскому резиденту во Флоренции Таддео Вико, которому и в дальнейшем предоставлял различную информацию о посольстве [Villani 2008, p. 39]. Арmano содействовал Чемоданову и Посникову в вопросе маршрута в Венецию, который должен был пролегать через Болонью и Феррару, города Папского государства. Свободный проезд был затруднен по причине морового поветрия в этих землях, и на въездах стояли карантинные заставы. Арmano был посредником между Республикой, резидентом Вико и посланниками, сообщая последним, как решается вопрос с выдачей проезжих грамот для преодоления застав [ПДС. Т. 10, стб. 969–970]. Правительство Республики хлопотало об этом через венецианского нунция Караффу, а тот, в свою очередь, писал в Болонью легату Ломеллини, который в итоге выдал разрешения для Чемоданова и членов посольской свиты [ПДС. Т. 10, стб. 981; Шмурло 1932, с. 6].

Помимо решения насущных вопросов, Арmano, подобно Лонгленду, организовывал досуг посланников и устраивал для них праздники в своем доме. Однажды он пригласил их к себе на вечер с танцами, пением и азартными играми. Это приглашение стало причиной конфликта между столбником и дьяком, так как последнему показалось, будто его в приглашении не упомянули. Неизвестно, была ли это ошибка толмача посольства или самого Арmano — интереснее, что этот небольшой конфликт иллюстрирует некоторые представления дьяка Посникова о своем месте в посольстве. Он утверждал, что имеет равный с Чемодановым статус посланника и требует соответствующего к себе отношения, поэтому раз его не пригласили, не стоит ехать никому [Бумаги Флорентинского архива 1871. Ч. 1, с. 23–24]. Очевидно,

что с точки зрения социального положения дьяк не был равней стольнику, однако он вполне мог апеллировать к своему статусу посланника, которым он был наделен во время личной аудиенции у царя в Золотой палате [ПДС. Т. 10, стб. 931]. И с этой точки зрения его претензия выглядит как попытка отстоять свой символический статус и свою посольскую честь, что в целом укладывается в логику дипломатической практики Раннего нового времени [Hennings 2016, p. 2–3].

23 декабря посланники покинули Ливорно и прибыли в Пизу, где находились до следующего дня. У въезда их встретил «Пизы города гость Ждан Францискус Семенделий». Очевидно, речь идет о Джан Франческо Санминиаелли, который входил в число торговых компаньонов Лонгленда по икряному откупу, а в статейном списке прямо обозначен как «товарыщ его Карлусов» [Бумаги Флорентинского архива 1871. Ч. 1, с. 22; ПДС. Т. 10, стб. 972]. Встретив послов, Санминиаелли учтиво предложил Чемоданову и членам его свиты пересесть в нанятые им кареты и затем предоставил им ночлег в своем доме [ПДС. Т. 10, стб. 973]. Между итальянцем и Чемодановым даже состоялся небольшой разговор на животрепещущую «турецкую тему». Санминиаелли спросил его, случилось ли русским вступать в морские сражения с турками. Чемоданов ответил, что иногда это случается во время походов донских казаков, которые «многую им [туркам] шкоду чинят». Любопытен ответ пизанского торговца: «слышали мы де про то, велми радуемся и впредь желаем, чтобы великому государю вашему <...> подал Бог на них, мусулманов, победу и одоление, а у нас де с ними совету нет же» [Там же, стб. 975]. Это подтверждает, что тема казацкого похода на Османскую империю, поднятая Венецией во время посольства Альберто Вимины 1655 г., интересовала и представителей других итальянских государств [Алпатов 1973, с. 351].

В дальнейшем связь иноземных купцов и посольства Чемоданова мы наблюдаем уже на этапе его возвращения в Москву. Здесь вновь сыграл свою роль фактор военных действий — на этот раз между Речью Посполитой и Швецией. Путь через Польшу оказался недоступен, поэтому маршрут из Венеции шел через земли Священной Римской империи и далее — в Голландию, откуда посланники должны были отплыть в Архангельский порт. Амстердамские власти, узнав о прибытии в их город Чемоданова и Посникова со свитой, отправили к ним купца «Давыда Микулаева сына Руца» [ПДС. Т. 10, стб. 1129]. Выбор был сделан неслучайно: на протяжении нескольких десятилетий (с 1620-х по 1650-е гг. включительно) Давид Рутц был активно вовлечен в архангельскую торговлю в компании с другими иноземцами, занимавшихся экспортом зерна, поташа, а в 1650-х гг. — все той же черной армянской икры [Велувенкамп 2006, с. 117–121]. При активном содействии Рутца посланники смогли найти корабельщика и заключить с ним договор

найма за 110 руб. По причине крайней стесненности в средствах, вызванной долгим путешествием по немецким землям, посланники не сразу заплатили владельцу корабля положенную сумму, а обещали выплатить ее уже после прибытия в Архангельск «из государевой казны» [ПДС. Т. 10, стб. 1137–1138]. Вполне можно предположить, что принятию таких условий способствовало посредничество или даже поручительство Рутца. На голландском корабле посланники плыли до Архангельска «пять недель и два дни», с 20 мая по 25 июня 1657 г. [Там же, стб. 1145].

Таким образом, можно сделать вывод о довольно значительном участии иноземных купцов в посольстве Чемоданова и Посникова. Формы этого участия можно сформулировать в трех ключевых пунктах. Во-первых, это транспортное обеспечение посольства. Здесь и предоставление средств передвижения (корабли), и решение оперативных вопросов проезда (карантинные заставы в папских городах). Во-вторых, это обеспечение места для проживания. Наиболее актуальным этот вопрос был в «тосканский» этап посольства, который изначально не предполагался как излишне долгий. В-третьих, это информационный обмен. Купцы ситуативно снабжали посланников актуальной внешнеполитической информацией, благодаря которой те были в курсе событий в Восточной Европе и могли корректировать маршрут своего следования. Важно упомянуть, что все купцы, оставившие след в посольстве Чемоданова и Посникова, так или иначе были связаны с архангельской экспортной торговлей, а более конкретно — с «икряным откупом» как ее наиболее прибыльной статьей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России: Итал. и латин. подлинники, с русским пер. гр. М.Д. Бутурлина. М., 1871. Ч. 1.

Памятники дипломатических сношений [ПДС]. Т. 10. СПб., 1871.

Российский государственный архив древних актов [РГАДА]. Ф. 41. Сношения России с Венецией. Оп. 1. Книги и дела. Д. 1. (1656–1658).

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973.

Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России 1550–1785. М., 2006.

Гурлянд И.Я. Иван Гебдон комиссариус и резидент (Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века). Ярославль, 1903.

Торопцын И.В. Роль голландцев в русско-итальянской торговле рыбными припасами во второй половине XVII века // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Рыбное хозяйство. 2010. № 1.

Шмурло Е.Ф. Посольство Чемоданова и Римская курия // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1932. Вып. 7.

Di Salvo M. La missione di I. Cemedanov a Venezia (1656–1657): Osservazioni e nuovi materiali // Archivio italo-russo — Русско-итальянский архив. Trento, 1997. Vol. 1.

Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016.

Risaliti R. I rapporti commerciali fra la Russia e la Toscana (Livorno) // Archivio Storico Italiano. 1978. Vol. 136. No. 3/4. (497/498).

Villani S. Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo // Nuovi Studi Livornesi. 2008. Vol. 14.

Villani S. A “Republican Englishman” in Leghorn: Charles Longland // European context for English Republicanism. Ashgate, 2013.

T.K. Shaipov

Moscow (Russia)

Lomonosov Moscow State University

THE ROLE OF FOREIGN MERCHANTS DURING THE EMBASSY OF I. CHEMODANOV AND A. POSNIKOV, 1656–1657

The article examines and analyzes information about the participation of foreign merchants in the embassy of *stol'nik* I. Chemodanov and *diak* A. Posnikov in Venice. The analysis made it possible to determine the main forms and influence of merchants participation during the mentioned diplomatic mission.

Keywords: Russia, Venice, Florence, diplomacy, embassy, commerce, merchants, Ivan Chemodanov.

Н.Е. Домрачев
гг. Москва, Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургский гос. ун-т
Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова
Российский гос. архив древних актов

**ОПЫТ ПЕРЕДАЧИ РУССКОГО ПОСТОЯННОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ ОТ П.Б. ВОЗНИЦЫНА
К И.М. ВОЛКОВУ В 1689 г.**

Доклад посвящен анализу практик первой в истории русской дипломатии передачи дел постоянного дипломатического представительства, которая состоялась в 1689 г. между резидентами в Польско-Литовском государстве П.Б. Возницыным и И.М. Волковым. Основой доклада стал ранее не введенный в научный оборот статейный список И.М. Волкова, хранящийся среди материалов делопроизводства Посольского приказа в РГАДА. В результате было выявлено, что Посольский приказ предполагал только передачу документов и книг, не предусматривая переход социальных связей и агентуры русской постоянной миссии. Однако личная инициатива П.Б. Возницына, а также его личные связи с И.М. Волковым позволили эффективно решить возникшие проблемы. Практики передачи русской «резиденции» предлагается рассматривать в контексте посольских «размен» на Валуйках и передачи воеводств от одного воеводы к другому.

Ключевые слова: Русско-польские отношения в XVII в., Посольский приказ, Прокофий Богданович Возницын, Иван Михайлович Волков, русская постоянная дипломатическая миссия в Польско-Литовском государстве.

Заключение договора о Вечном мире в 1686 г. стало важной вехой в истории русско-польских отношений. Он не только подвел черту под политическим противостоянием Московского и Польско-Литовского государств, но и положил начало их военно-политическому союзу против Крыма и Турции [ПСЗ, с. 770–786; Гуськов, Кочегаров, Шамин 2022, с. 42]. Одним из последствий заключения русско-польского альянса стало возобновление работы постоянных миссий в Москве и Варшаве, которые были упразднены

в 1677 г. В 1687 г. в Москву прибыл польский резидент Ежи (Юрий) Доминик Довмонт. В ответ на его присылку в Польско-Литовское государство был отправлен дьяк Посольского приказа П.Б. Возницын [Домрачев 2020, с. 83]. До 1699 г. русская «резиденция» в Варшаве, возглавляемая поочередно дьяками Посольского приказа [Бантыш-Каменский 1897, с. 159, 160, 162, 163, 165], оставалась единственным актуальным опытом организации постоянной дипломатической миссии.

В 1689 г. возникла необходимость замены русского резидента в Польско-Литовском государстве. В связи с этим русское постоянное дипломатическое представительство в Варшаве столкнулось в своем развитии с новым вызовом. Планы по возвращению П.Б. Возницына в Москву поставили перед русским дипломатическим ведомством задачу организовать переход руководства миссии от одного резидента к другому. В русской дипломатической практике на европейском направлении прецедентов этому еще не было: после отъезда в Москву первого резидента в Польско-Литовском государстве В.М. Тяпкина в 1677 г. русская миссия была закрыта.

Однако, среди разнообразных практик Московского государства подобных прецедентов было достаточно. В 1-й пол. XVII ст. существовал опыт «размены» посольств на Валуйках, где регулярно встречались дипломаты, возвращающиеся из Крыма, и посланники, следующие в Крым с очередными «поминками» [См. напр.: Виноградов 2021, с. 31–41]. Правда, отношениям с Крымом всегда была присуща масса индивидуальных особенностей и архаизмов. Кроме того, с конца 1650-х гг. в связи с обострением русско-крымских отношений во время русско-польской войны практика «размены» прекратилась [Домрачев 2021, с. 106], и к 1680-м гг. стала историей. Поэтому считать институт валуйских «размен» источником опыта «перемены» резидентов в Польско-Литовском государстве исторически некорректно.

В то же время в практике внутреннего управления, например, в приказной или воеводской службе, существовал давно сложившийся и хорошо отработанный механизм передачи дел от одного приказного судьи или воеводы к другому. Внимание источников, фиксирующих акт подобной передачи, было сконцентрировано главным образом на передаче дел [Градовский 1868, с. 302]. В этой связи представляется крайне важным реконструировать механизм передачи дел от одного главы русской постоянной миссии в Варшаве другому для сопоставления с существующим в Московском государстве XVII в. набором практик. В исследовательской литературе вопрос передачи русской резиденции специального внимания не получил. В работах Н.Н. Бантыш-Каменского [См.: Бантыш-Каменский 1897, с. 159], С.М. Соловьева [См.: Соловьев, стб. 1104], С.С. Колегова [См.: Колегов 2011, с. 223] и А. Каминьского [см.: Kamiński 1993, p. 172] только упоминается сам факт

перехода руководства миссией от одного резидента к другому. Исследовать механизм передачи постоянной миссии позволяет уникальный комплекс делопроизводственных документов Посольского приказа, прежде всего, Статейный список резидента-сменщика И.М. Волкова [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 237], которые до сих пор не были введены в научный оборот.

Решение о замене резидента П.Б. Возницына на другого посланника было оформлено царской «милостивой» грамотой, опущенной из Москвы 27 декабря 1688 г. Подготовка отправки нового резидента шла неспешно. 30 декабря 1688 г. было принято решение назначить новым посланником дьяка Ивана Михайловича Волкова [Там же, л. 1]. Выбор пал на него неслучайно. И.М. Волков, также как и П.Б. Возницын, принимал участие в переговорах с польскими послами Гжимултовским и Огинским весной 1686 г., также как и П.Б. Возницын разрабатывал итоговый текст договора о «Вечном мире и Святом союзе» [Устрялов 1858, с. 164]. Волков входил в состав великого посольства боярина Б.П. Шереметева, отправленного для ратификации заключенного договора к Яну III, которое затем отправилось в Вену [РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 226, л. 1]. Словом, дьяк И.М. Волков был одним из немногих кадровых дипломатов Государственного Посольского приказа, который был непосредственным участником основных событий, связанных с договором о Вечном мире и Священной Лигой.

И.М. Волкову по приезду в Варшаву предписывалось принять у своего предшественника «с роспискою» следующие документы: «грамоты с указными статьями, какова писана о миротворении с салтаном турским», церковные печатные книги, выписку из статейного списка «каким чином он, Прокофей, к сенатором приезжал и окрестных государей с послы и с резиденты съезжался» [Там же. Кн. 237, л. 48 об.]. Его предшественник был также уведомлен о необходимости передать названные документы новому резиденту [Там же. 1689 г. Д. 4, л. 65–66].

Как только стольник И.М. Волков прибыл в Варшавское предместье Прагу, он по сложившемуся порядку «обослался» с резидентом П.Б. Возницыным, и только после этого дал о себе знать сановникам Польско-Литовского государства [Там же. Кн. 237, л. 17 об.]. О контактах двух резидентов в первую неделю пребывания Волкова в Варшаве прямых сведений нет. П.Б. Возницын до самого отъезда в своих донесениях о Волкове не упоминает, очевидно, резонно полагая, что в этом нет необходимости: резидент-сменщик в это время сам писал письма и отписки в Посольский приказ, подробно информируя о своем времяпрепровождении. В этой связи реконструкция взаимодействия дипломатов возможна лишь на основании косвенных сведений, взятых, прежде всего, из статейного списка И.М. Волкова.

Оба резидента разграничили сферы своих компетенций, чтобы не дублировать информацию и не создавать путаницу в Посольском приказе.

Волков, прежде всего, информировал о собственном приеме и размещении в Варшаве, оставляя доклад по важным политическим вопросам на П.Б. Возницына. Об этом он даже специально сообщил «оберегателю» кн. В.В. Голицыну: «И что о ведомостех и о розорвании прошедшаго сейму известно <...> будет по доношению стольника Прокофья Возницына, потому что он имел в Варшаве бытие свое многое время и всего наслышелся совершенно» [Там же, л. 29 об.].

Оба резидента были размещены на улице Лешно на окраине Варшавы, и имели возможность постоянно поддерживать контакты друг с другом. В частности, не без влияния П.Б. Возницына новый резидент еще до официальной церемонии «приезда» у короля Яна III Собеского установил отношения с дипломатами стран — членов Священной Лиги: имперским резидентом Иоганном (Яном) Жеровским и венецианским — Джеронимо Альберти.

5 мая стольнику И.М. Волкову был назначен «приезд» у короля Яна III Собеского. Сведения о присутствии на этой аудиенции резидента П.Б. Возницына не сообщает ни один из дипломатов. Это свидетельствует, что практика присутствия резидента на аудиенции при вручении царских «любительных» грамот другим дипломатом, которая сложилась в 1670-е гг. при В.М. Тяпкине, при «перемене» резидента не применялась. Кроме того, на официальном «приезде» новый резидент объявлял свои полномочия, тем самым полномочия его предшественника автоматически прекращались, и его присутствие при этом не требовалось.

Как только стольник И.М. Волков официально заступил в свою должность, резиденты начали процесс передачи дел. В первую очередь их волновал вопрос о судьбе проекта мирного договора с Османской империей, полученный П.Б. Возницыным из Москвы еще 18 апреля 1689 г. [Там же. 1689 г. Д. 4, л. 376]. Царский указ предписывал в случае прибытия нового русского резидента, передать это поручение ему. Однако прямое выполнение указа влекло за собой серьезные репутационные проблемы для П.Б. Возницына. 6 мая резиденты собрались на «совет». Возницын опасался, «что <...> грамота с указными статьями, хотя и ему, Ивану, велено при поезде ево, Прокофьеве, из Варшавы отдать, только та <...> грамота писана и прислана к нему, Прокофью, тому ныне многое время минуло. И естли ему Прокофью по тому <...> указу до королевского величества того не донести, а после ево, Прокофья, то дело переменитца, и в том он опасен от великих государей <...> гневу» [Там же. Кн. 237, л. 44 об.—45]. В результате И.М. Волков пошел на уступки своему коллеге. Резиденты постановили разделить между собой обязанности: Возницын должен был перед своим «отпуском» прочесть проект договора королю и сенаторам, а Волков — проинформировать о нем имперского резидента И. Жеровского, «усмотря пристойное время впредь» [Там же, л. 45 об.].

10 мая 1689 г. стольник П.Б. Возницын передал резиденту И.М. Волкову имеющиеся у него документы и богослужебные книги, взяв со своего преемника расписку. Новые сложности возникли с передачей выписки из статейного списка Возницына, «каким чином он Прокофей к сенатором приезжал и окрестных государей с послы и с резиденты съезжался» [Там же, л. 48 об.]. Эта просьба ставила бывшего резидента в неловкое положение: статейный список в его канцелярии велся плохо, записи фиксировались крайне нерегулярно, и к моменту отъезда его текст был не готов. Пытаясь скрыть этот факт, Возницын отказался давать своему преемнику выписку, сославшись на то, «что в их великих государей грамоте о том к нему, Прокофью, не написано» [Там же, л. 49]. Волков, который также не имел права нарушать данный ему наказ, нашел выход из положения. Пользуясь статусом главы русской миссии в Варшаве и используя богатый приказной опыт и полномочия дьяка Посольского приказа, он прямо на месте составляет необходимый указ. «В наказе мне написано, — писал И.М. Волков, — будучи на великих государей службе <...> в посланниках и на резиденцы, каким ты образом к сенатором приезжал и окрестных государей с послы и с резиденты съезжался, и о том и для иных дел для ведомо мне взять у тебя из статейного твоего списка выписку. И по указу великих государей <...> стольнику Прокофью Богдановичу Возницыну учинити о сем по тому их <...> указу» [Там же, л. 49 об.–50]. В результате бывший резидент оставил преемнику оригинал своего статейного списка, «не весь сполна написан». Кроме него в Варшаве остались копии царских «любительных» грамот к королю Яну III и императору Леопольду I, копия договора о «Вечном мире», копия статейного списка резидента В.М. Тяпкина, «Апостол», «Шестоднев», «Требник», «Миняя Общая» и царская грамота с проектом мирного договора с Османской империей, «и под тою грамотою ево, Прокофьево письмо, что он по той <...> грамоте учинил» [Там же, л. 50–51].

Переход должности русского резидента в Польско-Литовском государстве от одного дипломата к другому не ограничивался передачей необходимых документов, и был сопряжен с необходимостью информировать нового главу миссии о русской агентуре и полезных связях. Так, 8 мая 1689 г. И.М. Волков под руководством П.Б. Возницына составил уведомления для венского агента переводчика русского языка Адама Стылли и русского гонца в Вене (пребывающего там на положении наблюдателя за ходом переговоров с Турцией) подьячего Алексея Васильева (известного позднее как А.В. Никитин) [Там же, л. 46]. Очевидно, подобные письма получили от русских резидентов и агенты на территории Польско-Литовского государства. Представители русской агентуры также стремились зарекомендовать себя перед новым резидентом. Так, например, А. Стылля, заранее получив известие о приезде И.М. Волкова от гонца А. Васильева, поспешил обра-

титься к П.Б. Возницыну: «Прошу, надеясь, что еще в Варшаве обретаешься, похочешь господину Волкову мою особу похвалить, а не так мою особу, как пересылку и труды великие, которые ежедневно собираю и перевожу для их царского величества» [Там же. 1689 г. Д. 4, л. 184].

Таким образом, первая в истории русской дипломатии «перемена» постоянных дипломатических представителей за рубежом своим успехом была обязана в большей степени опыту П.Б. Возницына и его сменщика, а также их личным отношениям. Руководство Посольского приказа смогло предусмотреть только передачу основной документации. В сознании приказной посольской бюрократии надежным транслятором дипломатического опыта оставался статейный список, которым мог воспользоваться не только непосредственный преемник, но и любой дипломат спустя десятки лет. Такой подход исключал из поля зрения важные инструменты работы постоянного дипломатического представителя — агентурную сеть, поставляющую информацию, и круг расположенных вельмож, через которых становилось возможным реализовывать личные и государственные интересы. В статейных списках информация об этом отражалась лишь косвенно. Личная встреча русских резидентов и их совместное пребывание в Варшаве в течение 10 дней позволили П.Б. Возницыну постепенно ввести своего преемника в курс дел и на практике передать ему необходимые знания и контакты, в том числе — ценных корреспондентов в государстве Габсбургов. При этом на первом этапе пребывания И.М. Волкова в Варшаве, т.е. до его первой аудиенции у короля, происходило знакомство с отдельными представителями дипломатического корпуса и адаптация к столичной жизни. Непосредственная передача всех дел была осуществлена уже после официального вступления нового резидента в свою должность.

Процесс передачи дел от Возницына в Волкову позволяет увидеть, как строились личные отношения в среде приказной бюрократии. Не стоит забывать, что под чинами «написанных» стольников скрываются кадровые дьяки Государственного Посольского приказа с почти двадцатилетним опытом приказной службы за спиной у каждого. История с передачей статейного списка Возницына ярко демонстрирует, насколько глубоко в этой среде были усвоены принципы формальных отношений с одной стороны, и с какой легкостью и поразительной гибкостью профессиональные приказные служащие использовали их в личных интересах. Ситуация, оформленная в отчете Волкова близкой к конфликту, решение которого предстает торжеством бюрократии, при вдумчивом рассмотрении выглядит откровенным фарсом, своего рода сатирой над приказной бюрократией. Кажется, что сложная и запутанная история с необходимостью прямо на месте составлять царский указ, о существовании которого Посольский приказ узнает далеко *post factum*, была призвана скрыть в недрах «резиденции» недописанный

статейный список Возницына. И, вероятно, дяки-дипломаты совместно придумали абсолютно законный способ, как обыграть и скрыть эту «ошибку» резидента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание законов Российской империи [ПСЗ]. Собр. 1. Т. 2. СПб., 1830.

Российский государственный архив древних актов [РГАДА]. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 226. (Посольская книга, содержащая копию наказа, царских указных грамот и выписок великим послам Б.П. Шереметеву с товарищами, посланными для ратификации договора о Вечном мире, 1686–1687 гг.).

РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 237. (Посольская книга, содержащая подлинный статейный список русского резидента в Польско-Литовском государстве И.М. Волкова, 1689–1691 гг.).

РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. 1689 г. Д. 4. (Столбцы с документами, связанными с взаимодействием Посольского приказа с русским резидентом П.Б. Возницыным в 1689 г.).

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России по 1800 г. М., 1897. Ч. 3.

Виноградов А.В. Русско-крымские посольские съезды и размены 1614–1618 гг. на Ливнах и на Валуях // Белгородская черта. 2021. Вып. 6.

Градовский А.Д. История местного управления в России. Т. 1. СПб., 1868.

Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022.

Домрачев Н.Е. К вопросу о длительном пребывании русских дипломатов в Крыму в XVII столетии // Окно в Европу: Сборник статей памяти доктора исторических наук Татьяны Александровны Лаптевой (1955–2018). М., 2021.

Домрачев Н.Е. Россия, Речь Посполитая и вопрос о восстановлении постоянных дипломатических представительств в конце 1680-х гг. // Славянский Альманах. 2020. Вып. 1–2.

Колегов С.С. Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII — начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 12. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», б/г.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб., 1858.

Kamiński A. Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania, 1686–1697. Cambridge, 1993.

N.E. Domrachev

Moscow, Saint Petersburg (Russia)

Saint Petersburg State University

Lomonosov Moscow State University

Russian State Archive of Ancient Documents

THE PRACTICES OF TRANSFER OF RUSSIAN PERMANENT
DIPLOMATIC MISSION IN POLISH-LITHUANIAN
COMMONWEALTH FROM P. VOZNITSYN TO I. VOLKOV IN 1689

The report is devoted to analysis of practices of the first in history of Russian diplomacy transfer of issues of permanent diplomatic mission, which has taken place between residents in Polish-Lithuanian Commonwealth P. Voznitsyn and I. Volkov in 1689. Volkov's records (*stateinyi spisok*), which has not been introduced into scientific circulation and now has been stored among bureaucratic documents of the Ambassadorial Chancellery in Russian State Archive of Ancient Documents (*RGADA*) lay in the basis of the report. In result, it was discovered that the Ambassadorial Chancellery demanded the transfer of documents and books only and didn't presuppose one of social links and agents of Russian permanent diplomatic mission. However personal initiative by P. Voznitsyn and his personal relationships with I. Volkov allowed him to solve the problems⁶ that had arisen. The practices of the transfer of the Russian residency is proposed to be considered in the context of embassy exchanges (*razmen*) in Valuyki and the transfer of voivodeships from one voivode to another.

Keywords: Russian-Polish relations in the 17th century, the Ambassadorial chancellery, Prokofii B. Voznitsyn, Ivan M. Volkov, Russian permanent diplomatic mission in Polish-Lithuanian Commonwealth.

Е.Н. Смирнов
г. Великий Новгород (Россия)
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

РАЗВИТИЕ МИФА О «БЛАГОРОДНОМ ДИКАРЕ» ВО ФРАНЦИИ В XVII в.

В данной статье представлен обзор ключевых этапов развития мифа о «Благородном дикаре» в интеллектуальной мысли Франции в XVII в. Автор попытался проследить истоки появления данной философской концепции, к чему она пришла к концу XVII в., а также проанализировать эволюцию подходов к репрезентации людей, которых французы считали «дикарями». Выводы работы помогают понять общие особенности, тенденции и характер развития вышеуказанного мифа во французском дискурсе XVII в.

Ключевые слова: Благородный дикарь, Франция, колониализм, миф, Великие географические открытия.

Франция, как одна из стран на передовой колониального освоения, активно участвовала в накоплении сведений о землях Америки. Благодаря этому опыту в нач. XVII в. во Франции начинает складываться комплекс представлений о тамошних жителях, в будущем сформировавших важные аспекты мифа о «Благородном дикаре» (также применяются слова «концепция» и «идея») как продолжения идей эпохи Возрождения о «Золотом веке» [Элиаде 1996, с. 42].

Впервые «благородными» американских индейцев назвал французский адвокат Марк Лекарбо в своем труде «История Новой Франции» (1609) [Lescarbot 1907. Vol. 3, p. 229]. Многие исследователи указывают на то, что Лекарбо использовал данное выражение не в том смысле, каким оно оформилось в представлении людей XIX в. или более позднего периода — для него оно означало характеристику правового и социального статуса, а не моральную оценку [Федин 2010, с. 67; Ellingson 2001, p. 23–24]. Но гораздо важнее в работе Лекарбо не введение этого выражения в оборот, а попытка построения образа американского туземца в позитивном ключе.

«История Новой Франции» — это в первую очередь компилятивное этнографическое сочинение, вобравшее богатый материал из множества

путешествий XVI — нач. XVII в., в том числе и самого Лекарбо. Умело манипулируя этнографическими и историческими фактами, автор донес до французского читателя весьма живую картину общества американских индейцев. Но для него они были не просто экзотическими диковинками. Весьма важными в формировании его образа индейца выступали идеологические факторы: гонка за колониальное превосходство, престиж государства и религиозное благочестие. Мир «дикарей» превратился в своеобразный символ, определяющий пространство для расширения величия Франции. Настойчиво агитируя за освоение земель Америки, Лекарбо использовал индейцев как цель экспансии, создавая при этом дихотомию в их образе — «невежественные и дикие» (как люди, нуждающиеся в помощи цивилизации), но в то же время «верные и великодушные» и «способные на добро» (как люди, достойные взятия их под защиту французской короной) [Lescarbot 1907. Vol. 2, p. 6, 32–33].

Конструирование образа работало и через такие моменты, в которых Лекарбо выступал на стороне индейцев, осуждая жестокость испанских колонистов. Он намеренно дистанцировался от «негуманных» христиан (конкурентов Франции в борьбе за колониальную гегемонию) в пользу «беззащитных дикарей», тем самым намекая, что между французом и «дикарем» куда больше общего перед лицом общего врага [Ibid., p. 125–144].

В целом, все произведение Лекарбо пронизано подобными построениями противоречивых представлений об американских индейцах. И на протяжении XVII–XVIII вв. данная диалектика образа будет преобладать в литературных и прочих источниках.

Также в XVII в. большое влияние на формирование комплементарных стереотипов об американских индейцах оказывали миссионеры иезуиты, которые издавали в Париже описания своих путешествий в Канаде [Федин 2010, с. 67–68].

Мотивы миссионеров при описании Нового Света и самих индейцев в основном исходили из попытки обосновать концепцию своей миссии по христианизации, а также политики Франции в Канаде [Там же, с. 69]. Нельзя отрицать, что некоторых представителей Церкви могли впечатлять отдельные особенности поведения или быта туземцев, но в вопросе целостного восприятия общества аборигенов наблюдается продолжение риторики дихотомии — аборигены действительно обладали рядом положительных черт (например, щедрость, гостеприимство, терпение), но в то же время отмечались и отрицательные стороны (инфантильность, лживость, гордыня) [J.R. Vol. 14, p. 155]. Подобное конструирование упрощенного образа «плохих, но хороших» создавало такое же восприятие в глазах читателей — одних могли поразить весьма красноречивые выводы о нравственном превосходстве индейцев над европейцами [Ibid. Vol. 6, p. 231–233], а других совер-

шенно деструктивные (с точки зрения христианина) стороны поведения как, например, каннибализм [Ibid. Vol. 31, p. 175]. Таким образом, в последующих отсылках на один и тот же текст могла выстраиваться совершенно разная риторика. Тем не менее, иезуиты больше повлияли на формирование положительной репрезентации за счет использования их этнографических наработок просветителями XVIII в. [Berkhofer 1978, p. 74].

На рубеже XVII–XVIII вв. начинаются попытки философского осмысления проблемы восприятия заморских аборигенов. Здесь особняком стоит фигура барона Лаонтана — французского путешественника и писателя.

В своих работах «Новые путешествия в Северную Америку» и «Диалоги или беседы с дикарем» (1703) Лаонтан сформировал представления об индейцах, которые в своем содержании больше всего схожи с классическим образом «Благородного дикаря», закрепившегося в философии и художественной литературе XVIII–XIX вв. [Todorov 1993, p. 271–272].

Первая его работа была посвящена приключениям в Северной Америке, в ходе которых он очень близко познакомился с местными племенами индейцев (в частности, гурунами). Повествование изобиловало достаточно позитивными оценками и описаниями различных сторон жизни индейского общества. Французского путешественника впечатляли навыки охоты индейцев, свобода от законов и забот, природный острый ум (он даже называл некоторых из них «естественными философами») [Lahontan 1905. Vol. 1–2, p. 114–115, 307, 426, 431–432]. Тем не менее в вопросе религии Лаонтан, как и большинство европейцев, считал веру «дикарей» противоречивой и не такой же истинной как христианство [Ibid., p. 437–438]. А их рассуждения о противоречивых местах в христианской религии заставляли Лаонтана с осуждением «тупости» индейцев отступить и перенести ответственность за богословские споры на иезуитов и не продолжать слушать «...утомительную череду такого рода Философии, которая в основе своей слишком правдива и доставляет много огорчения всем добрым душам, убежденным в Истинности Христианства» [Ibid., p. 439–444].

Данные этнографические материалы послужили источниковой основой для создания его философского произведения «Диалоги или беседы с дикарем». Прототипом для его героя послужил один из вождей гурунов, который был в хороших отношениях с Лаонтаном. Структура произведения строится на споре между автором и гуруном по имени Адарио на несколько тем: религия, законы, счастье, медицина и брак [Lahontan 1990, p. 801–885].

В уста Адарио Лаонтан вложил во многом собственные мысли, выдавая их за взгляды «невежественных дикарей». Превосходство индейца над автором видно уже из самого стиля и структуры произведения — его монологи более объемные, состоят из менее сложных, но емких по смыслу речевых оборотов [Ibid., p. 809–812]. Система аргументации и риторики тоже сильно

различается. Лаонтан использует от своего лица более схоластические доводы, в то же время Адарио применяет достаточно рациональную систему аргументации — отмечает противоречия в Священном Писании, системе общественного устройства европейских государств, проблемы европейской медицины и так далее [Ibid., p. 801–807, 814–815, 837, 869–875].

Перед читателем «дикарь» предстает действительно своего рода благородным — он свободен, умен, физически и духовно развит. На него не давят пороки европейской цивилизации — нет безумных законов, нет разрушающих нравственность денег, нет «лжи, предательства, подлости». Американский абориген находится в гармонии с природой — кора дуба служит ему постелью, шкуры — одеждой, убитые на охоте животные — пищей [Ibid., p. 831, 838–839, 850, 853–855]. В конце Адарио заключает: «...однажды вы станете *Дикарями*, все Французы, которые будут достаточно мудры, чтобы в точности следовать истинным правилам справедливости и разума» [Ibid., p. 885].

Таким образом, Лаонтан подвел определенный итог развития мифа о «Благородном дикаре» в XVII в. и задал новый вектор репрезентации — назидательный идеальный образ, призванный осудить закостенелый европейский уклад жизни. В будущем подобная стереотипизация и романтизация образа туземцев других континентов все чаще начнет встречаться в художественной литературе XVIII в. [Fairchild 1928, p. 97], а конкретно к оформлению идеи в полноценную концепцию придут уже в XIX в. [Ellingson 2001, p. 291].

Подводя итог обзора развития мифа о «Благородном дикаре» во Франции в XVII в., нужно отметить, что на протяжении данного периода наблюдалась постепенная трансформация образа жителя Нового Света с точки зрения его использования для влияния на общественное сознание французского общества. Американский абориген в начале выступал в качестве потенциального союзника и подданного французского государства, затем представлял интерес для католической церкви в виде новообращенной паствы, а к концу века превратился в почти каноничную абстрактную назидательную фигуру, призванную вскрыть проблемы европейского общества.

Как видно, коренное население Америки для Франции практически не представляло интереса само по себе, как равного культурного партнера. Европоцентричный подход в репрезентации «дикаря» неизбежно возникал в любом дискурсе — политическом, религиозном и философском. Разница заключалась лишь в том, как это будет иллюстрировать позицию того или иного автора. Таким образом, «Благородный дикарь» действительно существовал лишь как «миф», сформированный субъективной интерпретацией отдельных групп людей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Lahontan L.A.* Dialogues ou Entretien entre un Sauvage, et le Baron de Lahontan // Oeuvres complètes. Montréal, 1990.
- Lahontan L.A.* New voyages to North America. Vol. 1–2. Chicago, 1905.
- Lescarbot M.* The history of New France. 3 vols. Toronto, 1907.
- The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610–1791 [J.R.]. 73 vols. Cleveland, 1901.
- Федин А.В.* Идея «благородного дикаря» в «иезуитских реляциях» XVII в. // Диалог со временем, 2010. №32.
- Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.
- Berkhofer R.F.* The white man's Indian: images of the American Indian from Columbus to the present. N.Y., 1978.
- Ellingson T.* The Myth of the Noble Savage. Berkeley, 2001.
- Fairchild H.N.* The noble savage: a study in romantic naturalism. N.Y., 1928.
- Todorov T.* On Human Diversity: Nationalism, racism, and Exoticism in French Thought. Cambridge, 1993.

E.N. Smirnov

Veliky Novgorod (Russia)

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

THE DEVELOPMENT OF THE MYTH
OF THE “NOBLE SAVAGE” IN FRANCE IN THE 17th CENTURY

This article provides an overview of the key stages in the development of the myth of the “The Noble Savage” in the intellectual thought of France in the 17th century. The author tried to trace the origins of the appearance of this philosophical concept, to which it came by the end of the 17th century, as well as to analyze the evolution of approaches to the representation of people whom the French considered “savages”. The conclusions of the work help to understand the general features, trends and nature of the development of the above myth in the French discourse of the 17th century.

Keywords: The Noble Savage, France, colonialism, myth, Age of Discovery.

*А.С. Шулятьева
г. Ижевск (Россия)*

Гос. архив общественно-политической истории

**«БЪЕТ ЧЕЛОМ СИРОТА ВАШ»:
О ДЕНЕЖНЫХ СПОРАХ КРЕСТЬЯН
ПО СВЕДЕНИЯМ ЧЕЛОБИТНЫХ XVII в.
УГЛИЧСКОЙ ПРИКАЗНОЙ ИЗБЫ**

В данной статье представлен сравнительный анализ челобитных крестьян, направленных в Угличскую приказную избу и касавшихся денежных споров. Охарактеризованы причины обращения крестьян к царю и содержание спорных ситуаций. Выявлены размеры денежных сумм, о возвращении которых просили крестьяне. Отмечена лаконичность и неконкретность просьб крестьян. Сделаны выводы о наличии существенных недостатков при обращении тяглецов к приказным людям.

Ключевые слова: крестьянство, челобитные, XVII в., Московская Русь, Угличская приказная изба, денежные споры.

При изучении истории крестьянства Московской Руси особый интерес представляют исторические источники, написанные от лица самих крестьян, которые отражают отношение тяглецов к современной для них действительности. К таким источникам следует отнести, наряду со многими другими делопроизводственными актами, челобитные.

Из всей совокупности дошедших до наших дней актов в настоящей статье рассматривается группа челобитных, собранная за период деятельности в 1889–1919 гг. Ярославской губернской учетной архивной комиссии [Историческая справка]. Исследуемые челобитные входят в состав фонда № 582 Государственного казенного учреждения Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» и систематизированы в рамках описи № 5.

В XVII в. важным органом политического управления в уездах являлись приказные (съезжие) избы, в которые приходили крестьяне для написания и подачи челобитных как на имя воеводы, так и на имя царя, государя и великого князя [Приказные избы, 1997]. В ст. 20 гл. X Соборного Уложе-

ния 1649 г. установлен принцип, согласно которому челобитные государю впервые должны подаваться «в приказах бояром и околничим и думным и всяким приказным людем, кто в котором приказе ведом». И только в том случае, когда челобитная оставалась нерассмотренной, дозволялось направлять прошение непосредственно царю. Несоблюдение указанного порядка подачи челобитной наказывалось битьем батогами, а в отдельных случаях заточением в тюрьму на неделю [Соборное Уложение... 1987, с. 33].

Наряду с другими уездными органами политического управления Замосковского края значимую роль играла Угличская приказная изба. В дошедшей до наших дней совокупности документов этого органа сохранились челобитные крестьян, адресатом которых был непосредственно царь, государь и великий князь. Вероятно, это было связано с особой важностью как адресата, так и самого рассматриваемого дела.

Проведение сравнительного анализа челобитных осложнено тем, что основу данных актов составляет описание единичной спорной ситуации. В этой связи для того, чтобы продемонстрировать сходства и различия положений челобитных, в качестве отправной точки для сравнения взят анализ отдельной челобитной, отправителем которой являлся крестьянин Сергей Яковлев.

Итак, представитель сельской общины Покровского монастыря с. Спасского староста Сергей Яковлев направил царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, а также царевне Софии Алексеевне челобитную, датированную 5 января 1688 г.

В ней он сообщает, что октябре нынешнего года (т.е. в 1687 г.) он уже бил челом на крестьян своего села и прилегающих деревень, а именно на Назара Юрьева и Елуфима Осипова с товарищами «в недоборных деньгах». И по указу государей из г. Углича были посланы подьячий Иван Дехтярев и пристав Федор для «розделки» денег и написания недоплатившими крестьянами поручной записи. В данной поручной записи были указаны следующие условия. Назар Юрьев, Елуфим Осипов с товарищами обязались: прибыть в Угличскую съезжую избу, предстать перед стольником и воеводой Матфеем Семеновичем Супоневым 11 октября и рассчитаться в деньгах с Сергеем Яковлевым.

Челобитчик, Сергей Яковлев, отмечает, что вопреки и указу государей, и условиям поручной записи крестьяне так и не рассчитались с ним. И в завершающей части челобитной он просит государей: «указ учинить велите» [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1233, л. 1].

Из содержания данной челобитной следует, что причиной ее подачи стала безрезультатность отправки предыдущей челобитной на имя государей. Однако повторная челобитная (т.е. вторая челобитная по одному и тому же спору) могла подаваться и по другим причинам. Так составлению чело-

битной на имя государя могла предшествовать челобитная на имя воеводы, которая не привела к разрешению спора [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1682, л. 1]. Или же крестьяне просили новое «челобитье наше и мир записать», т.е. утвердить мирное разрешение предыдущего спора [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1527, л. 1].

Впрочем, челобитная могла быть направлена сразу царю в чрезвычайных для крестьян случаях. К таковым следует отнести нахождение тяглица под наблюдением пристава в течение пяти дней [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1232, л. 1], необходимости привлечения к ответу таможенного головы [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1132, л. 1], наличие спора с крестьянами стольника о стрелецких деньгах [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1210, л. 1], а также в случае подачи коллективной челобитной о значимом и трудоемком кирпичном деле [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1028, л. 1]. Так же челобитная направлялась для того, чтобы разрешить спор о достаточно солидной денежной сумме, оцененной более чем в 10 руб. [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 22, л. 1; Д. 1449, л. 1], а также по делу о поручительстве одних крестьян за других [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 181, л. 1].

Челобитную старосты Сергея Яковлева с исследуемой группой актов о денежных спорах, объединяет одно общее требование — возратить челобитчику деньги, которые полагались ему по договоренности с другими лицами. Как явствует из содержания рассмотренной челобитной, возвращение денег было письменно зафиксировано. Челобитчик ссылался на поручную запись [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1233, л. 1].

О распространенности практики составления поручных записей свидетельствуют и другие челобитные [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 181, л. 1; Д. 1449, л. 1]. Также подтверждающими документами для разрешения спора являлись платежная отписка [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1210, л. 1], кабала [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1682, л. 1] и сама мировая челобитная, к которой руки приложили обе стороны прекращавшегося спора [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1527, л. 1].

Тем не менее, письменная фиксация договоренности отнюдь не являлась обязательной, поскольку достаточно распространенной практикой была устная договоренность. Об этом явствует терминология: «порядился» [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1232, л. 1; Д. 1028, л. 1], «по приказу государя своего, боярина» [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1132, л. 1]. Встречается и простое описание условий договоренности (какое имело место при продаже быков, когда устанавливалась их стоимость и сроки оплаты) [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 22, л. 1].

По содержанию денежные споры крестьян возникали на почве:

– нарушения условий долгового обязательства [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1682, л. 1; Д. 181, л. 1];

- неуплаты стрелецких, запросных и недоборных денег [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1232, л. 1; Д. 1210, л. 1; Д. 1233, л. 1];
- неуплате денег за товары, такие как мед [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1132, л. 1], быки [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 22, л. 1];
- неоплате кирпичного дела [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1028, л. 1];
- пропажи денег [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1527, л. 1];
- неисполнения условий поручной записи по компенсации за пожженное сено [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1449, л. 1].

Важным в свете денежных споров является вопрос о том, какие суммы подлежали возврату. Примечательно, что в челобитной старосты Сергея Яковлева [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1233, л. 1], да и в двух других челобитных сведения о конкретной сумме денег отсутствуют [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1132, л. 1; Д. 1210, л. 1]. Вместо подсчета убытков в рублях иные челобитчики прибегали к не денежным единицам измерения. Так один челобитчик говорил об уплате им стрелецкого хлеба за 307 дворов [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1232, л. 1]. Другие же челобитчики отмечали, что они должны были изготовить «двести тысяч» кирпичей [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1028, л. 1].

И все же в половине исследуемых челобитных конкретно оговаривался размер денежной суммы, которую челобитчики хотели бы получить. Самое скромное прошение оценивается в 2 руб. двадцать алтын [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1527, л. 1]. Далее по возрастанию упоминаются такие суммы как полусемь рублей с гривною (из долговых обязательств) [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 181, л. 1], 10 руб. с полтиною (стоимость двух мясных быков) [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 22, л. 1], затем 15 руб. (из поручительства за сожженное сено) [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1449, л. 1].

Наиболее солидным является требование крестьянина-должника в размере 20 руб. с полтиною. Стоит несколько подробнее остановиться на этом денежном споре. Суть дела заключалась в том, что крестьянин получил 20 руб. под залог собственного двора, и в подтверждение этого дал на себя кабальную запись. Несмотря на то, что деньги он выплатил вовремя, займодавец кабальную запись не вернул, двором насильно завладел и тем самым поставил челобитчика в крайне бедственное положение [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1682, л. 1]. Здесь следует сделать оговорку о том, что данная челобитная, единственная из всей исследуемой группы, была подана в Романовскую приказную избу. Однако, в виду значимости описываемого в ней дела, отсутствия в фондах Государственного архива Ярославской области иных челобитных Романовской приказной избы по изучаемой теме и близкому территориальному расположению данных изб относительно друг друга автором статьи было принято решение о приобщении этой челобитной к исследованию.

Хотя из основного замысла подачи челобитных явствует, что крестьяне нуждались в возвращении денег, сами просьбы к царю выглядят весьма лаконичными и несколько неконкретными. Так в своей челобитной староста Сергей Яковлев, как нам известно, вновь просил государей об указе (т.е. принятии конкретного решения в спорной ситуации) [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1233, л. 1]. Эта же краткая просьба встречается и в другой челобитной о стрелецких деньгах [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1232, л. 1]. В остальных челобитных прошение сводится к тому, чтобы царь дал суд [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 181, л. 1], призвал обидчиков к ответу в приказной избе [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1132, л. 1; Д. 1210, л. 1; Д. 1232, л. 1], и просто челобитную велел записать [ГАЯО. Ф. 582. Оп. 5. Д. 1028, л. 1; Д. 1132, л. 1; Д. 1527, л. 1; Д. 1682, л. 1].

Подводя итоги, отметим следующее: челобитные как исходное начало для разрешения денежного спора являются важными источниками для изучения социально-экономической истории крестьянства. Они сигнализируют о тех трудностях, с которыми сталкивались тяглецы в своем быту. К такому следует отнести необходимость обращаться в г. Углич для составления челобитной. Другой проблемой являлась незаинтересованность приказных людей в скором разрешении спора, что проявлялось в игнорировании существенных для разрешения спора деталей о количестве спорных денег, о желаемом результате разрешения спора. В сочетании с иногда имевшей место практикой подачи повторной челобитной эти факты говорят о том, что взаимодействие крестьян и приказных людей заключало в себе недостатки. Тем не менее, практика составления челобитных являлась своего рода инструментом диалога крестьян с другими крестьянами, представителями иных по своему социальному положению групп, в т.ч. с представителями власти в уезде, ведь она так или иначе инициировала рассмотрение спорного дела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Государственный архив Ярославской области [ГАЯО]. Ф. 582. Оп. 5. Д. 22, 181, 1028, 1132, 1210, 1232, 1233, 1449, 1527, 1682.

Соборное уложение 1649 года: Текст, коммент. Л., 1987.

Историческая справка Ф. 582 ГАЯО // Интернет-портал Архивной службы Ярославской области. URL: <https://af.yar-archives.ru/archive1/funds/10000057407>

Приказные избы // Российский государственный архив древних актов: путеводитель в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. М., 1997. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/3263>

*A.S. Shulyatyeva**Izhevsk (Russia)**State archive of socio-political history*

“THE YOUR ORPHANT PETITION”:
ABOUT MONEY DISPUTES OF PEASANTS
ACCORDING TO INFORMATION OF PETITIONS
OF THE 17th CENTURY UGLICH GOVERNMENT OFFICE

This article presents a comparative analysis of petitions of peasants sent to the Uglich Government Office and related to disputes about money. The reasons for the appeal of peasants to the sovereign and the content of disputable situations are characterized. The sizes of the sums of money, the return of which the peasants asked for, were revealed. The brevity and vagueness of the requests of the peasants is noted. Conclusions are drawn about the presence of significant shortcomings in the appeal of taxpayers to clerks.

Keywords: peasantry, petitions, 17th century, Muscovite Rus', Uglich Government Office, money disputes.

*Д.О. Вахрамеев
г. Воронеж (Россия)
Воронежский гос. ун-т*

РАЗРУШЕНИЕ КЛЕРИКАЛЬНОГО И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО КОНФОРМИЗМА ФРАНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. ПАСКАЛЯ

В статье рассматривается переход от Средневековья к Новому времени во Франции на основе биографии и творчества Блеза Паскаля, который жил на стыке данных эпох, принадлежал к обеим интеллектуальным традициям, но, одновременно, частично отрицал их. На протяжении всей жизни, занимаясь наукой и одновременно отстаивая идею необходимости религии в жизни человека, он стал тем, кого нельзя назвать ни исключительно религиозным, ни исключительно научным деятелем, что является прецедентом, отражающим саму суть данной смены парадигм.

Ключевые слова: Паскаль, Франция, Средневековье, Новое время, наука, религия, Реформация, Церковь, католицизм, протестантизм.

Франция занимает одно из ключевых мест в европейской истории, поскольку, так или иначе, она была вовлечена в важнейшие процессы Средневековья: борьбу короля и папы Римского, появление первых университетов, столетнюю и итальянские войны. Позднее, на заре Нового времени, в Европе именно она стала полюсом Модерна, где зародился проект Просвещения, в то время как лагерь консервативной реакции возглавляла Священная Римская империя германской нации.

Апофеозом французской средневековой мысли к концу XIV в. стал герметизм, синкретическое религиозно-философское учение, представляющее собой всю широту и свободу человеческого духа, поскольку оно гармонично объединяло в себе мистику, занятие естественными науками, схоластическое богословие (в том числе и всяческие ереси), а также политические трактаты, воспевающие власть, оппозицию или даже революцию [Дугин 2015, с. 106–114].

Однако целостность герметической традиции нарушила проникшая в XVI в. во Францию реформация. Гугеноты, во главе с Ж. Кальвином, тре-

бовали резких перемен в устоявшейся католической системе. Со временем все больше и больше слоев населения примкнуло к ним. Правивший в первой половине того столетия Франциск I довольно терпимо относился к протестантам, поскольку видел их идеи гуманистическими и соответствующими духу эпохи. Его сын, Генрих II, заручившись поддержкой радикальных католиков — герцогов из Гизы, действовал, напротив, бескомпромиссно и жестоко, приказывая сжигать еретиков. Это положило начало, так называемым, «религиозным войнам», длившимся около 40 лет и ознаменовавшим крупный политический, экономический и религиозный кризис, погубивший тысячи жизней. Прийти к перемирию сторонам удалось лишь в 1598 г. благодаря подписанию Генрихом IV Нантского эдикта [Карпантье 2008, с. 206–225].

Несмотря на то, что католицизм и абсолютизм в лице официальной власти одержали верх в этой борьбе, реформация оставила неизгладимый след на мышлении и мировосприятии французов. Основные «реформы», связанные с именами Лютера и Кальвина, заключались в исключении участия института Церкви из диалога человека с Богом, упразднении привилегий священников перед мирянами, отрицании свободы воли человека, а также дискредитации необходимости Священного Предания (авторитета отцов церкви, постановлений церковных соборов) и признании человеческой природы абсолютно испорченной вследствие грехопадения [Стрельцова 1979, с. 168–171]. В целом, эти идеи дали возможность появления в католической среде янсенистов, выступавших против некоторых догматов католической церкви, но считавших себя последовательными католиками.

С новым религиозным течением сразу же вступило в конфликт Общество Иисуса, или Орден иезуитов, организация, состоящая из наиболее эрудированной и лояльной интеллектуальной элиты католической церкви и созданная для искоренения протестантской ереси, но, тем не менее, продолжившая свою деятельность и после подписания Нантского эдикта. Их спор застал (и принял в нем активное участие) Блез Паскаль, французский мыслитель и ученый, живший в сер. XVII в. Янсенизм оказал на него глубочайшее влияние.

Паскаль выразил свою критику иезуитов и государства в сочинении «Письма к провинциалу», написанном в 1656 г. Помимо того, что это произведение, став важной вехой в истории французской литературы, предвосхитило стиль Мольера и, частично, Бальзака, оно также защитило важный духовный и интеллектуальный центр — монастырь Пор-Рояль. Янсенисты, выступавшие за следование идеям Августина Блаженного (V в.), критиковали иезуитов не за то, что те следовали за другим богословом — Фомой Аквинским (XIII в.), ведь они сами не отрицали его заслуг, а за то, что Орден свел веру к внешней религиозности [Там же, с. 79–80], то есть избрал

стратегию защиты христианской традиции «через адаптацию к религиозным догмам <...> и требованиям соблюдения ряда моральных правил, методов и теорий современной науки, исходящей из совершенно отличных от средневековых <...> предпосылок» [Дугин 2015, с. 127].

Также ученый крайне негативно отнесся к осуждению инквизицией Г. Галилея за распространение учения о гелиоцентрической картине мира. Русский философ Лев Карсавин о причинах долгого отрицания в католичестве системы, сменившей геоцентрическую, писал так: «Всякая новая теория ставит христианской мысли новые проблемы, заставляет эту мысль выражать себя на новом языке, в новых символах, но выражать без искажения своего существа. Поэтому христианство сила глубоко консервативная» [Карсавин 1918, с. 5]. Б. Паскаль был одним из первых верующих, кто принял эту концепцию как разумом, так и душой. Инквизиция, в свою очередь, наоборот, дискредитировала христианство в среде прогрессивно мыслящих людей.

Однако порицание французского гения направлено не только на непосредственно иезуитов, но и на всю сложившуюся за тысячелетие схоластическую систему. Подавляющее большинство богословов пытались вывести существование Бога чисто логически, рационально. Такие доказательства, по словам Паскаля: «столь удалены от человеческого разума и столь запутаны, что мало проникают в душу» [Паскаль 2022, с. 175]. Он убежден, что попытка узреть Бога рассудком неизбежно ведет к тупику; его можно познать только сердцем, что, в равной степени, не востребует мистического подхода.

Возврат к католичеству после эпохи религиозных войн во Франции был отчасти мнимым, поскольку это не было тотальным возвращением в средневековье. Страна, напротив, вступила в совершенно иную эпоху с новыми фундаментальными основаниями, заложенными именно идеями реформации. Кардинальный поворот был достигнут в связи с отказом от схоластического варианта науки и попыткой выстроить новую.

Б. Паскаль, наряду с такими видными деятелями, как Ф. Бэкон, Г. Галилей, Р. Декарт, Г. Лейбниц, пытался обосновать несостоятельность средневековых подходов к познанию природы и противопоставить им другой метод. В то время, как знание схоластов было формально-логическим и догматическим, знание Нового времени должно быть прогрессивным, поскольку человек создан для бесконечности и не должен стоять на одном месте. Немалый вклад ученый внес в обличение несостоятельных и бесплодных утверждений прошлого, как, например, определения «свет есть световое движение световых частиц».

Кроме того, обновленному, усовершенствованному познанию следовало опираться и на независимый разум, и на эмпирические исследования,

а также не бояться вводить обоснованные новшества. Так Паскаль, хотя и считал геометрию, постигаемую исключительно интеллектом, образцом научной строгости, не признавал ошибочность опытного постижения истины. В частности, опровергая устоявшееся еще с Античности заблуждение о том, что «природа боится пустоты», он, основываясь на данных, полученных из множества экспериментов, доказал, что «природа терпит пустоту», впервые подтвердив, таким образом, существование атмосферного давления [Бофре 2007, с. 85–89].

Важно отметить, что слово «ученый» в современном понимании, то есть определяющее независимый от философии род деятельности, появилось только в XIX в., до этого же многие теоретические дисциплины (в том числе, математика и физика) не отделялись от философии [Булюбаш 2020, с. 49]. Несмотря на это, Б. Паскаль, совершивший множество научных открытий в разных сферах, отраженных в таких произведениях, как «Опыт о конических сечениях», «О равновесии жидкостей» (заложены основы гидростатики), «Трактат об арифметическом треугольнике» (заложены основы теории вероятностей), «О весе массы воздуха» [Бофре 2007, с. 82–100], уже тогда отделял науку от философии. Последнюю он критиковал за ее излишнюю рациональность и замкнутость.

Стоит также обозначить, что XVII в. — это век оптимизма относительно теории познания, человеческой природы, религии и философии. Тем не менее «французский Архимед», прозванный так за свои достижения, узрел конфликт между философией (наукой) и религией, связанный с устройством природы человека. Его мировоззрение довольно пессимистично: человек — лишь «мыслящая тростинка», но его величие состоит в том, чтобы осознавать себя несчастным [Паскаль 2022, с. 133].

Таким образом, Франция за несколько веков прошла путь от вполне типичного европейского государства, где католическая религия устанавливала догматы и влияла на образование, казалось бы, нерушимых традиций до одного из главных идейных основателей Модерна, эпохи, известной за непоколебимую веру в человека и прогресс, достигаемый за счет постоянного развития науки. Промежуточным этапом и точкой невозврата стали реформация и религиозные войны.

В данном контексте особый интерес представляет фигура Блеза Паскаля. С одной стороны, он под влиянием протестантизма, оставаясь до конца жизни крайне религиозным человеком и католиком, критиковал традиционную Церковь за ее действия. С другой стороны, мыслитель, активным образом, продвигая науку и предугадывая дальнейшее ее развитие, во-первых, критикует философию, а, во-вторых, не подвластен тенденции постепенного отказа от традиционного монотеизма, чему все больше и больше будут подвергаться ученые Нового времени. Оставаясь верным себе и своим

убеждениям, Паскаль одновременно соединяет в себе две соседствующие эпохи: он — яркий маркер культурных изменений. Паскаль, устремленный в прошлое — выходит за пределы рациональной теологии, помещая человека в пространство ужасающих бесконечных пространств и делая Бога делом сердца, — разрушает конформизм герметизма. Паскаль, устремленный в будущее, — предвосхищает и опровергает веру Просвещения в способности человеческого разума. «Французский Архимед» влияет на обе эпохи, выходя за культурные доминанты обоих, создавая собственное уникальное учение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Паскаль Б.* Мысли. М., 2022.
- Бофре Ж.* Диалог с Хайдеггером. Новоевропейская философия. СПб., 2007.
- Булюбаи Б.В.* «Силы» и энергия: Майкл Фарадей против Джеймса Джоуля // Природа. 2020. № 9 (1261).
- Дугин А.Г.* Ноомахия. Войны ума. Французский Логос. Орфей и Мелюзина. М., 2015.
- Карпантье Ж.* История Франции. СПб., 2008.
- Карсавин Л.П.* Католичество. П., 1918.
- Стрельцова Г.Я.* Блез Паскаль. М., 1979.

D.O. Vakhrameev
Voronezh (Russia)
Voronezh State University

THE DESTRUCTION OF CLERICAL AND NATURAL-SCIENTIFIC CONFORMISM OF FRANCE IN THE WORKS OF B. PASCAL

The article is devoted to the transformation from the Middle Ages to Modern era in France based on the biography and works of Blaise Pascal, who lived at the intersection of these epochs, belonged to both intellectual traditions, but at the same time partially denied them. Throughout his life, being engaged in science and at the same time defending the idea of the necessity of religion in human life, he became someone who cannot be called either exclusively religious or exclusively scientific, which is a precedent reflecting the very essence of this paradigm shift.

Keywords: Pascal, France, Middle Ages, Modern Era, science, religion, Reformation, Church, Catholicism, Protestantism.

С.О. Гафуров

г. Казань (Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

УНИВЕРСАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС В ПИСЬМАХ ГАНСА УЛЬРИХА ФОН ЭГГЕНБЕРГА

В данной статье рассматриваются материалы частной переписки князя Ганса Ульриха фон Эггенберга, советника императора Священной Римской империи Фердинанда II Габсбурга. Автор стремится выявить в этих источниках универсалистский дискурс и его актуальность в Датский период (1625–1629 гг.) Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). Анализ проводится в контексте проблематики международных отношений в период Раннего нового времени. Автор указывает на ключевую роль Эггенберга при императорском дворе в обозначенный период. Делается вывод о том, что Эггенберг адаптировал концепцию габсбургской всеобщей монархии, идеологом которой был канцлер Карла V Гаттинара де Меркурино, под австрийскую идентичность. В заключении автор делает выводы о роли универсализма в политике Фердинанда II.

Ключевые слова: Габсбурги, Австрийский дом, Священная Римская империя, Тридцатилетняя война, Универсализм.

Дискуссия о роли универсалистской политики в эпоху Тридцатилетней войны ведется с 40-50-х гг. XX в. Роль Австрийского дома в этом вопросе неоднократно рассматривалась исследователями. «Император является ключевой политической и военной фигурой Тридцатилетней войны. Историки никогда не сомневались в этом факте, что становится очевидным при просмотре общей историографической терминологии. Например, война обычно подразделяется на четыре разных периода (чешско-пфальцская война, датская война, шведская война, франко-шведская война), все они названы в честь соответствующих главных врагов императора, который, таким образом, косвенно признан центральной стороной войны» — писал немецкий историк К. Кампманн [Asbach, Schröder 2014, p. 39]. Несомненная военнополитическая победа императора Фердинанда II Габсбурга в Датский период (1625–1629 гг.) Тридцатилетней войны оказала значительное влияние не только на дальнейшее развитие конфликта, но и на теорию международных

отношений (далее — МО) в целом. Именно в этот период в Европе повально обвиняли Габсбургов в универсалистских притязаниях на всеобщую монархию. Противопоставление универсалистской державы Габсбургов и национальных государств Европы легло в основу Вестфальской концепции МО [Gross 1948, p. 20–41; Bull 1977, p. 329]. Итогом борьбы между этими государственными формами стало создание системы государств, основанной на суверенитете, национальных интересах, отказ от религиозного фактора как ключевого. Когда на рубеже XX–XXI вв. ряд ученых раскритиковали положения Вестфальской системы, тема получила новый угол зрения. К примеру, А. Осиандер и Р. Лесаффер обосновали свои выводы о несостоятельности Вестфальской концепции на основе анализа текста Мюнстерского и Оснабрюкского договоров [Osiander 2001, p. 268–272; Lesaffer]. Б. Тешке интерпретировал МО Раннего нового времени как систему, имеющую логику династических отношений, в которой универсализм был лишь инструментом легитимации экспансии [Teschke 2002, p. 7]. Также распростран тезис об отсутствии планов Габсбургов на Всеобщую монархию [Куприянов 2019, с. 44]. Однако историки, занимающиеся Австрийским домом в эпоху Тридцатилетней войны, еще не пытались включить свои исследования в данное проблемное поле. Поэтому для развития этой проблематики необходимо рассмотреть внешнеполитические притязания Фердинанда II Габсбурга во 2-й пол. 20-х гг. XVII в.

Под понятием универсализма в данном докладе подразумевается политическая концепция, разработанная на рубеже XV–XVI вв. императором Максимилианом I Габсбургом и канцлером императора Карла V Гаттинарой де Меркурино. Причем именно с фигурой Гаттинары связывают формирование универсалистского дискурса Габсбургов. По мысли канцлера Вселенский монарх имел функцию верховного судьи христианского общества с целью сохранения мира, права и безопасности. Короли и князья должны были бы обращаться к его суду в спорах и войнах и под его верховным командованием выступить против Османов. Вселенский монарх должен был привести христианский мир к последней фазе истории перед концом света, победив османскую империю [Bosbach 2011, s. 73]. Гаттинара в своей автобиографии писал: «Сам Всевышний, которому все подвластно, казалось, отдал власть над войной и миром в руки Императора. Это было сделано не для того, чтобы Император мог злоупотреблять всеми милостями, дарованными ему Богом, а для увеличения и возвышения христианской религии» [Gattinara 2014, p. 112]. Для настоящей работы немаловажно обусловить, что невозможно свести МО к взаимодействию акторов-государств, формирующих внутреннюю логику сотрудничества лишь на основе этого взаимодействия. Так же, как и нельзя сказать, что между акторами МО не выстраиваются внутренних свойств, влияющих

на складывание международной конфигурации. Так, геополитический аспект определенным идеям придавал актуальности, а другие, наоборот, оказывались забытыми по этой же причине. Однако дискурсы, которые можно обнаружить в политической жизни, имеют ключевое значение в процессе выстраивания МО. Чтобы выявить роль Австрийского дома в конфликте необходимо, таким образом, определить в рамках каких дискурсов проходила жизнь императорского двора в Датский период Тридцатилетней войны. Важнейший инструмент управления династического государства Двор — центр политической жизни Раннего нового времени. Поэтому очень важно обозначить структуру Австрийского двора. В данный период политическая ориентация в Вене выстраивалась в рамках нескольких позиций. Принципиальным был вопрос о ведении политики: должна ли она основываться на предполагаемом божественном откровении или же на основании рациональных оценок. Кроме того, положение Австрийского дома в отношениях с союзниками ставило перед политиками вопрос с кем сблизиться: с католическими князьями империи или с Испанией. Важно подчеркнуть, что внешняя политика императора формировалась именно в Тайном совете [Evans, Wilson 2012, p. 179]. Поэтому должность главы Тайного совета приобретает ключевое значение. В Датский период наиболее большое влияние имел князь Ганс Ульрих фон Эггенберг, занимавший должности оберхофмейстера, главы Тайного совета и Оберкамергера, который был приверженцем рационального подхода к политике и имел происпанскую позицию [Cuerva, Casado 2017, p. 161]. В конфигурации двора фигура Эггенберга была в центре среди элит, которые занимали ту же позицию в двух упомянутых вопросах. Среди них были А. Валленштейн, Ф. Кевенхюллер, А. Вольфрат и другие. Другие группировки возглавлялись В. Славатой, Л. Меггау, М. Траутмансдорфом и В. Ламорменом. Причем соперничать с Эггенбергом мог только духовник императора Вильгельм Герман Ламормен [Bireley 2014, p. ix].

Эггенберг доминировал в Тайном совете на протяжении большей части правления Фердинанда II. Особенно сильно ключевая роль князя ощущалась до 1629 г. Он стремился наметить полностью независимый внешнеполитический курс Австрийского Дома [Zwiedenek-Südenhorst 1880, s. 79]. Близкий друг и советник императора Эггенберг вел постоянную переписку с Фердинандом. По материалам корреспонденции можно составить комплексное представление о политических взглядах князя. В письмах монарху Эггенберг давал комментарии и оценки происходящим событиям, рекомендовал как вести политику дальше, приводил развернутую аргументацию. Он выделял особый статус императора, который являлся исключительным актором в политике как правитель Священной Римской Империи, что придавало монарху несравнимое величие и репутацию (*die Majestat und*

Reputation) [Eggenberg an Erzherzog Ferdinand, Leibnitz. 1615, 6. October... 1880, s. 151]. Эггенберг неоднократно стремился подчеркнуть, какую «высокую репутацию имел и будет иметь похвальный Австрийский дом» [Johann Schweikard Kurf. von Mainz 1907, s. 16]. Статусность представителя династии Габсбургов, «героическая кровь» (Heroisches Geblüts), что течет в жилах правителей Австрийского дома, также требовали особого статуса, «суверенитета» (Hoheit) на международной арене [Eggenberg an Erzherzog Ferdinand, Leibnitz. 1615, 6. October..., s. 151].

Эггенберг с большим энтузиазмом поддержал инициативу Георга Людвиг фон Шварценберга о том, чтобы занять гавани Восточной Фризии, сломить голландскую торговую монополию и организовать германскую торговлю с Индиями [Eggenberg an Kaiser Ferdinand II. 1625, 23. Mai... 1880, s. 77]. В письме Фердинанду от 23 мая 1625 г. Эггенберг писал, что через морские пути возможно добиться первенства перед всеми другими правителями (die Präcedenz vor allen anderen) и заполучить право на третейский суд над всеми народами (das Arbitrium bei allen Nationen) для Священной Римской империи, на что император имел все основания по своему статусу [Ibid, s. 78]. Богатство, которое даст морская торговля, обеспечит закон (Potentaten Leges) для императора над остальными правителями. Также с помощью торговли будет продвигаться дело католицизма и Австрийского дома [Ibid, s. 78]. Причина, по которой император не имел такого возвышенного положения, заключается в проделках дьявола. По мысли Эггенберга, дьявол с помощью протестантских ересей удерживал обманутые народы от праведного Австрийского Дома [Ibid, s. 77–78]. В письме Фердинанду от 23 августа 1625 г. Эггенберг указал на то, что император должен принять также арбитраж над коллегией курфюрстов и другими сословиями, чтобы принести мир и процветание в Империю [Eggenberg an Kaiser Ferdinand II. 1625, 23. August... 1880, s. 175–177]. Имперским сословиям, в частности, курфюрсту Саксонии Иоганну Георгу, Эггенберг рекомендовал уделить особое внимание тому, что император воевал только лишь ради мира в империи и преодоления опасных распрей, не допуская иностранцев в структуры Империи при этом [Eggenberg an Kaiser Ferdinand II. 1623, 10. Juni... 1880, s. 164].

Для анализа дискурса привлекается подход Э. Лакло и Ш. Муфф [Йоргенсон, Филлипс 2008, с. 94–97]. Данную теорию выделяет подробно сформулированный инструментарий для дискурс-анализа, который предлагают авторы. Прежде всего необходимо выделить основные знаки дискурса Эггенберга. В качестве узловых точек, организующих его политические воззрения, можно выделить: миротворческие мотивы войны, право арбитража. Ключевые знаки обозначаются как: праведность Австрийского дома (конфессиональная идентичность), имперский статус (универсалистская

идентичность). Организация социального пространства происходит посредством использования формулировок: все другие правители; все народы. В этом отношении дискурс действует в рамках корпорации правителей, которые имели власть над народами мира. Так же следует отдельно рассматривать пространство Священной Римской империи. Дискурс организован так, что особый статус и праведность императора давали ему право на арбитраж над остальными правителями и нациями. Формирование идентичности определялось посредством конфессионального принципа (отстаивание католической веры, борьба с ересью) и имперского наследия (император Священной Римской империи — величайший правитель из всех), что отделяло Австрийских Габсбургов от испанской линии и католической лиги. Незримый враг Австрийского дома — дьявол, который путем обмана и с помощью ересей настроил против императора многие народы. Если бы не дьявольские козни, император стал бы признанным главой христианского мира. Законность борьбы за мир против дьявола не подлежит сомнению.

Подытожив, можно составить следующую интерпретацию политического дискурса Эггенберга: император благодаря своему статусу и праведности имеет право на то, чтобы установить арбитраж над всеми другими народами; император должен по своему статусу и по своей праведности защищать истинную веру, которая подвергалась нападкам; тем самым он сможет принести мир и процветание; противодействие императору вызывал дьявол, который обманывал другие народы и настраивал их против императора. Фактически, это подстроенная под австрийскую идентичность универсалистская концепция Гаттинары де Меркурино. Таким образом, Эггенберг продвигал универсалистскую концепцию внешней политики Австрийского дома. По мере развития конфликта в 1629–1631 гг. его влияние сильно ослабло. Поэтому универсалистская концепция не стала правительственной максимой Фердинанда II. Однако это был важный для династии набор идей, который ощущался в политической жизни до конца XVII в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Eggenberg an Erzherzog Ferdinand, Leibnitz. 1615, 6. October, Radkersburg. VII // Zwiedenek-Südenhorst H. Hans Ulrich Ürnst von Eggenberg. Wien, 1880.

Eggenberg an Kaiser Ferdinand II. 1623, 10. Juni, Graz. XVIII // Zwiedenek-Südenhorst H. Hans Ulrich Ürnst von Eggenberg. Wien, 1880.

Eggenberg an Kaiser Ferdinand II. 1625, 23. August, Graz. XXXII // Zwiedenek-Südenhorst H. Hans Ulrich Ürnst von Eggenberg. Wien, 1880.

Eggenberg an Kaiser Ferdinand II. 1625, 23. Mai // Zwiedenek-Südenhorst H. Hans Ulrich Ürnst von Eggenberg. Wien, 1880.

Gattinara M. The Autobiography // Boone R. Mercurino di Gattinara and the Creation of the Spanish Empire. L., 2014.

Johann Schweikard Kurf. von Mainz. Aufzeichnungen über den Regensburger Fürstentag. №6 // Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjährigen Kriegs. Leipzig, 1907.

Йоргенсон М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.

Куприянов А.В. «Вестфальский миф»: история и критика // Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3.

Asbach O., Schröder P. The Ashgate Research Companion to the Thirty Years' War. Surrey, 2014.

Bireley R. Ferdinand II, Counter-Reformation Emperor, 1578–1637. Cambridge, 2014.

Bosbach F. Die Habsburger und die Universalmonarchie im Dreißigjährigen Krieg // Las Relaciones entre la Monarquía Católica y el Imperio. Actas del Congreso Internacional. Madrid, 2011.

Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. L., 1977.

Cuerva R.G., Casado L.T. The Imperial Court during the Thirty Years War: A Battleground for Factions? // Factional Struggles Divided Elites in European Cities & Courts (1400–1750). Leiden, 2017.

Evans R.J.W., Wilson P.H. The Holy Roman Empire, 1495–1806: a European perspective. Leiden, 2012.

Gross L. The Peace of Westphalia, 1648–1948 // The American Journal of International Law. 1948. Vol. 42. No. 1

Lesaffer R. The non-Westphalian Peace // Oxford Public International Law (OPIL). URL: <https://opil.ouplaw.com/page/non-westphalian-peace/the-nonwestphalian-peace>

Osiander A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // International Organization. 2001. Vol. 55. No. 2.

Teschke B. Theorizing the Westphalian System of States: International Relations from Absolutism to Capitalism // European Journal of International Relations. N.Y., 2002.

Zwiedenek-Südenhorst H. Hans Ulrich Ürnst von Eggenberg. Wien, 1880.

*S.O. Gafurov**Kazan (Russia)**Kazan (Volga Region) Federal University*

THE UNIVERSALIST DISCOURSE
IN THE LETTERS OF HANS ULRICH VON EGGENBERG

This article is dedicated to the inquiry into the private correspondence of Hans Ulrich von Eggenberg, who was the royal counselor of Ferdinand II Habsburg, an emperor of Holy Roman Empire. The author sets out to find in this body of texts the universalistic discourse and to show the degree of its relevancy during the Danish period (1625–1629) of the Thirty Years' War (1618–1648). This scientific problem is examined as part of the studies of the international relations in the yearly modernity. The author considers Eggenberg as a key figure in the emperor's court of the time. He argues that Eggenberg rebranded the concept of the universal monarchy of Habsburgs (thought up by Mercurino Arborio, chancellor of Charles V) in such a way as to suit their Austiran identity. In conclusion, the author shares his thoughts on the role of the universalism in policies of Ferdinand II.

Keywords: Habsburgs, House of Austria, Holy Roman Empire, Thirty Years war, Universalism.

А.В. Дюдя
г. Екатеринбург
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ
И ДОБРОДЕТЕЛИ В РАБОТАХ
Б. МАНДЕВИЛЯ И Р. СТИЛА**

На рубеже XVII–XVIII вв. английские философы начинают исследовать человеческую природу, анализируя в своих работах истоки пороков и добродетели. Некоторые просветители, например, Р. Стил, восхваляют «свой возвышенный род», другие, как Б. де Мандевиль, относятся к изначальной добродетельности нашей природы скептически. Наша задача — изучить конфликт интерпретаций сущности человеческой природы.

Ключевые слова: Эпоха Просвещения, добродетель, Мандевиль, Стил, порок, человеческая природа.

Проблема морально-этических ценностей и человеческой природы не теряет своей актуальности. В XVII–XVIII вв. она занимает прочное положение в интеллектуальном дискурсе английского социума, мораль становится главным культурным мотивом [Блэк 2008, с. 248] в творчестве. Необходимо изучать разнообразные подходы к нравственности и человеческому естеству для более полного и многоуровневого разбора современных обществу проблем и моральных концепций. В XVII в. английские философы начинают исследовать человеческую природу, анализируя в своих работах истоки пороков и добродетели. Для этого и последующего столетия характерны многочисленность подходов и концепций в области моральной философии. В данной статье мы остановимся на взглядах двух публицистов-просветителей: Б. Мандевиль и Р. Стила, как представителей точек зрения, находящихся в противоположных концах спектра.

Бернард Мандевиль — голландец по происхождению, получивший в Лейденском университете степень доктора медицины со специализацией по нервным и психическим заболеваниям [Субботин 1986, с. 12]. Изучение человеческого характера всегда занимало его, даже перебравшись в Лондон

и оставив врачебную деятельность, Мандевилль продолжал исследования людской природы в своих публицистических и художественных литературных произведениях. Уже на этом этапе можно отследить его своеобразное взаимодействие со Стиллом: в апреле 1709 г. тот начинает выпускать нравоучительный журнал «Болтун», а уже в ноябре того же года, видя популярность проекта, Мандевилль «вступает в игру» со своей дидактической публицистикой — журналом «Болтунья» [Там же, с. 13].

Мандевилль воспринимал пороки как рычаги общественного развития и писал о двойственной природе человека, поддерживая теорию Гоббса об «эгоистическом начале». Он отрицал врожденную мораль. Напротив, в его понимании она оказывается искусственно сформированной и навязанной обществу. Суть концепции Мандевиля сводится к следующему: человека нельзя заставить ступить на путь добродетели, нельзя искусственно сделать его послушным, однако, можно обрисовать перед ним картину столь привлекательную, что человек не устоит и начнет обуздывать свои эгоистические устремления — не ради всеобщего блага, но ради собственной выгоды. Именно в этом Мандевилль и видит главную задачу для управителей общества — политиков и законодателей, которых он называет создателями морали [Мандевилль 1974, с. 65]. Они, как люди мудрые, должны сделать человека существом социальным: изыскать способы продемонстрировать, насколько выгодно сдерживать свои желания и даже работать ради общественного интереса [Там же, с. 65]. В качестве одного из рычагов давления автор предлагает лесть, что вновь отсылает нас к эгоистическому началу человека.

По мнению Мандевиля, которое он выражает в своем философско-сатирическом эссе «Басня о пчелах», наслаждение всеми удовольствиями жизни и наличие невинности вкупе с добродетелью несовместимы [Там же, с. 47]. А люди, заявляющие обратное — попросту лицемеры, равно как и порицающие пороки, но при этом принадлежащие к богатым государствам, где они обладают всеми благами цивилизации [Там же, с. 47]. В философской концепции Мандевиля пороками является все, что человек совершает во имя удовлетворения собственных желаний и потребностей, при том оставляя без внимания интересы общества, а добродетелями — всякие деяния, при помощи которых он поступает во имя других, игнорируя собственные склонности [Там же, с. 70], контролирует свои внутренние эмоции и порывы.

Добро и зло, согласно рассуждениям Мандевиля проистекают друг из друга, одно порождает другое, этот процесс совершенно естественен. Он приводит сравнение с цыплятами, прорастающими из яиц [Там же, с. 105]. Человеческая природа таким образом представляется автору неизменной, он считает, что и в будущем нет никаких надежд на ее эволюцию. Даже вернувшись в обертку навязанной социумом морали, человек сохраняет

свое естественное эгоистичное начало: «добродетель подружилась с пороком» [Там же, с. 56].

На страницах «Исследования о происхождении моральной добродетели», эссе, сопровождающего «Басню о пчелах» Мандевиль вступает в открытую полемику с еще одним публицистом эпохи Просвещения — Ричардом Стилом, точнее, с его похвалами «возвышенному роду» человеческому [Там же, с. 72]. Мандевиль сравнивает восхищение Стила «превосходными качествами нашей природы» [Там же, с. 72] с излишними похвалами любому поступку маленького ребенка. Добродетель в концепции Стила не «уничтожает склонностей души», но «обуздывает их, наводит порядок» [Selections from the Tatler, Spectator and Guardian... 1885, № 494]. На страницах журнала *The Spectator* Стил в соавторстве с еще одним просветителем Джозефом Аддисоном учат своего читателя как правильно развивать добродетель, следовательно, они не видят ее статичным качеством человека. В № 93 Стил говорит о морали в связке с человеческой душой, Богом и загробной участью, которая зависит от нашей добродетельности. Выделяются два вида добродетели: направленная на общее благо, которая «займет собою тех, кто склонен к хлопотам, и одарит их занятиями, превосходящими бурносию своей самую разгульную жизнь. Советовать невежественным, помогать нуждающимся, утешать страждущих» [Ibid, № 93], и пригодная для часов уединения — общения с Создателем. Добродетельная жизнь не приносит сиюминутной радости, но повлияет на загробную вечную жизнь. В быстротекущем времени, пишут Стил и Аддисон, у людей не остается минут на размеренную беседу с Всевышним, но всякому разумному человеку это необходимо. Слово «разумный», как истинные дети своей эпохи, они используют часто, обобщая им все позитивные человеческие характеристики. Своей целью герой журнала, от лица которого ведется повествование, объявляет «бесстрашную защиту добродетели и здравомыслия» [Ibid, № 34]. Одно невозможно без другого — на страницах *The Spectator* эти два понятия зачастую идут в связке.

Вообще творчество Стила пронизано гуманизмом и верой в людей, он всегда настаивает на возвышенности и добродетельности человеческой природы. В одном из первых выпусков *The Spectator* авторы дают слово не выпускать ни одного листка, который не был бы проникнут благоволением и любовью к людям, и вполне выполняют свое обещание. В это время формируется понятие новой морали, человеческая нравственность видится Стилу и Аддисону лекарством от всех политических и социальных проблем.

Стил объявляет христианство самой эффективной, с точки зрения развита нравственности, религией. Страдания Христа и его жертва заложили в человека привычку к добродетели, любви и долгу. В противовес этому Мандевиль находится на опасно тонкой грани, утверждая тесную взаимос-

вязь добра и зла, а также отсутствие абсолюта в обеих категориях, тем самым заслужив обвинение в еретичестве и критику в печати. Согласно христианской концепции, существует абсолютное добро в лице Бога, равно как и абсолютно зло в лице Сатаны, и, конечно, заявления о том, что одно не обходится без другого, вызвали волнения в умах.

Добродетель Бернарда Мандевилля требует отречения и самопожертвования. Добродетельные поступки совершают люди, обманутые «управителями общества», с расчетом на собственную выгоду в дальнейшем. Несмотря на то, что Ричард Стил называет скромность стражем добродетели, его концепция гораздо мягче: он считает человека существом с изначально заложенной моралью, уровень которой, к тому же, может развиваться и расти с течением жизни. На протяжении изучаемого временного промежутка английские философы не сумели достичь единой концепции нравственности и происхождения человеческой природы. Перед нами — конфликт интерпретаций человеческой сущности и истоков добродетельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974.

Selections from the Tatler, Spectator and Guardian by Steele, Richard, Sir. Oxford, 1885.

Блэк Дж. История Британских островов. СПб., 2008.

Субботин А.Л. Бернард Мандевиль. М., 1986.

A. V. Dudy

Yekaterinburg (Russia)

Ural Federal University

THE STUDY OF HUMAN NATURE AND VIRTUE IN THE WORKS OF B. MANDEVILLE AND R. STEELE

At the turn of 17th–18th centuries English philosophers begin to explore human nature, analyzing in their works the sources of vice and virtue. Some Enlighteners, such as R. Steele, extol “exalted kind”, others, like B. de Mandeville, are sceptical about the primordial virtue of our nature. Our task is to explore the conflict of interpretations of the essence of human nature.

Keywords: Enlightenment, virtue, Mandeville, Steele, vice, human nature.

В.А. Коротин
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТИЧНЫХ СЮЖЕТОВ
ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ ОБРАЗА ПЕТРА I
В ПАНЕГИРИКАХ 1-й ЧЕТВЕРТИ XVIII в.**

В статье рассмотрены примеры использования сюжетов античной мифологии и истории как источников создания образа Петра I. Источниками стали панегирики Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского и Стефана Яворского. Показаны общие и различные черты использования сюжетов античности. Сделан вывод об основных героях, к которым обращаются панегиристы, определена форма и контекст их использования при конструировании образа Петра I.

Ключевые слова: Петр I, панегирик, Феофан Прокопович, Гавриил Бужинский, античность, Геркулес, Марс.

Исследователи петровской эпохи отмечают, что для Петра Римская империя была образцом государственности [см.: Живов 2000, с. 543–549; Анисимов 2009, с. 42–43]. Обращение к античности видно даже в названии Петербурга, который одновременно и отсылает к Риму, и является его противоположностью, будучи истинным «Градом Святаго Петра» [Лотман, Успенский 1996, с. 129–132]. Сюжеты древности были органично вплетены в общественно-политический дискурс нач. XVIII в. В статье, посвященной данному вопросу, В.М. Живов и Б.А. Успенский рассмотрели процесс проникновения античной мифологии в русскую культуру [см.: Живов, Успенский 2000]. Они отмечают, что элементы античной культуры приходят еще в сер. XVII в., однако при Петре I они становятся частью гражданского культа, особенно что касается таких персонажей как Марс, Геркулес, Константин.

Геркулес и Марс особенно часто использовались при создании образа Петра как царя-воина. Они считались покровителями русской армии, а потому определяли ее силу, а также силу военачальника — Петра

[Уортман 2002, с. 69–78]. Неслучайно при погребении Петра были установлены следующие статуи: Россия, Европа, Марс и Геркулес [Там же, с. 113]. Обращение к античности давало больше свободы для панегиристов, ведь с образами древней истории и мифологии можно обращаться вольно, в отличие от библейских героев [Панегирическая... 1979, с. 19]. Мы рассмотрим те сюжеты, к которым обращались панегиристы в своих проповедях, и как эти сюжеты применялись для создания образа Петра I. Основное наше внимание будет заострено на проповедях Феофана Прокоповича и Гавриила Бужинского — одних из главных ревнителей петровских реформ.

При описании реформы церкви при Петре Феофан Прокопович в «Слове на погребение Петра» использует сравнение с Константином: «Се же твой, о и церкви российская, и Давид, и Константин. Его дело — правительство синодалное, его попечение — пишемая и глаголемая наставления» [Панегирическая... 1979, с. 280]. Константин — одна из ключевых фигур петровской идеологии, в период своего царствования Петр активно обращался к его образу в публичных мероприятиях [см.: Вилинбахов 1984]. Интересно то, как используют авторы данный образ. Для Феофана Константин выступает примером христианского правителя. Гавриил Бужинский в «Слове в похвалу Санктпетербурга...» сравнивает Петра и Константина как основателей двух городов, которые претендуют на звание нового Рима: «Провидел сие мудрый и великий в Християнех Константин, новый Рим при исходищах морских воздвигнувший и град оной своим именем нарекший. Сия предзрев и Российский обладатель, иже обретши сие все преждедеченныя пользы содержащее место, град сей в превеликую России создал помощь» [Полное собрание... 1784, с. 22]. Впрочем, и здесь делается акцент на том, что Константин был христианином.

Одним из единичных сравнений можно считать обращение к первым двум царям Рима — Ромулу и Нуме в «Слове на похвалу блаженных памяти Петра». Феофан говорит о необходимости восхваления Петра, ведь он соединил в своем правлении блага, которые даровали своим народам другие легендарные правители: «Нам и Ромул, и Нума, и Давид, и Соломон — един Петр» [Панегирическая... 1979, с. 292]. Причем далее Феофан цитирует некие «свидетельства в печатных в Липске латинских ведомостях», где Петр сравнивается со знакомыми деятелями античности: «И тамо, в начале, показывает автор, что Петр превзошел Ксеркса, Александра Великого, Иулиа Кесаря» [Там же, с. 297]. Александр Македонский также упоминается Феофаном в «Венце победы» как образец храбрости:

Великий Александер равен ти бывает,
Зане равная в тебе храброст ся являет [Там же, с. 204].

Однако нужно сказать, что данный панегирик был посвящен не Петру I, а А.Д. Меньшикову [Там же, с. 105].

Можно определить следующую форму восхваления Петра у Феофана Прокоповича: он берет за критерий сравнения значимую историческую личность, после чего показывает, что Петр I добился большего конкретно в той сфере, за которую принято возносить выбранного героя. Такую форму восхваления Петра мы встречаем у Феофана Прокоповича еще в «Слове похвальном в день рождества... Петра Петровича», где Петр I сравнивается с Октавианом Августом, а Петербург — с Римом: «А ты, новый и новоцарствующий граде Петров, не высокая ли слава еси фундатора твоего? <...> Август он римский император, яко превеликую о себе похвалу, умирая, проглагола: “Кирпичный (рече) Рим обретох, а мраморный оставляю”. Нашему пресветлейшему монарсе тщета была бы, а не похвала сие пригласити. Исповести бо воистинну подобает: древнюю он обрете Россию, а сотвори златую: тако оную и внешним и внутреним видом украси, зданию, крепостями, правильми, и правительми, и различных учений полезных добротую» [Феофан Прокопович 1961, с. 45]. Отметим, что еще ранее митрополит Стефан Яворский в своей известной проповеди 1703 г. «Колесница торжественная» назвал Петра «Августом государства Московскаго» [Проповеди... 1805, С. 167]. Обращаясь к сравнению России с Римом, можно указать отрывок из «Панегирикоса» Феофана Прокоповича, где автор видит «сию свейскую брань весьма быти подобную древней брани, нарицаемой Второй Пунской» [Панегирическая... 1979, с. 189]. Раз сравнение идет по принципу Швеция — Карфаген и Россия — Рим, то Феофан намекает на будущее процветание России, как это случилось с Римом.

Уже упоминалось, что двумя ключевыми персонажами в гражданском культе Петра являлись Геркулес и Марс. Феофан интересным образом отсылает к Марсу, восхваляя «силу воинскую» Петра I: «И если бы таковой отрок у римлян оных древних, языческим суеверием ослепленных, явился, вси бо воистинну веровали, что он от Марса рожден есть» [Там же, с. 286]. Ранее в «Епиникионе» Феофан Прокопович напрямую называл Петра «русским Марсом»:

Темже приими, о храбрый царю, цвет победный

И сыл, яже в тебе Марс сей многобедный

<...>

Вси твоей начнут дружбы, вси мира желати

И не дерзнут рускаго Марса раздражати [Там же, с. 203].

В «Панегирикосе» Феофана весьма интересно сосуществуют Самсон и Геркулес, т.к. они оба побеждали зверей, подобных «льву свейскому»:

«Не великий победитель Домитиан, о нем же повествуют, яко мухи убивати обыкль бяше; великий же — Самсон, иже лва растерза, великий, аще истинный, Иракий, иже многия неукротимыя зверы и змия седмоглавнаго умертви. Подобие и преславной твоей победы величество и славу, пресветлейший наш монархо, не иным мерылом мерим, токмо силою и храбростию побежденнаго от тебе супостата, свирепством и лютоистию лва свейскаго...» [Там же, с. 183]. Похожий уровень сравнения мы наблюдаем у Стефана Яворского в «Колеснице торжественной», где встречаем метафору «кавалер Геркулес» по отношению к Петру [Проповеди... 1805, с. 173].

В этом смысле интересной является аналогия, приведенная Гавриилом Бужинским в «Слове на похвалу Санктпетербурга...», где он сопоставляет судьбы русского царя и античного героя и находит в них общий сюжет: «Восприими себе во ум от премногих стихотворцев и истории писателей онаго, над всеми древними ироями возвеличеннаго, мужественнаго Иракия, его же аще суца в колыбели, ненавистная Ира (Юнона) хотяше умертвити, двух страшных и лютых в колыбель впустила змиев <...> Велие сие и преславное дело; вящшаго же и большаго удивления достойное сотворил в самом отроческом возрасте непобедимейший Всероссийский Монарх, егда на него в самой десятилетней юности вторая лютоистию и убийством дышущая Ира, в сердцах бунтовливых стрельцов гнездящая ярость, не двух ядовитых змиев, но тьмочисленных всяких гадов, суровейших проклятых отцеубийцов возбудила» [Полное собрание... 1784, с. 4–5]. В итоге Петр предстает «Российским Иракием, непобедимейшим Монархом» [Там же, с. 6].

Подобные же аналогии Гавриил Бужинский проводит еще между Петром и Ахиллесом, а также между Петром и Одиссеем. В первом случае Гавриил указывает на защиту Петра Богом: «И аще отсюда не безсмертную получил Ахиллес славу, яко мати сего отроча, млада суцаго, в Стигийских погрузивши водах, сотворила его от ран никогда же вредимаго. Басни сии суть стихотворныя, zde истинну зрети приличествует; яко превечное, вся предвидящее милосердие Божие сицевым от самая купели таинственныя оградило благочестивейшаго Императора заступлением, яко никакие вражии наветы никогда же возмогут одолеши Ему...» [Там же, с. 6–7]. Во втором случае автор говорит, что если Одиссей видел многие народы и страны, то Петр выступил просветителем для многих народов: «Сплетает венещ похвал Омир Одиссею (Улиссу), яко многия во мире сем обийде страны, многия видел народы и обыкновения их, многия прошел грады. Узрит всяк сие в премудрейшем Российском Монархе: коль многия посветил народы!» [Там же, с. 7]. В обоих указанных выше случаях речь идет скорее не о прямом сравнении качеств Петра с героями античной мифологии, данные сюжеты служат скорее метафорической базой, через которую Гавриил прославляет Петра I.

В итоге можно определить следующий круг используемых панегиристами античным героям и сюжетам: знаковые правители эпохи (Август, Константин, Александр и др.), персонажи мифологии (Марс, Гераклес, Ахиллес и др.) и аналогия между Россией и Древним Римом. Наиболее частой формой использования античной истории и мифологии при конструировании образа Петра I является сравнение достижений Петра и выбранного героя, по итогам которого выясняется, что русский царь в своих деяниях превосходит плеяду знаковых персонажей. Гераклес показывает успехи Петра в военном деле, Константин позволяет создать образ христианского правителя, к Августу панегирист прибегает, когда нужно показать Петра I как демиурга новой России и т.д. Античность, богатая яркими героями истории и мифологии являлась прекрасным источником для метафор панегиристов петровской эпохи, благодаря чему они часто соседствуют в текстах и с библейскими персонажами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Панегирическая литература петровского времени. М., 1979.
- Полное собрание поучительных слов. М., 1784.
- Проповеди блаженных памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого и ревностно по благочестию преславного. Ч. 3. М., 1805.
- Феофан Прокопович*. Сочинения. М.; Л., 1961.
- Анисимов Е.В.* Петр Великий: личность и реформы. СПб., 2009.
- Вилинбахов Г.В.* Основание Петербурга и имперская эмблематика // Труды по знаковым системам XVIII. Семиотика города и городской культуры. Петербург; Тарту, 1984.
- Живов В.М.* Культурные реформы в системе преобразования Петра I // Из истории русской культуры. Т. 3. (XVII — начало XVIII века). М., 2000.
- Живов В.М., Успенский Б.А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века // Из истории русской культуры. Т. 4. (XVIII — начало XIX века). М., 2000.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого. К проблеме средневековой традиции в культуре барокко // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996.
- Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.

V.A. Korotin
Yekaterinburg (Russia)
Ural Federal University

THE USE OF THE ANCIENT PLOTS IN THE CREATING
THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN THE PANEGYRICS
OF THE FIRST QUARTER OF THE 18th CENTURY

The article considers examples of the use of plots of ancient mythology and history as sources of creating the image of Peter the Great. The sources are the panegyrics of Theophan Prokopovich, Gavriil Buzhinsky and Stefan Yavorsky. General and various features of using the plots of antiquity are shown. It is concluded about the main heroes referred by panegyrists, the method and context of their use in the construction of the image of Peter the Great.

Keywords: Peter the Great, panegyric, Theophan Prokopovich, Gavriil Buzhinsky, antiquity, Hercules, Mars.

Н.Ф. Шестакова
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский гос. педагогический ун-т

ОБРАЗ БОУДИККИ В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЭПОХУ КЕЛЬТСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (СЕРЕДИНА XVIII — НАЧАЛО XX в.)*

Статья посвящена репрезентации образа Боудикки, древней правительницы иценов, в британской визуальной культуре. Автору удалось проследить трансформацию облика древней правительницы от мстительной разжигательницы военного конфликта к символу патриотизма и могущества Британской империи.

Ключевые слова: образ, Боудикка, историческая память, визуальная культура, идентичность, Кельтское возрождение.

На XIX в. приходится время расцвета и могущества Великобритании. Именно в этот период в условиях доминирования английской культуры шел процесс становления британской нации. Неоднородные культурные традиции разных этносов вливались в единую британскую культуру под напором формирующегося индустриального общества, которое способствовало созданию единого народа и формированию его национальной идентичности.

Одним из механизмов конструирования идентичности британцев являлось формирование пантеона национальных героев, деяния которых в реалиях сер. XVIII — нач. XX в. приобретали новое политическое значение и подкрепляли империалистическую идеологию короны. В период Кельтского возрождения в памяти жителей «туманного Альбиона» актуализируются сюжеты, связанные с борьбой кельтов во главе с Боудиккой против римского засилья. В данной статье будет предпринята попытка выявить и охарактеризовать образ древней воительницы в британской визуальной культуре.

Боудикка была женой правителя племени иценов Прасутага. После смерти супруга она возглавила кельтское восстание против римского господства. Причиной движения послужил захват римлянами территории Британии,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00038, <https://rscf.ru/project/21-78-00038/>

а также жажда мести воительницы за избиение ее плетью и поруганное целомудрие дочерей. В 60–61 г. н. э. ицены, озлобленные жестоким обращением со стороны римских властей, подняли восстание под предводительством своей доблестной королевы Боудикки. Тысячи римлян и их союзников были убиты, а Лондон, который уже считался столицей провинции, был сожжен, о чем свидетельствует обнаруженный археологами слой пепла на месте древнего города почти две тысячи лет спустя [Davies 1994, p. 29]. Тем не менее месть римлян оказалась еще более жестокой. В ходе подавления восстания десятки тысяч бриттов были убиты. Проиграв в решающем сражении при Уэст-Мидлендс, Боудикка приняла яд и вскоре умерла.

Образ правительницы иценов приобрел важное значение в британской интеллектуальной культуре в сер. XVIII в. Этому способствовала внешняя угроза, которая исходила от Испании, а в конце века — от Франции. Под влиянием опасности у британцев возросло чувство патриотизма, воплощением которого и стала Боудикка. Однако актуализация воспоминаний о древней воительнице произошла в том числе в результате внутренней опасности, очагом которой была борьба политических фракций в британском парламенте [Vandrei 2018, p. 103].

Формирование образа Боудикки, распространенного в визуальной культуре, было подкреплено текстом произведений художественной литературы. Правительница иценов была представлена драматургом Ричардом Гловером в одноименной пьесе 1753 г., в которой автор изобразил поражение бриттов как печальное, но неизбежное последствие разногласий и последующего разрыва между древней воительницей, жаждущей мести, и ее зятем — генералом Думнориксом, который пытался уговорить разгневанную королеву отказаться от кровожадной решимости и перейти к политике дипломатии [Glover 1791]. Пьеса Р. Гловера отражала новую идею британского патриотизма, основанную на противопоставлении преданности и верности государству принципам свободы зарождающейся партийной фракционности.

В XVIII в. образ Боудикки широко транслировался в визуальной культуре Великобритании. В 1764 г. кельтская правительница появилась на фронтисписе «Истории Англии» Эдварда Сеймура (1764 г.) [Seymour 1764]. На странице данной книги древняя воительница была изображена с обнаженной грудью, в соответствии с образом классических героинь, посреди моря копий. Изображение сопровождалось подписью: «Боудикка, королева иценов, воодушевляющая бриттов на борьбу за свободу», которая подчеркивала связь исторического воображения британцев с патриотическими чувствами и защитой свободы.

Возможно, наиболее известное изображение Боудикки конца XVIII в. было создано Томасом Стотардом. Эта работа отражала новую тенденцию в визуализации Боудикки — романтизацию представления о древней геро-

ине. Впервые эта иллюстрация появилась в «Новой, универсальной и беспристрастной истории Англии» Г.Ф. Раймонда (1787 г.) [Raymond 1787]. Художник Т. Стотард в отличие от предшественников не стал изображать Боддикку дикаркой, стоящей в плетеной колеснице. Вместо этого он показал ее обычной женщиной в скромной одежде, с распущенными волосами, взмахивающей факелом, чтобы поджечь стены Лондона. Оглядываясь через плечо, она взглядом поддерживает вооруженные войска, находящиеся позади нее. Боддикка Т. Стотарда по-прежнему, бесспорно, жестока, однако без колесниц и лошадей она представляет собой более достойную, и в то же время уязвимую фигуру. Именно этот образ вдохновил Альфреда Теннисона на создание поэмы «Боддикка» (1859) [Tennyson].

Изображение Боддикки, выполненное Уильямом Шарпом, также появилось в новом издании «Истории Англии» Дэвида Юма [Hume 1806]. Это изображение было взято с картины художника Джона Опи, который, как и Томас Стотард, обратил внимание на трогательную и романтическую привлекательность истории Боддикки. В отличие от Стотарда, Опи также изобразил двух детей Боддикки. Художник показал древнюю правительницу (чье копые все еще видно в ее сжатом кулаке) защищающей одну из дочерей, в то время как другой ребенок с восхищением смотрит на мать. Боддикка снова облачена в классическое одеяние, но на этот раз на ее голове надет военный шлем. Несмотря на это боевое снаряжение, волосы, спадающие каскадом, и смягченные черты лица подчеркивают женственность воинствующей королевы.

В XIX в. слово «*Boadicea*», означающее «победа», создавало в сознании британцев семантическую связь между королевой Викторией и кельтской правительницей. Эта связь была обусловлена тем, что Каупер в своей поэме использовал историю о древней правительнице как пророчество о будущей британской славе. Оно исполнилось с приходом к власти Викторией, когда Британия превратилась в самую большую колониальную империю — «Владычицу морей». На смену господству Римской империи пришло владычество Британской империи. Причина, из-за которой между Боддиккой и Викторией часто проводили параллели, заключается и в их общем имени, символизирующем «победу» [Vandrei 2018, p. 177]. Этот аспект имел важное значение в восприятии Боддикки жителями Викторианского Уэльса. Местный историк Теофилус Эванс, который в 1716 г. опубликовал историю княжества на валлийском языке, перевел «*Boadicea*» как «*Buddug*», что в переводе с валлийского языка тоже означало «победа» [Evans 1865, p. 39].

В период между 1855–1916 гг. по всей Британии было создано и установлено не менее пяти статуй Боддикки. Первая была выполнена по частному заказу для Сомерлейтон-холла в Саффолке, две скульптуры были установлены в Лондоне: одна в Ист-Энде (к сожалению, она не сохранилась), а другая на Вестминстерском мосту. Четвертая располагается на фасаде ратуши Колчесте-

ра, и наконец, последняя статуя была установлена в Кардиффе в 1916 г. Планировалось также, что памятник Боудикки будет украшать новый мост Блэкфрайерс в 1861 г., на котором также должны были быть расположены скульптуры короля Альфреда, сэра Уильяма Уолворта и королевы Виктории [Vandrei 2013, p. 242].

Первая статуя Боудикки являлась творением малоизвестного сегодня скульптора Джона Томаса. Однако его работы мог увидеть почти каждый посетитель Лондона сер. XIX в. Этот скульптор отвечал за создание всех фигур, украшающих снаружи новое здание парламента, перестроенное в 1840-х гг. В нач. 1850-х гг. сэр Мортон Пето, ответственный за строительство нового здания Вестминстера, поручил Томасу создать статую Боудикки и ее дочерей для своего семейного дома Сомерлейтон-холл в Саффолке. Скульптор завершил работу над статуей в 1855 г. и выставил ее в Королевской академии в 1856 г. Согласно одному из рецензентов, статуя должна была запечатлеть Боудикку в тот момент, когда она произносила свою волнующую речь перед собравшимися бриттскими войсками: «Гораздо лучше с честью пасть, защищая свободу, чем снова подвергнуться нападкам римлян» [Vandrei 2013, p. 243]. Местонахождение мраморной статуи древней правительницы, созданной Джоном Томасом по заказу Мортона Пето, сейчас неизвестно, хотя бронзовая модель сохранилась в Бреконе в Уэльсе [Thomas].

Народный дворец, для которого в 1887 г. был построен Королевский зал, был задуман как место сбора «трудящегося населения» Ист-Энда. В этом зале вдоль боковых стен были выставлены изображения женщин-монархов Британии и всего мира со всех периодов истории. Среди них была и Боудикка, что может свидетельствовать о ценности образа правительницы иценов, которая символизировала благородное британское прошлое и играла роль романтической женственной фигуры среди других знаменитых женщин [Vandrei 2013, p. 246].

Безусловно, самой важной данью уважения древней героине в Лондоне была монументальная скульптура «Боудикка» Томаса Торникрофта, установленная на Вестминстерском мосту в 1898 г. Надпись «Регионы, которых Цезарь никогда не знал / Твое потомство будет править» заставила некоторых ученых рассматривать статую как прямое свидетельство имперского триумфа Британии в тот момент, когда мощь страны испытывалась на прочность во время англо-бурской войны [Thornycroft].

Таким образом, актуализирующийся в исторической памяти британцев образ Боудикки претерпел существенную трансформацию на протяжении эпохи Кельтского возрождения. В 50–60-е гг. XVIII в., сформированный под влиянием борьбы политических фракций в парламенте, негативный облик правительницы иценов, чья жажда мести привела к полному поражению бриттов в борьбе против римских завоевателей, под воздействием внешней угрозы начинает приобретать романтический и героический характер. Уже на рубеже XVIII–XIX вв. представление о правительнице иценов и ее го-

товности умереть за свободу своего народа являлось широко признанным фактом, подтвержденным классическими древними источниками. В глазах британцев, которые унаследовали свое название от древних бриттов, эта героиня олицетворяла сопротивление вражескому вторжению и защиту конституционной свободы жителей острова. Наконец, стоит отметить, что в XIX — нач. XX в. королева Виктория стала олицетворением древней воительницы, а созданная ею великая Британская держава по своему масштабу и могуществу превзошла Римскую империю.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Evans T.* Drych y Prif Oesoedd. Llanidloes, 1865.
Glover R. Boadicea: A Tragedy. L., 1791.
Hume D. The History of England. L., 1806.
Raymond G.F. A New, Universal and Impartial History of England. L., 1787.
Seymour E. The Complete History of England. L., 1764.
Tennyson A. Boadicea. URL: <https://www.poemhunter.com/poem/boadicea/>
Thomas J. Boadicea. Brecon. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/bc/Boadicea%2C_Brecon%2C_by_John_Thomas.jpg
Thornycroft T. Boudicca. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/b3/Boudicca_Statue_Westminster_Bridge%2C_London_%287269525940%29.jpg
Davies J. A History of Wales. L., 1994.
Vandrei M.L. Boudica and British historical culture, c. 1600–1916. L., 2013.
Vandrei M.L. Queen Boudica and Historical Culture in Britain: An Image of Truth. Oxford, 2018.

N.F. Shestakova

Yekaterinburg (Russia)

Ural State Pedagogical University

BOUDICCA'S IMAGE IN THE VISUAL CULTURE
OF GREAT BRITAIN IN THE AGE OF THE CELTIC REVIVAL
(MID 18th — EARLY 20th CENTURIES)

The article is devoted to the representation of the image of Boudicca in British visual culture. The author managed to trace the transformation of the appearance of the ancient ruler from a vengeful instigator of a military conflict to a symbol of patriotism and the might of the British Empire.

Keywords: image, Boudica, historical memory, visual culture, identity, Celtic Revival.

*Е.К. Посаженикова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т*

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ НАПОЛЕОНИСТИКИ

В статье выделяются и рассматриваются особенности современной наполеонистики. Определяются содержательные отличия исторических работ, посвященных Наполеону. Автор приходит к выводу о том, что новейшая историография, ломая классические советские устои, вносит значительный вклад в историческую науку и наполеонистику XXI в.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт, новейшая историография, особенности, наполеонистика, Отечественная война, 1812 г.

В нач. 1790-х гг. на военной арене появился никому не известный молодой солдат корсиканского происхождения — Наполеон Бонапарт. Звездный час Наполеона начался в 1799 г., с того момента, когда молодой и энергичный генерал совершил государственный переворот, вошедший в историю как «переворот 18 брюмера», и стал первым консулом Франции. В последующие годы его власть только расширялась и укреплялась: в 1804 г. Бонапарт стал императором Франции, на следующий год — королем Италии, в 1806 г. — протектором Рейнского союза, а в 1807 г. — протектором Данцигской республики. Мысли и идеи о мировом господстве подтолкнули Наполеона на завоевание всей Европы, вот только Англию завоевать не удалось, а очередь России настала в 1812 г. Но, увы, поход на Россию окончился дважды потерей имперской короны в 1814 и в 1815 гг.

В новейшей историографии Наполеону, его внешне- и внутривосточной деятельности посвящены несколько десятков монографий и статей. Анализ этих публикаций показывает, что все они имеют ряд особенностей, о которых и пойдет речь далее.

Одной из главных особенностей новейшей историографии, которую невозможно не заметить — отход от цитирования видных деятелей марксизма и ленинизма, а именно от цитат К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и И.В. Сталина. Почему? Сменилась эпоха, Советский союз распался, а современная Россия не имеет государственной идеологии, каким был маркс-

сизм-ленинизм. Поэтому влияние советской идеологии на людей и ее пропаганда через книги остались в прошлом.

Социальные и политические преобразования в России в 1990-х гг. повлияли и на историографию. В отличие от советской историографии, современной наполеонистике присуще разнообразие тематик. Новейшие исследователи уделяют большое внимание III Антифранцузской коалиции, законодательству и правоведению, походу в Индию, сравнению Александра I и Наполеона, заграничным походам русской армии, дипломатии и т. д. [Троицкий 1994; Дерябин 1997; Боботов 1998; Соколов 2006; Рыбаков 2013; Искюль 2014; Лосик 2014; Безотосный 2017; Могилевский 2018; Постникова 2020; 2020а]. Однако, как и в советский период, война 1812 г. остается центральной тематикой российской наполеонистики, на что во многом повлиял 200-летний юбилей войны [Сироткин 2000; Земцов 2001; Попов 2003; Васютинский 2004; Отечественная война 1812 года. Энциклопедия 2004; Митрошенкова и др. 2010; Фролов 2011; Безотосный 2012; 2013; Минц 2012; Мультиатули 2012; Озерецковский 2012; Отечественная война 1812 года в современной историографии 2012; 1812. «Освобождение России от нашествия неприятельского»: уроки истории и вызовы современности 2013; Понасенков 2017].

Предметом особого изучения в современной историографии стала русская армия. Столь повышенное внимание связано с малоизученностью данной темы в советское время. Историки уделяют внимание численности войск, национальному составу, вопросам повседневной жизни и быта, взаимоотношениям армии с РПЦ, организации тыла и многим другим вопросам. Информацию об этом можно найти в работах С.Ю. Чимарова, Л.В. Мельниковой, С.В. Гаврилова и др. исследователей [Безотосный 1999; Чимаров 1999; Гаврилов 2003; Соколов 2006; Мельникова 2007; Ивченко 2008].

Новейшая наполеонистика ставит под сомнение утверждение о том, что Наполеон является зачинщиком конфликтов и является «Врагом». Напротив, Англия и российский император Александр I, который «был буквально одержим войной с Наполеоном» [Троицкий 1994, с. 97] и навязывал ее всем, выступали агрессорами. Можно проследить некую тенденцию: чем новее работы исследователей, тем чаще они видят в Наполеоне вовсе не зачинщика конфликтов и агрессора и тем чаще развеивают мифы, связанные с его образом. Основу для критики устоявшейся концепции в советской историографии заложил саратовский историк Н.А. Троицкий в 1990-е гг., затем его примеру последовали О.В. Соколов, В.П. Акуленко и другие историки.

Еще одна особенность современной историографии прослеживается в том, как она отвечает на вопрос каков характер войны 1812 г.? Одни исследователи (В.П. Акуленко, П.В. Мультиатули, В.М. Безотосный и др.) войну 1812 г. называют «Отечественной», другие (Е.Н. Понасенков, В.Г. Сирот-

кин, А.А. Постникова) — «Русской кампанией». Данное различие связано с тем, кого исследователи считают зачинщиком войны. Так в «Отечественной» войне зачинщиком войны был Наполеон, а в «Русской кампании» в качестве зачинщика выступил российский император Александр I. Велико значение работы А.А. Подмазо [Подмазо 2003], который достаточно подробно дает ответ о характере войны 1812 г., критикуя приверженцев «Русской кампании» [Троицкий 1994; Сироткин 2000; Отечественная война 1812 года. Энциклопедия 2004; Акуленко 2009; Мультиатули 2012; 2013; Рыбаков 2013; Понасенков 2017; Постникова 2020; 2020а].

Подведем итог вышесказанному. Новейшая историография, в отличие от советской, обновилась, расширилась за счет углубленного изучения и стала многоплановой, а некоторые моменты и вовсе подверглись коренному пересмотру. Были выявлены и заполнены «белые пятна» российской наполеонистики. Однако столь радикальные перемены в обществе спровоцировали подъем в историографии «антипатриотического направления» [Агронов 2007]. В общем и целом, можно сказать, что для современной наполеонистики 1990-е гг. стали переломными и заложили потенциальные направления для исследователей XXI в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агронов Л.И. Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 года: дис. ...канд. ист. наук. М., 2007.

Акуленко В.П. Участие России в европейских военно-политических союзах (конец XVIII — начало XIX века): дис. ...канд. ист. наук. М., 2009.

Безотосный В.М. Наполеоновские планы: проект завоевания Индии Наполеона Бонапарта. М., 2017.

Безотосный В.М. Национальный состав российского генералитета 1812 г. // Вопросы истории. 1999. №7.

Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2013.

Безотосный В.М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М., 2012.

Боботов С.В. Наполеон Бонапарт — реформатор и законодатель. М., 1998.

Васютинский А.М. Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. М., 2004. Кн. 1–2.

Гаврилов С.В. Организация снабжения русской армии накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1815 гг.: Исторические аспекты: дис. ...канд. ист. наук. СПб., 2003.

Дерябин А.И. Сражение при Ватерлоо 18 июня 1815 года. М., 1997.

Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001.

Ивченко Л.Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М., 2008.

Исколь С.Н. Русско-прусский дипломатический казус за несколько месяцев до Аустерлица // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1.

Лосик А.В. Русская дипломатия, победившая Бонапарта. Роль и место России в антинаполеоновской коалиции // Военно-исторический журнал. 2014. № 3.

Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007.

Миц М.М. Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. — Самара: НТЦ, 2002. — 439 с. (Реферат) // Отечественная война 1812 года в современной историографии. М., 2012.

Митрошенкова Л.В., Львов С.В., Монахов А.Л. Отечественная война 1812 года. М., 2010.

Могилевский Н.А. Заграничные походы русской армии 1813–1814 годов. М., 2018.

Мультигули П.В. «Ледокол» для Наполеона. Лживый миф о «превентивной войне» 1812 г. М., 2012.

Мультигули П.В. Лживый миф о «превентивной войне» 1812 г. // 1812. «Освобождение России от нашествия неприятельского»: уроки истории и вызовы современности. М., 2013.

Озерцовский Л.Б. «Великая армия» Наполеона от Аустерлица до Бородино // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2012. № 3.

Отечественная война 1812 года в современной историографии. М., 2012.

Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.

Подмазо А.А. К вопросу о характере войны 1812 года: Разбор доклада Е.Н. Понасенкова и В.Г. Сироткина «Наполеоновские войны и русская кампания 1812 года» // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: материалы VI-й Всерос. науч. конф. М., 2003. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Podmazo_06.pdf

Понасенков Е.Н. Первая научная история войны 1812 года. М., 2017.

Попов А.И. Великая армия в России: автореф. дис. ...док. ист. наук. Самара, 2003.

Постникова А.А. Наполеоновская эпоха в исторической памяти современной Франции: юбилей как средство коммеморации // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 12.

Постникова А.А. Французский «Аустерлиц»: забытая победа или «смена дискурсивной формации»? // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2020а. № 23.

Рыбаков С.В. Дуэль императоров. Взаимоотношения Александра I и Наполеона Бонапарта // Обозреватель-Observer. 2013. № 10.

Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М., 2000.

Соколов О.В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг. Т. 1–2. М., 2006.

Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994.

Фролов Б.П. Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии 1813–1814 годов. М., 2011.

Чимаров С.Ю. Русская православная церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота, 1800–1917 гг.: дис. ...док. ист. наук. СПб., 1999.

1812. «Освобождение России от нашествия неприятельского»: уроки истории и вызовы современности: сб. докл. М., 2013.

Е.К. Posazhennikova

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

FEATURES OF MODERN NAPOLEONIC STUDIES

The article highlights and discusses the features of modern Napoleonic studies. The substantive differences of historical works dedicated to Napoleon are determined. The author comes to the conclusion that the latest historiography, breaking the classical Soviet foundations, makes a significant contribution to the historical science and Napoleonic studies of the 21st century.

Keywords: Napoleon Bonaparte, the latest historiography, features, Napoleonic studies, Patriotic War, 1812.

Н.Д. Коновалова
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургский гос. ун-т

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА I В ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

Смерть императора Александра I является одним из самых мифических и нераскрытых событий в истории России. Во-первых, проанализировав записи о болезни Александра I, можно заметить некоторые несовпадения и противоречия. Во-вторых, существует большое количество слухов о причине смерти императора, которым не уделялось должного внимания ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях. По всей Европе циркулировали разговоры о том, что причиной болезни и смерти императора являлся климат, в котором он провел последние месяцы своей жизни. Во Франции ходило мнение, что Александра погубил грязный воздух и болотистая местность, а не инсульт. Изучение слухов может позволить с совершенно другой стороны взглянуть на то или иное событие, найти новые причинно-следственные связи и составить картину общественного мнения. Таким образом, целью представленной работы является изучение информации о болезни и смерти Александра I во французских периодических изданиях.

Ключевые слова: Александр I, междоусобица, Федор Кузьмич, периодическая печать, история медицины.

Последний год своей жизни император находился на юге России. Болезнь его супруги Елизаветы Алексеевны стала причиной переезда в Таганрог. Как только здоровье императрицы улучшилось, Александр I принял решение отправиться в Крым. В ночь с 27 на 28 октября 1825 г. у него начался жар и озноб. После возвращения в Таганрог 5 ноября 1825 г., здоровье императора начало ухудшаться с каждым днем. Простуда, подхваченная в Севастополе, переросла в лихорадку и несла за собой ухудшение всего состояния здоровья. К 15 ноября 1825 г. надежды на выздоровление не осталось.

Н.К. Шильдер ставил под сомнение совет врачей отвезти Елизавету Алексеевну на лечение в Таганрог: они больше склонялись к Франции или Южной Италии [Шильдер 1898, с. 349]. Однако, сама Елизавета Алексеевна

была против отъезда за границу [Николай Михайлович, вел. кн. 1914, с. 328]. В.В. Барятинский также считал, что Таганрог был выбран Александром I самостоятельно [Барятинский 1913, с. 15]. Побережье Азовского моря славящееся и поныне своими ветрами, снежными заносами, стужами вообще не соответствует рекомендациям врачей. Такого же мнения придерживался и Великий князь Николай Михайлович: выбор Александром I Таганрога климатическим курортом поразил всех [Николай Михайлович, вел. кн. 1914, с. 328].

А.Е. Пресняков считал, что Александр I отправился на побережье Азовского моря из своих личных побуждений. Он искал удовлетворение и покой вдали от столицы, пытался отойти от управления страной [Пресняков 1924, с. 188].

К.В. Кудряшов утверждал, что болезнь Александра I началась после поездки на побережье Крыма в конце октября 1825 г. [Кудряшов 1990, с. 7]. Это подтверждает и Елизавета Алексеевна, которая писала своей матери 8 ноября 1825 г., что «радость о сего возвращения была отравлена для меня простудой, каковую столь легко получить в жарком климате, где вечера отличаются изрядной свежестью» [Елизавета и Александр... 2013, с. 125]. После 4 ноября 1825 г. состояние императора с каждым днем становилось хуже. Я.В. Виллие констатировал у императора полное развитие лихорадочного сильного пароксизма [Шильдер 1898, с. 373]. Среди прочих симптомов, выделяемых другими историками, К.В. Кудряшов также говорит о развивающейся у императора глухоте и частых обмороках [Кудряшов 1990, с. 8].

М.П. Рэй упоминала, что «заболевая все сильнее — настолько сильно: что врачи заподозрили у него тиф, — посещая больных солдат, император долго, до самого 14 ноября, отказывался лечиться, хотя его состояние заметно ухудшилось» [Рэй 2013, с. 415]. Действительно, Александр I в течение первых двух дней после поездки в Крым отказывался лечиться, о чем свидетельствуют записки Я.В. Виллие и Д.К. Тарасова. Хотя у Александра I и имелись все симптомы тифа (затяжная лихорадка, усталость, головная боль, диарея, тошнота и боли в области живота), но ни в 1825 г., ни сейчас эта болезнь не рассматривается как причина смерти императора. К тому же в XIX в. в России не наблюдалось вспышек тифа. Тем не менее, когда состояние Александра I было уже критическим, он согласился принять помощь врачей [Там же].

Т.В. Андреева и Л.В. Выскочков в исследовании о смерти Александра I обращались к заключениям советских и современных врачей. Авторы делают вывод, что смерть Александра I точно не была вызвана «специфической формой горячки», как считал Великий князь Николай Михайлович. Также «отзывы медиков и патологоанатомов, полученные в нач. XX в., позволяют

утверждать, что император скончался не от тифа или малярии (“крымской лихорадки”)» [Андреева, Выскочков 2016, с. 262]. Современные врачи также называют кровоизлияние в мозг, инфекционную болезнь с септическим вариантом течения, острую кишечную инфекцию, обострение раннее имевшейся в стадии ремиссии трофической язвы.

Работая с источниками о болезни Александра I, можно обнаружить большое количество противоречий и несовпадений: «Утром 18 ноября князь Волконский пишет, что император хорошо провел ночь. Виллие, с другой стороны, писал: “Ночь с 17 на 18 была плохой. Я боюсь, что все это может обернуться к худшему”» [Strakhovsky 1945, p. 34]. Скорее всего, это происходило потому, что и П.М. Волконский, и Я.В. Виллие, и Д.К. Тарасов вели записи одновременно в нескольких форматах (письма, дневники, мемуары), и, таким образом, освещая одно и то же событие, могли попросту перепутать даты. Оснований утверждать, что какие-либо записи были сделаны *post factum* — нет.

Таким образом, историки в основном считали, что основной причиной смерти императора была простуда, которая переросла в сильнейшую лихорадку и сопровождалась высокой температурой и ознобом. Решение посетить Таганрог и Крым для лечения Елизаветы Алексеевны принадлежит лично Александру I. Российские врачи изначально рекомендовали другие регионы, с более мягким и теплым климатом. Историки не пришли к обоснованному выводу о причине выбора Таганрога Александром I. Плохая погода в Таганроге и Крыму являлась первопричиной заболевания Александра I и его дальнейшей смерти.

Дореволюционные и советские историки, исследуя последние дни жизни Александра I, опирались в основном на письма Елизаветы Алексеевны и И.И. Дибича, а также на записи П.М. Волконского, Я.В. Виллие и Д.К. Тарасова. Однако, работая с ценными воспоминаниями медиков, историки изучали документы поверхностно, поэтому мифы и слухи вокруг смерти Александра I продолжали циркулировать. Современные историки провели более детальный анализ документов личного происхождения, привлекали к исследованиям современную медицину.

Французские периодические издания практически каждый день публиковали все новости об Александре I. Иностранная пресса была более свободна в своем содержании, чем, например, Российская, за выпусками которой под конец царствования Александра I следили на государственном уровне. Поэтому такого рода источники являются ценными: поток информации фактически никак не обрабатывается, не исправляется «сверху» и не теряет свой первоначальный посыл.

Первые сведения, появившиеся во французских периодических изданиях, относятся к 18 декабря 1825 г.: «В немецкой литературной газете

La Feuille de Conservation “... наследник престола, великий князь Николай, брат императора, родился 25 июня (6 июля) 1796 года...” [Journal des Débats... 1825/12/18], «Сэр, все газеты писали о восшествии на престол России императора Константина I» [Le Moniteur universel, 1825/12/24.]

Иными словами, когда в Европе еще не было достоверной информации о болезни императора, периодические издания уже начали вести рассуждения и искать сведения о том, кто займет российский престол в случае смерти Александра I.

Далее к концу декабря начинают появляться первые подробности о причине смерти Александра I. Самой распространенной версией во французской прессе была российская природа. Считалось, что болотистая местность Азовского края, окутанная миазмами и туманами, стала причиной болезни [Journal des Débats... 1825/12/22].

Однако были и совсем далекие от реального хода дел слухи: «И, однако, вот что публикует одна английская газета... и что осмеливаются повторять либеральные газеты: “Император Александр погиб насильственной смертью... Около пяти лет назад ... Константин вступил в заговор против власти своего брата”» [La Quotidienne, 1825/12/26]. Подобные слухи ходили по всей Европе: «Европейские газеты, запоздало обсуждающие новость о смерти Александра и приписывающие эту странную смерть в Таганроге возможному царевубийству...» [Потапова 2017, с. 117]. Обращаясь к политической обстановке во многих странах Европы, в то время на фоне революционных волнений в Испании, Латинской Америке, Неаполе и Греции, можно сделать вывод о том, что такие слухи о смерти монарха создавались лишь для определенных людей: революционно настроенных и тех, кто, наоборот, поддерживал режим абсолютный или ограниченной монархии. В первом случае это делалось для того, чтобы показать уязвимость императоров, подать какой-то пример и призвать к действию недовольных оппозиционеров. Во втором случае о насильственной смерти монарха писали с целью внушить ужас и неприязнь к произволу и насилию, чтобы предотвратить подобное в своей стране.

«Мы вновь подробно рассказываем подробности болезни: отказ от всякой медицинской помощи, проявившийся бред, во время которого император пытался срывать все синапизмы, которые у него были, больше не оставляли надежды» [Journal des Débats... 1825/12/25]. Синапизмы или другим языком горчичники, как правило, используют при профилактике простудных заболеваний, ОРВИ и пневмонии. То есть, к концу декабря во французских периодических изданиях появляется одна из версий болезни — простуда. Промозглый климат довольно распространенное суждение о России среди иностранцев, тем более у французов. Поэтому простуда или даже воспаление легких могло бы стать вполне ожидаемой причиной смерти. ОРВИ, как

правило, сопровождается повышением температуры тела, которую в то время было проблематично понизить, а пневмония, тем более воспалительная имела лишь небольшое количество способов лечения.

С 27 ноября у императора начала прогрессировать воспалительная лихорадка [Journal des Débats...1825/12/26]. Воспалительная лихорадка не является следствием повышения общей температуры тела. Фактически все инфекционные болезни вызывают лихорадку, но наиболее вероятными являются инфекции верхних и нижних дыхательных путей (например, воспалительная пневмония, которая могла быть вполне вероятна у императора, по мнению французской общественности, так как несколько ранее писалось о большом количестве ядовитых миазмов и туманов), либо же желудочно-кишечные инфекции (холера, брюшной тиф, гепатит).

Также присутствовали слухи о том, что болезнь императора была довольно продолжительной и началась задолго до поездки. То есть, климат и местность никак не могли явиться причиной смерти Александра I: «когда 17 ноября Император Александр прибыл в Таганрог, у него уже была лихорадка. Эта лихорадка, которая стала нервной и воспалительной, и к которой присоединилась боль в горле...» [Journal des Débats...1825/12/26].

Таким образом, можно сделать вывод, что сама фигура Александра I являлась достаточно важной во Франции и во всей Европе. В ведущих французских периодических изданиях любые сведения о российском императоре публиковались на первых страницах практически каждый день. С другой же стороны, согласно характеру публикаций о состоянии здоровья Александра I европейское сообщество в первую очередь было обеспокоено несколькими действующим российским императором, а скорее его преемником.

Тот же самый вывод можно сделать, основываясь на том, что обилие абсолютно разной информации, которая публиковалась изо дня в день, никак не проверялась и не опровергалась. Инфекционные заболевания, простуда, гепатит, лихорадка, насильственная смерть — вокруг каждой из этих болезней выстраивалась своя версия смерти, не подтвержденная информацией из России. Первые сведения о болезни императора появились в выпуске от 18 декабря 1825 г., а новость о смерти Александра I — 23 декабря 1825 г. То есть, все версии и слухи между 18 декабря 1825 г. и 23 декабря 1825 г. — являются лишь домыслами и рассуждениями. Здесь можно делать вывод о действительной заинтересованности французской общественности состоянием здоровья. Однако уже спустя три дня после смерти фигура Александра I фактически перестает вызывать интерес у периодических изданий. Далее в основном публикуются любые известия, связанные с престолонаследием и междуцарствием.

Подводя итоги, следует отметить, что и французские периодические издания, и отечественные историки полагали, что Александр I, ранее не стра-

давший серьезными заболеваниями, заболел и умер из-за погоды в Таганроге и Крыму. Российские исследователи эпохи Александра I в своих работах также отмечали несоответствия и странные стечения обстоятельств поездки Александра I и Елизаветы Алексеевны на побережье Азовского моря, но, тем не менее, никак не развивали эти мысли в своих работах.

В ведущих французских периодических изданиях любые сведения о российском императоре публиковались на первых страницах практически каждый день. С другой же стороны, согласно характеру публикаций о состоянии здоровья Александра I европейское сообщество в первую очередь было обеспокоено несколько действующим российским императором, а скорее его преемником. Историки не могли правильно оценить характер заболевания и поэтому в своих оценках шли за слухами французской прессы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Елизавета и Александр. Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826. М., 2013.

Journal des Débats politiques et littéraires. 1825/12/18, 22, 25, 26.

La Quotidienne. 1825/12/26.

Le Moniteur universel. 1825/12/24.

Андреева Т.В., Выскочков Л.В. Утомление жизнью или уход: Александр I. 1825 г. Новые материалы // Петербургский исторический журнал. 2016. Вып. 4 (32).

Бяратинский В.В. Царственный мистик (Император Александр I — Федор Кузьмич). СПб., 1913.

Кудряшов К.В. Александр I и тайна Федора Козьмича. М., 1990.

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: опыт исторического исследования. Пг., 1914.

Потапова Н.Д. Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017.

Пресняков А.Е. Александр I. Пг., 1924.

Рэй М.П. Александр I. М., 2013.

Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898.

Strakhovsky L.I. Alexandr I's Death and Destiny // The American Slavic and East European Review. 1945. Vol. 4. № 1/2.

N.D. Konovalova

Saint Petersburg (Russia)

Saint Petersburg State University

THE ILLNESS AND DEATH OF ALEXANDER I
IN FRENCH PERIODICALS' DISCOURSE

The death of Emperor Alexander I is one of the most mythical and unrevealed events in Russian history. Firstly, after analyzing the Alexander I's disease records one can notice some mismatches and contradictions. Secondly, there are many rumors about the cause of the death of the emperor, which have not been given due attention either in local or in foreign studies. Gossips throughout Europe circulated that the cause of the emperor's illness and death was the climate in which he spent the last months of his life. In France, it was believed that Alexander was killed by dirty air and marshland, and not by a stroke. The study of rumors can allow to look at an event from a completely different perspective, find new causal relationships and form a picture of public opinion. Thus, the purpose of the presented work is to study information about the disease and death of Alexander I in French periodicals.

Keywords: Alexander I, interregnum, Fyodor Kuzmich, periodical press, medical history.

Вэй Синь

Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

**ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО
САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В ПОЭЗИИ Н.А. НЕКРАСОВА
(К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТВОРЧЕСТВА Н.А. НЕКРАСОВА
В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ)**

Проблема аксиологии некрасовской поэзии, системы ценностей, лежащей в ее основе, является одной из наиболее актуальных в современных исследованиях. Для последних десятилетий характерно стремление к пересмотру устоявшихся представлений о Н.А. Некрасове как исключительно о «демократе», «революционном поэте», поставившем свою поэзию на службу борьбе за «светлое будущее» народа. Безусловно, имеющие под собой основания, такие представления в настоящее время производят впечатление как крайне узкие, не соответствующие подлинному содержанию некрасовского творчества, не способные дать надежную почву для его подлинного глубокого понимания. В публикациях, посвященных недавно завершившемуся некрасовскому юбилею, показано, что такие представления по-настоящему вредны, становятся серьезным препятствием даже в такой, казалось бы, вполне идеологически нейтральной области, как текстология Н.А. Некрасова [Макеев 2021, с. 27–38]. В данной статье мы обращаем внимание на ту систему ценностей, которая присутствует в творчестве Н.А. Некрасова.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов, поэзия, аксиология, философия Ф.В.Й. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегель, И.Г. Фихте.

В поэзии Н.А. Некрасова присутствует консистентная система ценностей, основанная на неизменных базовых ценностях, неотъемлемая от поэзии Н.А. Некрасова независимо от того, по каким соображениям она была изначально принята. В настоящей статье мы стремимся показать, что и система взглядов и присущая ей аксиология, унаследованная Н.А. Некрасовым, прежде всего, конечно, от В.Г. Белинского и «возглавляемого» им круга либеральных западников, сложна и богата, а размышления над ней порождают не только «революционную поэзию», смысл которой сводится к набору лозунгов, но сложную насыщенную поэтическую рефлексию.

Прежде всего, следует отметить, что в задачу нашего исследования не входит реконструкция этой аксиологической системы в ее полноте. В центре внимания оказывается только одно понятие — нравственное самосовершенствование. Выбор именно его обусловлен не только важностью этого понятия для художественной мысли Н.А. Некрасова, но и особенным местом этого концепта в любой моральной системе, местом, которое до некоторой степени можно назвать центральным.

Другая причина — значимость данной идеи для поэзии Н.А. Некрасова. Речь идет не только о количественном присутствии этого мотива (произведений, историю героев которых можно охарактеризовать как историю совершенствования, очень много и все они привлекут наше внимание). Разделяя концепцию Б.О. Кормана о «ролевом» характере поэзии Н.А. Некрасова [Корман 1978, с. 98], мы при этом не можем не акцентировать внимание именно на понятии «лирика». Вопреки многим голосам, называвшим некрасовскую поэзию «дидактической» (среди таковых были и А.В. Дружинин, и С.С. Дудышкин, и А.А. Григорьев, и В.П. Буренин), мы присоединяемся к мнению В.В. Гиппиуса, выдвинувшего концепцию особой биографичности некрасовской поэзии [Гиппиус 1966, с. 225]. Некрасов не является простым дидактиком, излагающим нравственные поучения в стихотворной форме (подобно А.П. Сумарокову или, если брать более близкий пример — Г.Р. Державину). Он в первую очередь сильный лирик, показывающий мир человеческой души. Нравственные ценности входят в его поэзию в первую очередь через переживание их героями стихотворений и поэм. Эти герои (как Влас из одноименного стихотворения или лирический герой стихотворения «Я за то глубоко презираю себя...») [Макеев 2007, с. 9–21] переживают свое отпадение от высших ценностей, судят себя или оправдывают свои проступки, обещают себе и читателям встать на путь совершенствования или уже находятся на этом пути и тем самым утверждают непреложность для человека этих ценностей. Именно поэтому идея нравственного самосовершенствования является едва ли не самым подходящим «ключом» к пониманию некрасовской аксиологии, аксиологии, проявляющейся в форме сильной лирической или лиро-эпической поэзии.

Для этого, мы оставляем за собой право делать выбор текстов наиболее репрезентативных, наиболее характерных для иллюстрации того или иного решения проблемы нравственного самосовершенствования, волновавшей Н.А. Некрасова. Материалом для анализа стала вся поэзия Некрасова кроме произведений, входящих в сборник «Мечты и звуки» (и написанные в его духе, как, например, «День рождения»), и текстов, написанных по заказу (например, «Юность Ломоносова», «Федя и Володя» и им подобные, написанные в 1839–1841 гг.).

При этом если разделение на жанры для целей нашего исследования представляется малозначимым, то существенно важную роль играет тематическое деление: необходимо разделить стихотворения и поэмы, в которых на первом плане образ человека круга самого Н.А. Некрасова — представителя образованного сословия, и стихотворения, где описывается нравственный духовный мир крестьянина, человека из народа.

В понимании общих аспектов и принципов поэтики Н.А. Некрасова мы принимаем концепцию «ролевой лирики» Б.О. Кормана [1978, с. 98] и представления об особом автобиографическом устройстве его поэзии, развернутые в работах Л.Я. Гинзбург [1997, с. 197] и В.В. Гиппиуса [1966, с. 225]. Понимание общей связи литературы и аксиологии, характерного для русской литературы XIX в. соединения нравственного и эстетического начал мы черпаем из взвешенных, лишенных агрессивной идеологичности работ В.Е. Хализева [2005, с. 5–7]. В понимании самого «устройства» аксиологической системы, структуры нравственных ценностей, определяющей характер идеи нравственного самосовершенствования, мы опираемся в первую очередь на работу М.С. Макеева [1999, с. 178], в которой, перерабатывая, с одной стороны, концепции «дискурсивных формаций» М. Фуко [1994, с. 356], с другой — проблематика «социологии знания», как она представлена в трудах К. Манхейма [1994, с. 219].

Проведенный анализ поэтического творчества показал, что проблематика пути самосовершенствования играет в нем важную роль, представляя собой едва ли не центральный смыслообразующий элемент.

Мы постарались показать, что Н.А. Некрасов усвоил от В.Г. Белинского и его единомышленников не только «революционную» систему моральных ценностей, основанную на радикальном отрицании общественно-политической «действительности», которая сложилась у великого критика и его круга на последнем этапе идейной эволюции (на котором Н.А. Некрасов и присоединился к этому кругу, став своего рода учеником В.Г. Белинского), но и те этапы, через которые В.Г. Белинский и его единомышленники прошли ранее.

Эти этапы основаны на разных способах отношения к действительности и соответственно на разных представлениях о требуемом для человека, желающего обрести смысл жизни, прожить жизнь, стоящую проживания, пути самосовершенствования. Их можно условно охарактеризовать как: «шеллингианский» (позиция незаинтересованного художника, созерцающего мир с эпическим спокойствием и равно приемлющего все его явления); «фихтеанский» (путь эскапизма, погружения в свой внутренний мир, полного абстрагирования от социальной действительности); «гегельянский» (разумное принятие наличной действительности, примирения с нею как с в свою очередь «разумной» и даже в случае ее несовершенства представ-

ляющей собой закономерный и неизбежный этап в осуществлении абсолютной гармонии и порядка); «революционный» (основанный на радикальном неприятии действительности как несправедливой и нуждающейся в безотлагательном и тотальном переустройстве).

Мы показали далее, что если для В.Г. Белинского первые три типа отношения к действительности располагаются в диахронии, как пройденные, пережитые этапы, каждый из которых был отброшен, поглощен следующим, воспринимающийся как ложный, связанный с заблуждением, то в случае Н.А. Некрасова все эти типы не потеряли своей силы и воздействия. Они в произведениях поэта располагаются в синхронии, как совсем не утратившие привлекательности и по-прежнему возможные для выбора.

Мы высказали, объясняющую эту ситуацию гипотезу, согласно которой Н.А. Некрасов не прошел самостоятельно указанного пути, не пережил последовательно эти этапы, не имел возможности в них разочароваться и испытать к ним ненависть и презрение, характерные для отношения В.Г. Белинского к его прежнему взглядам, всегда характеризовавшимся как пагубные и постыдные заблуждения.

То же относится и к «революционному» взгляду на действительность и порождаемому им типу самосовершенствования, в основе которого лежит воспитание себя для подвига-жертвы ради построения справедливого мира. Если В.Г. Белинский не просто пропагандировал, но прямо воплощает такую революционную позицию, то Н.А. Некрасов наблюдал ее со стороны. По этой причине возникает еще один, пятый, тип отношения к действительности. Это позиция человека развитого и благородного, гуманного, способного видеть зло в мире и не желающего с этим злом мириться, принимающего до некоторой степени разные способы ухода от этого зла, разные способы борьбы и исправления этого зла.

Этим обусловлена сложность нравственной системы, лежащей в основе некрасовской поэзии, делающей ее не системой ясных пропозиций, но тем, что мы называем вслед за М.С. Макеевым «проблемным полем», где базовые ценности, сохраняясь постоянно, одновременно складываются в разные логические смысловые конфигурации, не столько агитируя читателя за принятие какой-то моральной системы, сколько заставляя задуматься над теми принципами, которые лежат в ее основе.

Как мы показали, поэзия Н.А. Некрасова в основном посвящена изображению самосовершенствования человека из народа, представителя другого мира, иного нравственного универсума. В своих «народных» произведениях Н.А. Некрасов создает то же проблемное поле со сходными проблемами. При этом эти проблемы могут решаться сходным образом, а могут иначе, могут быть столь же настоятельно требовать разрешения, а могут оказаться незначимыми, нерелевантными. Вопросы, не поддающиеся решению

в сложном и противоречивом мире образованного человека, могут находить легкие решения в простом и ясном народном мире.

В свою очередь, эта гомология придает видимое единство и органичность всему художественному миру Н.А. Некрасова, основанному на единстве базовых ценностей, единстве нравственных проблем, с которыми сталкивается любой человек на пути своего самосовершенствования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.; СПб., 1981–2000.

Гинзбург Л.Я. О лирике. М., 1997.

Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966.

Корман Б.О. Лирика Некрасова. Ижевск, 1978.

Макеев М.С. Некрасовская текстология в XXI веке: проблемы нового научного издания стихотворений Н.А. Некрасова в серии «Новая библиотека поэта» // Русская литература. 2021. № 4.

Макеев М.С. О «странности» и «искренности» стихотворения Н.А. Некрасова «Я за то глубоко презираю себя...»: экономический подтекст лирического произведения // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2007. № 6.

Макеев М.С. Спор о человеке в русской литературе 60–70 гг. XIX века. Литературный персонаж как познавательная модель человека. М., 1999.

Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М., 2005.

Wei Xinyi

Moscow (Russia)

Lomonosov Moscow State University

THE PROBLEM OF MORAL SELF-IMPROVEMENT IN THE POETRY OF N.A. NEKRASOV (TO THE INTERPRETATION OF N.A. NEKRASOV'S WORK IN THE AXIOLOGICAL ASPECT)

The problem of the axiology of N.A. Nekrasov's poetry and the system of values underlying it is one of the most relevant in contemporary studies. Recent decades have been characterized by a tendency to revise established conceptions of N.A. Nekrasov as an exclusively "democrat", a "revolutionary poet", who placed his poetry at the

service of the struggle for a “bright future” for the people. Certainly, there are grounds for this view, but at the present time it makes an impression as extremely narrow, not corresponding with the true content of N.A. Nekrasov’s work, not capable of providing a reliable basis for a truly deep understanding of it. The publications devoted to the recently concluded N.A. Nekrasov anniversary show that such perceptions are truly harmful, becoming a serious obstacle even in such a seemingly quite ideologically neutral field as N.A. Nekrasov’s textology. So, in this article, we focus on the value system that is present in N.A. Nekrasov’s work.

Keywords: N.A. Nekrasov, poetry, axiology, Schelling’s philosophy, G.W.F. Hegel, I.G. Fichte.

Е.В. Охотникова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ДВИЖЕНИЕ ТОЛСТОВЦЕВ В ОТЧЕТАХ ОБЕР-ПРОКУРОРА СИНОДА К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

Данная работа описывает движение толстовцев сквозь призму отчетов обер-прокурора Святого Синода К.П. Победоносцева.

Ключевые слова: отчет, К.П. Победоносцев, Святой Синод, толстовцы.

Сведения об истории толстовского движения можно почерпнуть в отчетах К.П. Победоносцева — обер-прокурора Святого Синода.

Первое упоминание о толстовцах в отчете К.П. Победоносцева относится к 1886 г. В нем говорится о полемике, которую подняли разные лица против идей Л.Н. Толстого. К.П. Победоносцев в своем отчете называет Л.Н. Толстого «самозванным учителем» [Пругавин 2020, с. 179], а также в рамках сообщения о полемике профессора Волкова против Л.Н. Толстого он называет статью «В чем должна заключаться истинная вера человека» мнимо-евангелистским текстом и пишет, что это «совершенное извращение Евангелия». Также К.П. Победоносцев считает идеи Л.Н. Толстого ересеучением.

В отчете за 1887 г. он пишет, что «под влияние ложных учений попали особенно два села Крапиевского уезда» [Там же, с. 184]. К.П. Победоносцев называет распространение толстовских идей «пропагандой пашковского учения» по названию секты имени Пашкова.

В отчете за 1887 г. К.П. Победоносцев указывает на негативные черты Л.Н. Толстого, его расточительность. Также К.П. Победоносцев пишет о том, что Толстой не может так, как раньше помогать крестьянам, потому что его старшие сыновья стали ограничивать его расточительность и следить за крестьянами, чтобы они не совершили проступки против его ответственности и не воровали.

В рамках своего отчета о пропаганде идей Л.Н. Толстого обер-прокурор сообщает, что старшие сыновья не желали, чтобы в отчетах упоминалось их отношение к отцу.

В отчетах за 1890 и 1891 гг. К.П. Победоносцев сетует на то, что пропаганда Л.Н. Толстого была «усиленной до назойливости» [Там же, с.186].

В отчетах за 1892 и 1893 гг. он упоминает Л.Н. Толстого лишь в рамках сообщения о штунде. Про проповедь их К.П. Победоносцев пишет, что «проповедуют свои самоизмышления в духе учения графа Толстого» [Там же, с. 186], а также добавляет, что вопросы, которые поднимаются в их проповедях, могут разрешиться на религиозной почве, но в духе социализма.

В отчете за 1898 г. К.П. Победоносцев сообщает о крайне вредном влиянии движения толстовцев. Он называет это движение социально-нигилистическим. Обер-прокурор пишет: «Сюда прежде всего нужно отнести проникновение в народно-сектантскую среду идей социально-нигилистического направления и проповеди, так называемого «Толстовства» [Там же, с. 187–188], лжеучение которого характеризуется вредным противохристианским догматизмом и противогосударственными воззрениями». Также в отчете за этот год в рамках открытия типографии в Лондоне он упоминает об одном толстовце Владимире Черткове, признанном лидером толстовства как общественного движения. Газету он называет «газеткой “Братский листок”». Про издание К.П. Победоносцев пишет, что оно «занимается русским сектанством и наветами на православную церковь и правительственную власть». Также обер-прокурор отмечает роль Л.Н. Толстого в публицистической деятельности этой газеты, а именно, что данный мыслитель «возглавляет каждый выпуск своей резкой критикой учения о жизни православной Церкви, а равно действий русский властей».

В 1899 г. К.П. Победоносцев пишет о влиянии Л.Н. Толстого и его последователей на духоборов.

В отчете за 1900 г. он видит в движении толстовцев (и штунды) опасного врага русской православной Церкви, называет эти движения рационалистическим сектанством и добавляет, что в этом сектанстве есть своевольная мысль и гордое самомнение.

В рамках отчета о штунде он пишет о «опасном религиозно-социальном влиянии учения графа Толстого». И добавляет, что это учение «к сожалению становится достоянием народной массы» [Там же, с. 192]. К.П. Победоносцев сообщает о широком распространении толстовства в Харьковской, Воронежской, Курской, Полтавской, Киевской, Екатеринославской губерниях и на Кавказе. Он жалуется на широкое влияние толстовства на сектантское население, а также на проникновение идей Л.Н. Толстого в православную среду.

К.П. Победоносцев пишет о том, что крестьяне могли воспринять только его социально-коммунистические чаяния, но не философскую сторону из-за непонимания ее. Также он считает, что «преступные деяния закавказских духоборов-постников, выразившихся в противодействии их правительственным требованиям, явились прямым результатом усвоения духоборами

упомянутой практической стороны толстовства» [Там же, с. 194]. К.П. Победоносцев считает, что ничего нет религиозного в толстовстве, только лишь протест против религии. В качестве примера обер-прокурор пишет, что толстовцы отрицают непорочное зачатие Иисуса Христа, а заявляют о «естественном» рождении Господа Иисуса Христа, о «недостовренности» многих мест Евангелия» [Там же, с. 194].

В отчете за 1901 г. К.П. Победоносцев пишет о распространении «лжеучения», очагами чего которого являются: Харьковская, Курская, Воронежская, Полтавская, Киевская губернии и Кавказ. К.П. Победоносцев сообщает и о том, что пропагандируются идеи Л.Н. Толстого «в духе секты» через книги и брошюры. Он отмечает, что толстовцы глумятся над православием, совершают кощунства над святынями, оскорбляют религиозные чувства православных.

В отчетах за 1903–1904 гг. К.П. Победоносцев упоминает их только в рамках перечисления «сект рационалистического и мистического характера», а также приводит в пример таблицу «зараженности той или иной епархии рационалистическим и мистическим сектанством» [Там же, с. 199]. В этой таблице показана распространенность толстовства в 7 епархиях: Воронежской, Екатеринбургской, Киевской, Полтавской, Харьковской, Херсонской и в Грузинском экзархате. Но о количестве последователей он не может привести данные из-за скрытности и притворства «своим собственным всем сектантам».

Отчеты за 1905 г. отсутствуют, в виду увольнения с должности К.П. Победоносцева.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах: очерки, воспоминания, материалы. М., 2020.

E.V. Okhotnikova

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

THE TOLSTOYAN MOVEMENT IN THE REPORTS OF THE SYNOD'S CHIEF PROSECUTOR K.P. POBEDONOSTSEV

This work describes the Tolstoyan movement through the prism of the reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod, K.P. Pobedonostsev.

Keywords: report, K.P. Pobedonostsev, Holy Synod, Tolstoyans.

О.А. Моисеева
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургский гос. ун-т

ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ И МИДА С КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ ПАТРИАРХОМ ИОАКИМОМ IV

После назначения К.П. Победоносцева обер-прокурором Св. Синода начинает проводиться единая совместная внешняя политика Синода и МИДа на Балканском направлении. Отношения между Петербургом и Константинополем во время патриаршества Иоакима IV в 1884–1886 гг. постепенно охлаждаются вследствие действий Вселенского патриарха, который «специально» вызывает недовольство России. Впрочем, Св. Синод не спешит предпринимать каких-либо серьезных шагов для отстаивания собственных позиций на Балканах. В данной статье будут рассмотрены ключевые этапы проведенных патриархом Иоакимом мероприятий, вызвавших негодование со стороны российских правящих кругов, а именно возобновление канонического общения с Карловацким патриархом, признание автокефалии Румынской церкви, признание Сербским митрополитом Феодосия (Мраовича), бракоразводный процесс четы Горчаковых.

Ключевые слова: Константинопольский патриарх Иоаким IV, Российский Синод и МИД, Сербская церковь, автокефалия Румынской церкви, бракоразводный процесс Горчаковых, К.П. Победоносцев, протест.

После прорусски настроенного или, по крайней мере, лояльно относившегося к России Константинопольского патриарха Иоакима III на его место избирают Иоакима IV, уроженца о. Хиос и племянника по матери Вселенскому патриарху Иоакиму II Коккодису. Вынужденный уход Иоакима III, связанный с очередным противостоянием между членами Св. Синода и Смешанного совета по поводу прав Церкви, сильно расстроил российские правящие круги, в том числе и ввиду уже налаженного дипломатического контакта. С новым патриархом отношения Российского МИДа и Синода, действовавших в едином политико-дипломатическом русле, практически сразу стали напряженными.

1 октября 1884 г. на патриарший престол был возведен Иоаким IV. Уже 20 октября митрополит Санкт-Петербургский Исидор от лица Российской церкви написал поздравительную телеграмму, которая была передана через российского посла в Константинополе А.И. Нелидова [РГИА. Ф. 797. Оп. 54. 2 отд. 3 ст. Д. 308, л. 1–7об.]. Отдельное поздравительное послание было написано Св. Синодом в конце декабря 1884 г. и также передано патриарху через Нелидова [Там же, л. 11–12об.]. За небольшой период своего патриаршества (два года) Иоаким своими действиями вызвал крайнее неодобрение России, демонстрируя папистские наклонности в междуцерковных отношениях. Известный византист и «помощник» обер-прокурора К.П. Победоносцева И.Е. Троицкий считал, что Иоаким «пытался играть роль византийского папы» [Герд 2006, с. 66]. В дополнении к «папистической тенденции» Вселенского патриарха наблюдалась и симпатия к папству. Еще будучи митрополитом в 1883 г., он встречался с папой Львом XIII, когда был в Италии, а после вступления на патриарший престол обменялся визитами с папским нунцием в Константинополе, такая дипломатическая игра впоследствии вызвала католическую пропаганду в Македонии в 1885 г. [ЦГИА. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 165, л. 9–11] и усилила ее в Румынии в 1886 г. [РГИА. Ф. 797. Оп. 56. 2 отд. 3 ст. Д. 188, л. 1–7]. Однако никаких серьезных успехов римско-католическая пропаганда не достигла.

Первая демонстрация папистических наклонностей и обозначение антироссийской политической направленности своего патриаршества проявились в мирном послании к Синодам автокефальных церквей, где Иоаким предлагал им «обращаться к нему в случаи возникновения у них каких-либо затруднений, чего не предлагалось автокефальным митрополитам» [Герд 2006, с. 64]. Такое подчеркнутое различие в грамотах, направленных Синодам и митрополитам, вызвало замешательство в российских правящих кругах и было расценено как неуважение к Российской церкви, явная демонстрация первенства Константинополя в православном мире, которой он фактически не обладал. Событие не прошло мимо русской церковной периодики, которая прокомментировала действия патриарха следующим образом: «Патриарх считает синодальную форму церковного управления низшею сравнительно с патриаршей и желает держать себя относительно ее несколько покровительственно» [Церковный вестник 1885. № 2, с. 21–22].

Вызвало негодование в России и следующее действие патриарха Иоакима, а именно возобновление канонического общения с Карловацким патриархом, с которым Российская империя не поддерживала общения ввиду непризнания такой церковной организации. Демарш со стороны Иосифа создавал проблему образования «антироссийской коалиции православных государств под эгидой Австрии (через Карловицкого митрополита) [Герд

2006, с. 66]. Ухудшалось положение тем, что политика Австро-Венгрии в отношении России в данный период носила довольно агрессивный характер, происходила политико-дипломатическая борьба за преобладание и покровительствующие начала на Балканах. Впрочем, за короткий патриарший срок Иоакиму и Австро-Венгрии не удалось достичь желаемого.

Необходимо рассмотреть и признание автокефалии Румынской православной церкви в 1885 г. Иоакимом. Еще в 1865 г. Румыния без согласования с Константинопольским патриархом самостоятельно провозгласила автокефалию своей церкви и передала управление Генеральному национальному Синоду. Константинопольский патриарх выразил несогласие и попросил духовной помощи в этом вопросе у Российского Синода, который в своем послании указывал, что «желание румынского правительства сделать автокефальной свою Церковь законно и естественно» [Скурат 2012, с. 116], но из-за превышения полномочий светской власти, в том числе незаконной церковной конфискации имущества, считает неканоничным избрание Румынского митрополита и не признает автокефалию Румынской церкви. После получения известия о даровании томаса Румынской церкви Россия не поддержала изменение межцерковных отношений на Балканах, обосновав это тем, что изначально действия Румынии были незаконны, и необходимо заново избирать митрополита [РГИА. Ф. 797. Оп. 55. 2 отд. 3 ст. Д. 160, л. 1–14]. Однако вмешиваться в дела другого патриархата Российский Синод не стал.

Еще один негативный отклик со стороны правящих кругов России патриарх Иоаким получил вследствие признания неканонического избрания предстоятеля Сербской церкви Феодосия Мраовича. Если мы окунемся в предысторию этого конфликта, то король Милан Обренович стал вмешиваться в церковную политику, ему пытался противостоять русский ставленник митрополит Михаил, который не принимал нововведений и препятствовал австрофильскому курсу государства. За что был в 1881 г. провозглашен бунтовщиком и изгнан из страны, политическое убежище ему предоставила Россия. В 1883 г. был выбран новый Сербский митрополит Феодосий (Мраович), которого в сан посвящал Карловицкий патриарх [Православное обозрение 1883. Ч. 2, с. 254–255]. По церковным канонам это посвящение было незаконным, во-первых, потому что на митрополичью кафедру Феодосий был поставлен не собственными архиереями, а Карловацким патриархом, а во-вторых, Белградская митрополия не входила в церковно-территориальную юрисдикцию Карловацкого патриархата. Однако, несмотря на неканоничность избрания в 1885 г., Константинопольский патриарх Иоаким признает Феодосия митрополитом Сербским, чем и было вызвано недовольство России. Впрочем, со стороны Российского Синода не было предпринято серьезных действий по восстановлению Михаила митрополитом, офи-

циально Св. Синод продолжал придерживаться политики невмешательства в дела других церквей, проводимой обер-прокурором К.П. Победоносцевым [РГИА. Ф. 797. Оп. 55. 2 отд. 3 ст. Д. 92, л. 4–6].

И, наконец, последнее негодование, которое вызвал Иоаким у России, связано с бракоразводным процессом княжеской четы Горчаковых. Это прямое вмешательство в дела Российского Синода, подчеркивание первозначимости Константинополя в православном мире, подорвало авторитет Русской церкви и привело к очередному политико-дипломатическому охлаждению между Петербургом и Константинополем.

Мария Михайловна Горчакова, урожденная Стурдза, жена Константина Александровича Горчакова (младший сын известного канцлера А.М. Горчакова) 3 января 1886 г. обратилась к Константинопольскому патриарху с просьбой о разводе на основании нарушения ее мужем супружеской верности. До этого М. Горчакова в сентябре 1885 г. подала иск о разводе в Петербургскую консисторию, однако, из-за неявки князя на слушания, дело оказалось в подвешенном состоянии. Скрыв факт незавершенности дела в консистории, Горчакова обратилась в Константинопольский Синод, задействовав значительные денежные средства, где иск был принят [РГИА. Ф. 797. Оп. 56. 2 отд. 3 ст. Д. 84, л. 33–34 об.]. Некоторые члены Константинопольского Синода возражали против развода, т.к. К.А. Горчаков — подданный другого государства со своей автокефальной церковью, в юрисдикцию которой они не имеют право вмешиваться. Однако, патриарх Иоаким своей волей 27 февраля 1886 г. утвердил развод на основании византийского права и «того обстоятельства, что брак был заключен в стране, не относящейся ни к одной из автокефальных Церквей» [Герд 2006, с. 67]. Российский посол Неливов узнал о бракоразводном процессе Горчаковых только после решения дела и сразу отправил в МИД депешу, в которой писал, что Россия в данной ситуации может либо открыто выступить в «препирачество и борьбу с Великой церковью, либо допустить создание в Константинополе церковно-судейского центра, в котором отныне будут решаться на основании личных интересов всевозможные семейные дела» [РГИА. Ф. 797. Оп. 56. 2 отд. 3 ст. Д. 84, л. 2–7 об.]. В Российском Синоде эта ситуация вызвала негодование, это расценивалось как прямой вызов России. Таким образом, своим решением Иоаким поставил под угрозу дружественные отношения с Петербургом. Информация о деле развода просочилась в прессу, произошел международный скандал. Министр иностранных дел Н.К. Гирс в своем письме К.П. Победоносцеву высказывал опасения в сложившейся ситуации, он писал, что Горчаков собирается подавать протест в Константинополе, ему недостаточно непризнания акта в России, т.к. княгиня может вступить в новый брак, а это поставит под угрозу имущественные права будущих наследников князя [Там же, л. 29–30]. До конца мая

российское посольство выражало только устное недовольство, которое ни к чему не привело, вследствие чего К.П. Победоносцев был вынужден отправить письменный протест патриарху о том, что он не имел права давать разрешения на развод [АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2922, л. 12–13 об., 27]. Патриарх Иоаким продолжать стоять на своем. Ввиду широкой огласки дела о разводе Горчаковых, высокородности и высокопоставленного положения князя Горчакова Св. Синод направляет Иоакиму еще один письменный протест в августе 1886 г., на который патриарх отвечает «в духе византийских понятий о первенстве Константинопольского престола в православном мире» [Герд 2006, с. 69]. На этом закончилось препирательство Петербурга и Константинополя, Российский Синод так и не принял акт о разводе, патриарх Иоаким остался при своем мнении. Отношения между двумя Церквями ухудшались.

Осенью патриарх Иоаким заболел и был вынужден подать в отставку 14 ноября 1886 г., вскоре после оставления патриаршеского престола он скончался. Перед тем, как уйти, Иоаким составил отчет о своем двухлетнем управлении Церковью, «что было расценено в Петербурге как признак ненормальности церковных дел; ведь никто из его предшественников таких отчетов не представлял» [Герд 2006, с. 70]. Российская сторона была рада такому стечению событий, необходимо было выправлять отношения с Константинопольским патриархом, восстанавливать свое церковное влияние на международной арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архив внешней политики Российской империи [АВПРИ]. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2922.

Православное обозрение. Ч. 2. М., 1883.

Российский государственный исторический архив [РГИА]. Ф. 797. Оп. 54. 2 отд. 3 ст. Д. 308.

РГИА. Ф. 797. Оп. 55. 2 отд. 3 ст. Д. 92, 160.

РГИА. Ф. 797. Оп. 56. 2 отд. 3 ст. Д. 84, 188.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга [ЦГИА]. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 165.

Церковный вестник. 1885. № 2.

Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.

Скурат К.Ф. История Поместных Православных Церквей. Киев, 2012.

*O.A. Moiseeva**Saint Petersburg (Russia)**Saint Petersburg State University*

RELATIONS OF THE RUSSIAN CHURCH AND FOREIGN MINISTRY
WITH THE PATRIARCH OF CONSTANTINOPLE JOACHIM IV

After the appointment of K.P. Pobedonostsev chief prosecutor Sv. The Synod begins to conduct a joint foreign policy of the Synod and the Foreign Ministry in the Balkan direction. Relations between Petersburg and Constantinople during the patriarchate of Joachim IV in 1884–1886. Gradually cooled down due to the actions of the Ecumenical Patriarch, which «specially» causes discontent of Russia. However, St. The Synod is in no hurry to take any serious steps to defend its own positions in the Balkans. This article will discuss the key stages of the events held by Patriarch Joachim, which caused indignation by the Russian ruling circles, namely the resumption of canonical communication with the Patriarch of Karlovy Vak, recognition of autocephaly of the Romanian Church, Recognition by the Serbian Metropolitan Feodosija (Mrakovic) of the Gorčakov couple's divorce.

Keywords: Constantinople Patriarch Joachim IV, Russian Synod and Ministry of Foreign Affairs, Serbian Church, Autocephaly of the Romanian Church, Gorčakov's divorce, K.P. Pobedonostsev, protest.

Д.Е. Окишев
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

МОНЕТЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ УДМУРТОВ 2-й ПОЛОВИНЫ XVIII — СЕРЕДИНЫ XIX в.

Исследование нумизматического материала, имеет большое значение для понимания социокультурных и экономических изменений, происходивших среди удмуртов в период их вовлечения в общероссийские цивилизационные процессы. В статье рассмотрены монеты из удмуртских могильников нового времени. Анализ состава монет позволяет говорить о двух хронологических периодах, на которые приходилось максимальное выпадение монет в захоронения — это сер. XVIII и 1-я пол. XIX в. Автором предложено несколько объяснений установленным фактам.

Ключевые слова: археология, Новое время, удмурты, погребальный обряд, монеты.

Нумизматический источник дает важнейшие сведения о различных сторонах истории конкретного общества, уровне его развития, торговле и экономических связях, мирных сторонах жизни и катастрофах, месте денег в системе ценностей и т.д.

На сегодняшний день на археологической карте Удмуртии известно более 100 могильников XVI–XIX вв. [Шутова 1992, с.6]. Среди тех, что изучены раскопками (около 80), 25 датированы в рамках XVIII–XIX вв. Основу данного исследования составили коллекции монет 9 удмуртских могильников XVIII–XIX вв. В ходе сравнительного анализа стало очевидно, что из общей выборки выделяются 5 могильников — Шарканский, Большеволоквский, Чужьяловский, Узей-Туклинский и Ош-Юмьинский — с наибольшим количеством монет и максимально схожим составом, поэтому в дальнейшем работа была сконцентрирована на изучении указанных коллекций. В случае с первыми двумя могильниками основными источниками послужили научные отчеты Е.М. Черных и сами монеты, хранящиеся в архиве Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии; по трем остальным данные опубликованы Н.И. Шутовой [Шутова 1992, с.157–169].

Объединяет данные могильники, помимо датировки, принадлежность удмуртам, погребальный обряд, ассортимент находок. Для сравнения были также использованы материалы Кайсагуртского, Большедокьянского II, Чабьровского, Ципьинского могильников.

Шарканский могильник (Шарканский район УР). Спасательные археологические работы были проведены в 2019 г. силами Камско-Вятской археологической экспедиции УдГУ под руководством Е.М. Черных. Всего изучено 42 погребения с 66 костяками; 96 монет происходят из 37 могил [Черных 2019].

Большеволковский «Вужшай» могильник (Вавожский район УР). Известен с 1936 г. В.А. Семеновым вскрыто 2 погребения в 1966 г. В 1977 г. еще 1 погребение было изучено О.В. Вотяковой. В 2020 г. в ходе спасательных археологических раскопок часть территории могильника изучена под руководством Е.М. Черных. Было исследовано 49 погребений. Найдены 124 монеты: из них 84 происходят из 28 погребений, еще 40 монет были собраны с поверхности, из разрушенных при строительных работах могил [Черных 2020].

Чужьяловский могильник (Вавожский район УР). Впервые упомянут А.П. Смирновым в 1936 г.; в 1988 г. И.Ю. Пастушенко в ходе разведочных работ была найдена 1 монета [Пастушенко]. В этом же году Н.И. Шутовой исследованы 23 погребения. Монеты (21 экз.) происходят из 11 погребений [Шутова 1992, с.161].

Узей-Туклинский могильник (Увинский район УР). В 1983 г. Н.И. Шутовой и Л.А. Наговицыным изучены 39 погребений, содержащих 44 костяка. Монеты (75 экз.) происходят из 29 погребений, а также из сборов с поверхности (44 экз.) [Шутова 1992, с. 162–165].

Ош-Юмьинский могильник (Кукморский район РТ). В 1982 г. Т.И. Останиной вскрыты 2 погребения; в 1987 г. Н.И. Шутовой — еще 33. 44 монеты происходят из 15 погребений, еще 6 — из сборов с поверхности [Шутова 1992, с.169].

Таким образом, в 5 анализируемых позднеудмуртских могильниках исследовано 120 погребений с находками 321 монеты; еще 91 монета — это находки из разрушенных захоронений. Необходимо сказать, что не все 412 монет проанализированы, 112 монет в силу разных обстоятельств не поддаются датировке. Важно заметить, что в коллекциях анализируемых могильников также присутствуют монеты-имитации, изготовливавшиеся из олова или свинца.

В зависимости от характера использования монет в погребальном обряде, нумизматический материал можно разделить на две группы. Первая — монеты в составе украшений. Как правило, это серебряные деньги с пробитыми отверстиями, что следует рассматривать как безусловный факт их использования не в качестве платежного средства. Среди таковых — «чешуйки», монеты номиналом 5, 10, 15, 25 копеек, гривенники (48 экземпляров; 11% от общего кол-ва монет). Они найдены в составе головных или

нагрудных украшений женщин и девушек. Этнографически хорошо известно, что монеты часто служили удмуртам в качестве украшения-оберега [Белицер 1951; Лебедева 2008, с. 30].

Второе назначение монет в погребении расценивается как элемент собственно погребального ритуала/обряда — это приношения в дар покойнику в процессе захоронения. В большинстве случаев это медные монеты различного номинала: полушка, деньга, одна, две копейки и др. Таких монет 312, что составляет примерно 75% выборки. Медные монеты отверстий не имеют; встречаются в разных частях могилы, в основном в области головы, черепа (30%), в области плеч и груди (35%), реже в области таза (17%) или ног (16%).

Общий хронологический диапазон монет с 1721 по 1870 гг. При этом в указанном диапазоне статистически выделяются два пика выпадения монет. Первый приходится на время правления Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.), второй — на царствование Павла I и Александра I (1796–1825 гг.) [Орлов 1994, с. 80–82]. Чем можно объяснить такое распределение монет в удмуртской крестьянской среде? Почему монеты именно этих годов чеканки оказывались в могилах? Почему именно эти монеты в большинстве случаев помещались в погребения?

В ходе исследования было выдвинуто несколько гипотез:

1. Первая гипотеза непосредственно связана с использованием кладбища: в указанные периоды кладбище могло использоваться более интенсивно, т.е. людей хоронили чаще. Иными словами, если смертность в сер. XVIII в. была более высокой, то и людей было захоронено больше, соответственно, монет также выпадало больше. Стоит заметить, что монеты помещались в могилу с умершим не сразу же в год чеканки; какое-то время монета использовалась в обществе как платежное средство.

2. Причиной увеличения количества денег у удмуртов в данные периоды могло быть связано со строительством крупных заводов — Воткинского (1759) и Ижевского (1760) и, как следствие, более активным вовлечением местного населения в товарно-денежные отношения. Аналогичное объяснение напрашивается и для второго периода выпадения монет — в правление Павла I и Александра I. В 1807 г. был основан Ижевский оружейный завод. Расчеты с местным населением велись в деньгах, возможно, их «не жалко» было поместить в погребение. Важно понимать принципиальное отличие таких находок от монетных кладов: когда «дарят» монету покойнику подразумевается, что никто ее уже из могилы не достанет, т.е. человек понимал, что навсегда расстанется с этой монетой.

3. Третья гипотеза более подходит для монет 1-й пол. XIX в. Причиной увеличения количества монет в удмуртских погребениях мог являться некоторый возврат к прежним языческим традициям после Указа Екатерины II о веротерпимости. Известно, что этот указ, изданный в разгар массовых

выступлений инородцев Российской империи в период «пугачевщины», хоть и предназначался для внутреннего использования, повлек за собой отказ от методов насильственной христианизации.

4. Четвертое объяснение вытекает из соображений экономического порядка. Перевес описываемых монет мог объясняться изменениями в финансовой системе.

Дело в том, что с 1718 г. в стране начинают выпускаться медные монеты по 40-рублевой медной стопе, т.е. из пуда меди чеканились 40 руб. (при цене на медь около 8 руб.). Большая разница в стоимости сырой и «обмонеченой» меди привело к всплеску фальшивомонетничества. Особую проблему вызывала 5-копеечная монета, нарицательная стоимость пятаков примерно в 5–6 раз превышала стоимость меди на рынке. Изготовлением фальшивых денег занимались не только частные лица, но и монетные дворы других государств, для последующего «вброса» монет на территории России. К 1730 г. таких монет было выпущено на 3,2 млн. руб., количество фальшивых монет оценке не поддается! Уже в правление Анны Иоанновны государство принимает меры для выкупа легковесной 5-копеечной монеты, с последующей ее переплавкой по новой, сначала 10-, а потом по 8-рублевой стопе и перечеканкой в 1 коп. Начиная с 1744 г. покупательная способность 5-копеечных монет законодательно снижалась, достигнув к 1755 г. 2-х коп. Население всеми силами пыталось избавиться от такой ненадежной монеты [Юхт 1994, с. 9–56, 110; Федотов 2010, с. 7–15].

Проще говоря, 5 коп. «внезапно» превратились в 1 коп. Монета «Деньга» (равнялась половине коп.) также потяжелела. В период правления Елизаветы Петровны именно эта монета чеканилась в большом количестве. «Деньга» чаще всего встречается в погребениях удмуртов, она считалась вполне себе хорошим даром умершему. В погребениях нач. XIX в. номинал большинства монет — 1 коп. или 2 коп., что напрямую связано с потерей их ценности и веса. Уже при Екатерине II медную стопу снова увеличили до 16-рублевой, а затем уже до 32 руб. из пуда меди. Иными словами, если в сер. XVIII в. достаточно было положить в могилу «Деньгу» (полкопейки), то в нач. XIX в. покойнику дарили уже 2 коп.

Безусловно, нельзя рассматривать только одно из предположений как единственно верное. Отвечая на вопрос, почему монеты, чеканенные в период царствования Елизаветы Петровны, а затем в период правления Павла I и Александра I, массово оказываются в удмуртских погребениях, я бы остановился на совокупности факторов, объясняющих наблюдаемое явление. Это и строительство заводов, и, как следствие, заметный рост денежного обращения на территории Удмуртии, и более интенсивное использование могильника, и все это во взаимосвязи с финансовым положением в стране. Твердую точку в этом вопросе ставить еще рано.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Пастушенко И.Ю. Отчет об археологических исследованиях в Пермском, Кунгурском, Березовском, Кишертском районах Пермской области и Вавожском районе Удмуртской АССР в 1988 году // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф. 2. Д. 279.

Черных Е.М. Отчет о спасательных археологических работах (наблюдение и раскопки) в селе Шаркан Шарканского района Удмуртской Республики весной — летом 2019 г. (выявленный объект культурного наследия «Шарканский могильник») // Архив Института истории и культуры народов Приуралья (ИИКНП). Ф. 2. Д. 661.

Черных Е.М. Отчет проведении спасательных археологических работ (наблюдение и раскопки) в границах земельного участка, отведенного под объект «Средняя общеобразовательная школа в д. Большое Волково Вавожского района Удмуртской Республики» весной-летом 2020 г. (выявленный объект культурного наследия Большеволокский могильник «Вужшай») // Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 677.

Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу. М., 1951.

Лебедева С.Х. Удмуртская народная одежда. Ижевск, 2008.

Орлов А.П. Монеты России 1700–1917. Каталог-справочник. Минск, 1994.

Федотов А.В. Развитие денежного обращения в России // Вопросы региональной экономики. 2010. Т. 3. № 3.

Шутова Н.И. Удмурты XVI — первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск, 1992.

Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994.

D.E. Okishev

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

OLD COINS IN THE BURIALS OF THE UDMURTS
OF THE SECOND HALF OF THE 18th — MID 19th CENTURIES

The paper considers coins from the Udmurt burial grounds of the 18th–19th centuries. The study of numismatic material is of great importance for understanding the socio-cultural and economic changes that took place among the Udmurts during their involvement in the all-Russian civilizational processes. The analysis of the composition of coins allows us to talk about two chronological periods, which accounted for the mass loss of coins in burials — the middle of the 18th century and the first half of the 19th century. The author offers several explanations for the established facts.

Keywords: archeology, modern times, Udmurts, burial grounds, coins.

Д.А. Калугина
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

**ОБЪЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО
НАЗНАЧЕНИЯ XVIII — НАЧАЛА XX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК
НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ Г. САРАПУЛА)**

В статье рассмотрены разные типы объектов хозяйственного назначения, которые были обнаружены на Красной площади г. Сарапула в ходе археологических спасательных работ 2017 г. Был проведен анализ местоположения объектов, их функциональных особенностей и дана датировка объектов по находкам внутри них. Выделяются два основных типа ям: выгребные ямы и погребя.

Ключевые слова: Сарапульское поселение, объекты хозяйственного назначения.

Первое упоминание поселения на месте современного Сарапула встречается в нескольких документах: в писцовых книгах И.И. Яхонтова (1579 г.) и А. Палицына (1596 г.). В 1616 г. Сарапул — «уже населенный пункт, на который ходили войною восставшие башкиры, татары, чуваша и другие инородцы» [Сарапул 1987, с. 14]; в 1621 г. назван селом Вознесенским на Сарапуле. Первоначальные границы села определялись естественным ландшафтом: с севера — Старцева гора, с востока — Кама, с юга — озеро Сырое, с запада — склон возвышенности, покрытый глухим лесом. В сер. XVII в. строится деревянная крепость [Блинов 1887, с. 17]. Внутри нее имелись 3 церкви, кладбище и присутственные места. За стенками крепости располагались жилые постройки. К концу XVIII в. крепость приходит в упадок. Старое кладбище закрывается.

В 1780 г. по указу Екатерины II Сарапул получает статус города. Происходят изменения в топографии города. В 1784 г. утвержден первый генеральный план города Сарапула; по нему улицы были ориентированы параллельно и перпендикулярно Каме. Центром города была Соборная площадь, получившая форму прямоугольника и названная так по Вознесенскому собору, возведенному в кирпиче в 1776 г. Соборная площадь того времени выполняла роль административного, религиозного, культурного и торгового

центра. При перепланировке поверхность мыса, на котором прежде располагалась крепость, подверглась нивелировке, что подтверждается наблюдениями в ходе археологических раскопок. Исследованные в 2017 г. могилы к северу от собора фиксировались близко к поверхности, шли сразу после вскрытия асфальта; часть могил оказалась разрушена [Перевозчикова, с. 44]. Южный овраг постепенно засыпается. Вдоль южного и восточного склонов мыса в 1812 г. пленными французами начато строительство каменных торговых рядов. Одновременно эти ряды выполняли роль подпорной стены препятствующей оседанию грунта [Курочкин 2017, с. 13]. Лавки торговых рядов сдавались в аренду купцам и мещанам для ведения торговли. По характеру кирпичной кладки и кирпичей Н.Л. Решетников сделал вывод, что южная часть рядов возведена в нач. XIX в., а восточная — в 1850-е гг. [Решетников 2008, с. 45]. В западной части площади были построены деревянные торговые лавки.

В советское время Вознесенский собор был снесен, торговые ряды пришли в упадок. На месте восточных рядов строятся корпуса Сарапульского радиозавода.

Археологические работы на площади были начаты Н.Л. Решетниковым в 1997 г. На территории центрального сквера им обнаружены остатки мостовой конца XIX в., погреб — предположительно XVII–XVIII вв. В 2002 г. Сарапульское поселение было поставлено на учет как выявленный объект археологического наследия. В 2006 г. была обследована кладка Вознесенского собора, тогда же были обнаружены два погребения, относящиеся к кладбищу [Перевозчикова, с. 17]. Масштабные археологические спасательные работы на Красной (Соборной) площади были проведены в ходе благоустройства 2017 г., при реализации проекта «Камский берег».

На площади 9 тыс. кв. м были выполнены наблюдения в стенках коммуникационных траншей и раскопки обнаруженных неповрежденных участков. Эти работы позволили обнаружить интересные объекты, относящиеся к повседневной жизни купеческого Сарапула. В траншеях были зафиксированы как очертания могильных ям, так и хозяйственных объектов. Четыре объекта (№ 1–4) были изучены в восточной части Красной площади, где ранее располагались здания восточных торговых рядов. Еще один объект (№ 5) выявлен в северо-западной части площади, в траншее рядом с ул. Раскольникова. Объекты № 6 и № 7 были зафиксированы в южной части площади: ближе к ул. Труда и близ ул. Раскольникова.

Объекты № 1–4 имели общие черты: ориентированы в ряд по линии С–Ю, прямоугольная в плане форма, внутри — деревянные ящики, сколоченные из досок шириной 20 см и толщиной 2 см, при помощи железных кованых гвоздей. По размерам объекты различаются: № 2 — 5,2х2,7 м, № 3 — 4х1,7 м, № 4 — 3,2х2 м. В яме № 1 найдены кости животных;

гончарная посуда: поливные кринки, горшки, миски и кружка; три фрагмента фарфоровых кружек, на одной из них на дне имелось синее клеймо товарищества Д.Ф. Кузнецова, фрагменты фаянсовых тарелок; стеклянные бутылки и фрагменты керосиновых ламп. В ямах № 2–4 были найдены фрагменты глиняных изразцов с белой поливой и зеленым растительным орнаментом по краю, костяная белая игровая шашка, глиняная баночка-«помадница», фрагменты винных и водочных бутылок, ручки от крышек кувшинов, ножки от бокалов, маленькие туалетные флаконы из прозрачного и коричневого стекла. Также найдены фрагменты фарфоровой посуды: чайных чашек и блюдец, орнаментированных растительным и геометрическим узорами, с клеймами товарищества Д.Ф. Кузнецова [Перевозчикова, с. 29]. Судя по материалу, заполнение ям отложилось в посл. трети XIX — нач. XX в., то есть напрямую связано с бытованием Торговых рядов.

Объект № 5 зафиксирован в виде темного пятна в поселенческом слое. В его границах найдено большое количество фрагментов неполивных гончарных сосудов (горшков) и глиняных голосников. Восточнее этого объекта был обнаружен ряд вертикально поставленных бревен [Перевозчикова, с. 45]. Вероятно, бревенчатая конструкция являлась углубленным в грунт основанием деревянных торговых лавок, зафиксированных на фотографиях нач. XX в. Само пятно не имеет явных функциональных признаков, что не позволяет точно сказать, чем являлся данный объект (был законсервирован). Вероятно, объект был связан с существованием на данном месте присутственных мест, изображенных на ранних картах Сарапула. С учетом наличия большого количества голосников возможно, что объект был как-то связан с Вознесенским собором.

Объект № 6 (законсервирован в ходе работ) представлял собой остатки деревянного настила, являвшегося верхней частью деревянного ящика шириной 1,6 м [Перевозчикова, с. 74]. Предположительно, на указанном месте располагался деревянный дом, а обнаруженная конструкция была погребом.

Объект № 7 зафиксирован в культурном слое как скопление большого количества изразцов, в основном, с изображением птиц. Изразцы датированы концом XVII–XVIII в. [Перевозчикова, с. 77]. Интерпретация этого объекта затруднена.

Таким образом, можно говорить о двух типах хозяйственных объектов, изученных на территории Красной площади. В ее восточной части зафиксированы объекты с остатками деревянных дощатых конструкций, датированные посл. третью XIX — нач. XX в.; это были выгребные ямы, связанные с восточными торговыми рядами. Объекты в западной части площади сохранились лишь в виде скоплений находок в культурном слое Сарапульского поселения. С точностью говорить об их функциональном назначении пока невозможно, в силу недостаточной изученности. Стратиграфически

они совпадают со временем функционирования кладбища и относятся к более раннему этапу истории города.

Несомненно, более планомерные археологические раскопки на территории Красной площади дадут еще много нового и интересного для изучения данной темы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Перевозчикова С.А. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на выявленных объектах археологического наследия «Сарапульское поселение» и «Сарапульский могильник» при строительстве объекта «Туристско-рекреационный кластер «Камский берег». Удмуртская Республика. 1 очередь г. Сарапул» весной — осенью 2017 г. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 690.

Сарапул. Документы и материалы. 1596–1985. Ижевск, 1987.

Блинов Н.Н. Историко-статистическое описание Сарапульского уезда, Сарапула, Ижевского и Воткинского заводов. Сарапул, 1887.

Курочкин М.В. Сарапульский классицизм. Архитектура Прикамья. Ижевск, 2017.

Решетников Н.Л. Топография старого Сарапула. Сарапул, 2008.

D.A. Kalugina

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

HOUSEHOLD OBJECTS OF THE 18th — EARLY 20th CENTURIES, FROM THE EXCAVATIONS ON THE RED SQUARE OF THE CITY OF SARAPUL

The article discusses different types of household objects that were discovered on the Red Square of Sarapul during the archaeological rescue work in 2017. An analysis of their type, functional features was carried out and the dating of objects was given according to the finds inside them. There are two main types of pits: cesspools and cellars.

Keywords: Sarapul settlement, cellars, cesspools.

Т.Б. Хаммиев
г. Ашхабад (Туркменистан)
Туркменский гос. ун-т им. Махтумкули

РАЗВИТИЕ ОХОТЫ В ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ (2-я ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.)

После создания Закаспийской области у русских и бухарских торговцев большим спросом пользовались шкуры хищных животных. По свидетельству туркменских охотников, крупные хищники обитали в труднопроходимых районах Копетдага, а также в густых лесах у рек Сумбар, Этрек, Теджен и на Бадхызских холмах. После образования Закаспийской области с основанием сел, городов в предгорьях, хищники отступили из этих районов в труднодоступные ущелья гор. В результате расчистки зарослей и лесов при строительстве Закаспийской железной дороги в горы Северного Хорасана проникло множество диких животных.

Ключевые слова: Туркмения, Закаспийская область, Россия, охота, добыча, продукты охоты.

Одним из занятий туркмен на протяжении веков является охота. Глаза туркменских охотников были очень острыми. Им удавалось выследить любое животное с большого расстояния, из любого уголка природы: гор, равнин, джунглей, тростников. Они знали пещеры, долины, тропинки и повороты как свои пять пальцев. Опытный охотник никогда не сталкивался лицом к лицу с хищником. Он подбирался к своей добыче извилистыми дорогами и тропинками. Опытному охотнику удавалось поймать хищника с одного выстрела. Туркмены никогда не тратили стрелу зря, они брали добычу на мушку и поражали цель с одной стрелы.

Во многих случаях, для маскировки, охотник носил одежду серого, желтого, зеленого цветов, похожих на цвет почвы или цвет гор. Выйдя на охоту, они брали с собой хлеба и немного муки. Из муки выпекался хлеб. Человек, охотившийся много лет, мог несколько дней обходиться без воды. Он проявлял выносливость, просто прополоскав рот [Закаспийская область 1901, с. 94].

И.Ф. Бларамберг в сер. XIX в. был удивлен, что люди, живущие на побережье Каспия, даже охотятся на различных птиц с помощью палок.

Он отметил, что осенью у берега моря много разных птиц [Аннанепесов 1995, с. 121]. Русские авторы Г. Тебелов и В. Копытовский отмечали, что в сер. и 2-й пол. XVIII в. туркменские охотники встречались в Мангышлаке и эксплуатировали обилие дичи в пустынных районах Туркменистана [Аннанепесов 1972, с. 215].

Когда знаменитый путешественник Г. Радде вместе со своим помощником-препаратором А. Вальтером в 1887 г. переходил через барханную пустыню между реками Мургап и Теджен, он писал: «Это не преувеличение, если скажу, что видел около 1000 антилоп (джейранов) в течение чуть более часа охоты...». Далее в записи говорится, что зимой 1886–1887 гг. артель йолатанских охотников собрала в этих краях 7000 шкур джейранов, куланов и волков, в дополнение ко многим лисам [Türkmenistanda... 2007, с. 11].

Дж. Овезов считает групповую охоту частью охотничьего метода древних людей [Овезов 1976, с. 108]. Эта традиция, сохранившаяся в жизни наших предков и в нач. XX в., представляет собой способ организации хозяйственного ремесла. Туркмены создали хозяйственные объединения в земледелии и животноводстве, организованные на основе долевого участия. Совместная работа имела место в ковроткачестве, валянии, домостроении и многих других видах деятельности. Совместная работа — одна из характерных черт традиционного туркменского общества.

Охотники выходили на охоту группами или индивидуально. Обязательной формы организации охоты не существовало. В групповой охоте в Чендырском, Сумбарском районах принимали участие около 5–6 человек. Они заранее договорились, кто что должен делать во время охоты. Они выполняли указания руководителя — основного стрелка. Когда стрелок отправлялся на охоту со своими товарищами, он приказывал одной из групп подкрасться и припугнуть джейранов, птиц криком или ударом чего-нибудь твердого. Один из участников охоты оставался присматривать за лошадьми и готовить общую еду и чай. Согласно трудам Дж. Овезова, добыча охоты распределялась поровну между участниками групповой охоты [Там же, с. 107–108]. Даже когда их трое, и они вместе идут на охоту, опытный охотник идет посередине. Второй вел борзую, и шел он с правой или с левой стороны. Третий следовал сзади, он отвечал за приготовление чая и еды. В качестве лидера группы выступал опытный охотник. Опытный охотник не получал дополнительной охотничьей добычи за это руководство [Язлыев 1985, с. 103].

В научной литературе отмечается, что в туркменском обществе мало профессиональных охотничьих династий, занимавшихся в основном охотой [Аннанепесов 1972, с. 215]. Однако в туркменском обществе были охотничьи семьи, которые всегда занимались охотой и передавали свою страсть и навыки из поколения в поколение.

Дж. Овезов отмечает, что у туркмен, живущих в долине Чендыр и среднем течении Сумбара, есть семьи, которые направляют свое поколение к охотничьей профессии. Отмечается, что охотники из группы Анна охотятся уже три поколения [Овезов 1976, с. 106]. В Йолатанском районе охотой занимались пять-шесть поколений [Язлыев 1985, с. 102]. М. Аннанепесов подчеркивает, что охотничьи навыки и традиции передаются из поколения в поколение [Аннанепесов 1972, с. 216].

По мнению А. Оразова, до конца XIX в. среди группы туркмен, занимавшихся животноводством, было мало охотников, живших только охотой. Но большинство из них совмещали охоту с другими отраслями хозяйства. Например, Джамер из селения Кариз, расположенного в предгорьях Великих Балкан, считался известным охотником. У него была ручная птица, борзая и лошадь. Но основной профессией Джамер Бая было наездничество и тренировка лошадей [Оразов 1995, с. 67]. Мастер Гулаш из села Узынсув помимо кузнечного дела считался известным охотником. У него было три ручных птицы и три борзых, лошадь для охоты. Охотник Кемал, живший в этом регионе, был также искусным кузнецом [Басилов 1973, с. 187].

Туркмены в основном охотились на водоплавающих птиц, лисиц, волков, шакалов, зайцев, а также на крупных хищников. На тигров, леопардов, гепардов и горных медведей специально не охотились, как отмечается в книге «Закаспийская область», изданной в 1901 г., но когда любой из вышеназванных хищников приближался к стадам, нападал на домашний скот или иным образом мешал человеку, то охотники охотились на них [Закаспийская область 1901, с. 92].

После создания Закаспийской области у русских и бухарских торговцев большим спросом пользовались шкуры хищных животных. По свидетельству туркменских охотников, крупные хищники обитали в труднопроходимых районах Копетдага, а также в густых лесах у рек Сумбар, Этрек, Теджен и на Бадхызских холмах. После образования Закаспийской области с основанием сел, городов в предгорьях, хищники отступили из этих районов в труднодоступные ущелья гор. В результате расчистки джунглей и лесов при строительстве Закаспийской железной дороги в горы Северного Хорасана проникло множество диких животных.

Согласно документам отчетного отдела Закаспийской области, в Мервском уезде была развита охота. Сотни охотников из районов Йолатан и Пенди каждую зиму отправлялись в пески, чтобы ловить капканами лис. Шкуры лис продавались бухарским и местным купцам. На самом деле, по данным 1884 г., 200 человек из групп Сукти и Алаша вышли на охоту и привезли 12 тыс. лисьих шкур. Удивительно, но эта вылазка была признана худшим охотничьим походом йолатанцев того года. Потому что до этого каждый год привозили в два раза больше шкур [ОЗО 1891, с. 126].

Сохранились сведения об охоте на барсов, леопардов, лисиц и шакалов охотниками Тедженского уезда. Но нет упоминания о количестве добытых животных и о том, сколько прибыли приносили их шкуры. В 1885 г. они построили огромную ловушку и успешно поймали трех леопардов. Один леопард был пойман на расстоянии 8 верст от Гаррибента, а два других — в 15 верстах. В 1889 г. приставство Пенди предупредило людей, чтобы они прекратили охоту, поскольку жители деревни считали охоту очень прибыльным занятием [ОЗО 1891, с. 126–127].

Согласно отчету 1891 г., «Гончие и ручные птицы преимущественно используются в охотничьем хозяйстве в приставствах Чекишлер и Йолатан. Охотники Чекишлера заготовили 10 118 шкур животных. Их общая стоимость составила 8162 рубля. Они собрали 3449 шкур птицы (стоимостью 265 рублей) и от 6 до 15 фунтов перьев и пуха (стоимостью 210 рублей). Кроме того, в течение года из Мервского уезда в Россию было доставлено 732 джейраньих шкуры и 14 274 лисьих шкуры (на сумму 16 000 рублей)» [ОЗО 1897, с. 259–261]. Отчеты об охоте за 1890 и 1893 гг. не сохранились.

В 1892 г. в Закаспийской области было заготовлено 35 000 шкур пойманных животных и около 5 000 шкур птиц (на сумму 30 000 руб.). Часть лисьих шкур отправили в Хиву. По охоте 1894 г. сохранились сведения только о добыче из Красноводского уезда. В Россию было отправлено 50 пудов пера домашней птицы (500 руб.) и 10 пудов пуха (1000 руб.), в том числе 2614 лисьих шкуры. Для продажи на своих рынках и в Хиве было заготовлено 6000 лисьих шкур (цена 10336 манатов) [ОЗО 1897, с. 259–261].

В 1894 г. в Санкт–Петербурге прошла Всероссийская выставка охотничьего искусства. В нем принимают участие туркменские сокольничьи Аманберди Гара и Сары Бердинияз из Закаспийского района с двумя соколами и туркменской борзой. Они были награждены почетной грамотой выставки [Сапармурадов, Эбердиев 1999, с. 22].

По отчетам 1896 г. от охоты на гусей, уток и гусей Чекишлерского приставства было получено около 2 200 руб. дохода от их перьев, пуха и шкуры. Также на тех же охотничьих угодьях было добыто 12 000 лисиц, 300 волков, 2 000 зайцев и 800 джейранов общей стоимостью около 13 000 руб. В Красноводском уезде было создано торговое представительство, закупавшее перья цапель, аистов и других птиц. Местные туркменские охотники были очень заинтересованы в продаже и реализации охотничьей продукции по высокой цене [ОЗО 1898, с. 73]. Потому что охота приносила доход их домашнему хозяйству.

В 1897 г. приморское население Красноводского уезда охотилось на птиц, а оседлое население и скотоводы Сумбарского района — на ценных пушных зверей. Охотники Мервского уезда (йолатанцы) отправились

на охоту на лис группой из 50 человек. Они получили прибыль, заготовив 15 000 шкур лисиц и песчаного кота [ОЗО за 1897 г., с. 98].

В 1903 г. охотники района Теджен — Серахс охотились с ружьями, ставили капканы, ловили на борзых. В отчете числилось 1960 лисиц (цена 2329 руб.) и 612 джейранов (цена 374 руб.) [ОЗО 1904, с. 147].

В 1905 г. охотниками Тедженского уезда было добыто: 288 волков (1 088 руб.), 2 леопарда, 4 996 лисиц (5 420 руб.), 704 песчаных кота (125 руб.), 475 зайцев (65 руб.), 932 джейрана (415 руб.), 57 кабанов и 23 кулана, они показали большие результаты по представлениям своего времени [ОЗО 1907, с.170]. Из отчетов видно, что охотники меньше охотились на кабанов. По мусульманским поверьям, их мясо не едят. На кабанов охотились охотники-немусульмане другой национальности и вероисповедания.

Сохранились записи, что в 1910 г. охотники в Закаспийской области мало охотились. Капканами и при помощи борзых было добыто 176 волков (352 руб.), 4 618 лисиц (9 109 руб.), 288 песчаных кошек (201 руб.), 157 зайцев, 1 742 джейрана, 101 кабан, 15 куланов [ОЗО 1911, с.102].

Во 2-й пол. XIX в. после присоединения территорий Туркмении к царской России, были достигнуты определенные успехи в охоте. В конце XIX в. развитие товарно-денежных отношений в Закаспийской области обусловило дальнейшее развитие охоты, где одними из основных товаров стали продукты охоты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 год [ОЗО]. Асхабад, 1891.
 ОЗО с 1890 по 1896 год. Асхабад, 1897.
 ОЗО за 1896 г. Асхабад, 1898.
 ОЗО за 1903 г. Асхабад, 1904.
 ОЗО за 1905 г. Асхабад, 1907.
 ОЗО за 1910 г. Асхабад, 1911.
 Обзор Закаспийской области за 1897 г. [ОЗО за 1897 г.]. Асхабад, 1898.
 Аннанпесов М. Түркменистаның тарыхындан материаллар (XVIII асыр – XX асырғың башлары). А., 1995.
 Аннанпесов М. Хозяйство туркмен в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1972.
 Басилов В.Н. Хозяйства западных туркмен-ёмудов в дореволюционный период и связанные с ним обряды и верования // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973.
 Закаспийская область. Асхабад, 1901.
 Овезов Дж. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад, 1976.
 Оразов А. Скотоводство у туркмен в XIX — начале XX вв. Ашхабад, 1995.

Сапармуратов Д., Эбердиев А. Ловчие птицы Туркменистана. Ашхабад, 1999.

Язлыев Ч. История и хозяйственное развития населения среднего Мургаба. Ашхабад, 1985.

Türkmenistanda awçylyk we balykçylyk. А, 2007.

Т.В. Номмуев

Ashgabat (Turkmenistan)

Turkmen State University named for Magtymguly

DEVELOPMENT OF THE HUNTING IN ZAKASPI REGION
(THE 2nd HALF OF THE 19th CENTURY — THE BEGINNING
OF THE 20th CENTURY)

In this article the informations about the development of the hunting economy at the 2nd half of the 19th century — the beginning of the 20th century is described. After creation of the Transcaspian Region the profits were gained also in hunting. Russian and Bukharanian merchants had strong desire to the leathers of wild animals. Due to the sayings of the turkmen hunters, big wild animals lived in the lands of Kopetdag where is difficult to reach and also in the thick forests at the edge of the Sumbar, Etrek, Tejen rivers. As the result of the establishment of the Transcaspian region with the creation of the villages and cities at the foothills of the mountains, wild animals went far away from there to the heart of the mountain places, valleys where is difficult to reach. As the result of the cutting woods, forests for building Transcaspian railway lots of wild animals stretched up to the mountains of the Northern Khorasan.

Keywords: Turkmen country, Zakaspi region, Russia, hunting products, prey.

М.А. Моммалиева
г. Ашхабад (Туркменистан)
Туркменский гос. ун-т им. Махтумкули

РАЗВИТИЕ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У ТУРКМЕН (2-я ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.)

В данной статье приводятся сведения о развитии скотоводства со времен освоения туркменских земель Россией. Основными скотоводческими районами были Мангышлакская, Балканская области и районы на юго-западной и юго-восточной окраинах Туркменистана. В XVIII–XIX вв. туркмены умели выявлять ценные породы скота и улучшать их. Они вывели прекрасных ахалтекинских и йомудских коней, выносливых одногорбых верблюдов, сторожевых алабаев и быстрого охотничьих собак и т.п. В отличие от оседлых, приморские районы, особенно побережье Каспия и предгорье Балканских гор, почти не имели крупного рогатого скота. Здесь внимание уделялось в основном стадам овец и верблюдов. Значение верблюжьего транспорта возросло с началом вторжения царской России в Туркменистан. Потребность в верблюдах очевидна при строительстве Закаспийской военной железной дороги. Также, наши предки использовали верблюдов в быту для сбора дров, перевозки воды, перевозки товаров при поездках в дальние места для торговли, а также для устройства шатров для свадеб. Во 2-й пол. XIX в. с оккупацией территорий Туркмении царской Россией, были достигнуты успехи в скотоводстве. Во-первых, установление колониальной администрации дало туркменам мирную жизнь. Они были спасены от нашествий соседних государств, притеснений и высоких налогов. Из-за давления соседних стран скот пастухов не вывозили на рынки больших городов и не продавали. В конце XIX в. развитие товарно-денежных отношений в Закаспийской области обусловило развитие скотоводства.

Ключевые слова: Туркмения, Россия, скотоводство, местные породы, товарные продукты.

В данной статье приводятся сведения о развитии скотоводческого хозяйства туркмен во 2-й пол. XIX — нач. XX в. Все районы Туркменистана имели благоприятные природные условия для ведения скотоводства.

В XIX в. туркмены наряду с земледелием занимались также охотой, рыболовством и добычей некоторых полезных природных ресурсов. Основ-

ными скотоводческими районами были Мангышлакская, Балканская области и районы на юго-западной и юго-восточной окраинах Туркменистана [Штейнберг 1934, с 9]. В то же время туркмены-кочевники, занимавшиеся скотоводством и охотой на диких животных, в зависимости от природных условий занимались и земледелием. Если хозяйства, занимавшиеся скотоводством, меняли страну по независящим от них причинам, они также переходили на земледелие в соответствии с природными условиями. Рыболовством, в основном, занимались туркмены, жившие на восточном побережье Каспийского моря.

В XVIII–XIX вв. на Мангышлаке проживала небольшая популяция туркмен, занимавшихся скотоводством. Они разводили лошадей, верблюдов и овец, но не заводили крупный рогатый скот. У мангышлакских туркмен было мало мелкого рогатого скота, лошадей и верблюдов, поэтому они занимались охотой, особенно на горных козлов [Аннанепесов 1972, с. 11].

В XIX в. туркмены Мангышлака разводили двугорбых и одногорбых верблюдов, лошадей, коз, калмыцких племенных овец и коров. «Особенно им нравились жирные овцы. Такие условия, как сухость пастбищ и достаточное количество соли, способствуют упитанности овец», — писал русский путешественник Гмелин. Однако в XIX в. поголовье скота у туркмен Мангышлака было действительно невелико, и «скотоводство оставалось очень незначительным».

В 80-х гг. XVIII в. было установлено, что около 3-х тыс. туркменских семей занимались скотоводством в районах Балканских гор. Они разводили многочисленных лошадей, верблюдов, овец и коз. Из-за нехватки корма для скота в летний период жившие здесь туркмены проходили 2–3-дневный путь от места жительства и переселялись в места, пригодные для их скота, а с приходом осени вновь переселялись в предгорья Балканских гор [Джикиев 1961, с. 63].

Часть северных туркмен, проживавших на территории Хивинского ханства, занималась скотоводством [Марков 1961, с 56–69]. В 30-е гг. XVIII в. поголовье их скота было очень велико, но уже в 70-е гг. оно значительно сократилось по сравнению с поголовьем соседних казахских племен. Завоевание Хорезма царем Недиром нанесло тяжелый удар по скотоводству северных туркменских племен. В результате этого грабительского нашествия «скотоводство полностью уничтожено» в Хивинском королевстве. После этого население Хорезма было вынуждено покупать скот у соседних казахских племен и народов, живших в Приаралье.

В нач. XIX в. большинство хивинских туркмен занимались земледелием, но и скотоводством «занимало очень важное место» в их жизни. Они разводили верблюдов, крупный и мелкий рогатый скот, овец, в том числе коз крупных пород.

В сер. XIX в. большинство туркмен жили в юртах и занимались и земледелием, и скотоводством [Мошкова 1953, с. 328]. Когда не было сельскохозяйственных работ, они следовали за своим скотом и временно кочевали в другие места. «Туркмены занимаются земледелием и животноводством, особенно лошаадьми. Многие из них, закончив с земледелием, ведут кочевую жизнь», — писал М.И. Иванин. Наряду со скотоводством северные туркмены успешно занимались земледелием.

В 1-й пол. XIX в. скотоводством (одновременно с земледелием) занимались не только хивинские, но и другие туркменские племена. Имеются сведения о том, что в эти времена в ряде других регионов, например, в Южном Туркменистане, разводили различные виды скота. Туркменские племена, жившие в Мерве и Саракхе, имели многочисленные стада верблюдов, овец и другого мелкого рогатого скота. В 1844 г., когда хивинские войска напали на салыров и сарыков, каждому воину хана досталось по 10–200, а некоторым даже по 300 верблюдов и многочисленных лошадей. Осенью 1846 г. хивинский хан пригнал из Мервского оазиса 2 тыс. верблюдов, 10 тыс. овец и 500 лошадей. В ноябре 1852 г. хивинские налетчики атаковали живших в Мерве сарыков, «напали на стадо со всех сторон, перебили всех пастухов и взяли около 40 тысяч верблюдов и около 80 тысяч овец и другого скота и направились к Хорезму». В результате нападения Мухаммеда-шаха на туркмен, проживавших в районе Этрека – Гургена, они потеряли 4 тыс. буйволов, 60 тыс. голов крупного рогатого скота, 10 тыс. кобыл, 500 тыс. овец и 20 тыс. верблюдов.

Эти факты свидетельствуют о том, что скотоводство играло важную роль в жизни туркмен. Однако эти факты также свидетельствуют о негативном влиянии грабительских нашествий соседних феодальных государств на развитие у туркмен не только земледелия, но и скотоводства.

В XVIII–XIX вв. туркмены опытным путем осваивали различные формы ведения скотоводства. Одной из наиболее распространенных форм скотоводства является отгонно-пастбищное, предполагающее сезонный выпас скота. При этом виде скотоводства кочевники 2–3 раза в год переезжали вместе со своими животными в поисках необходимого корма и воды. Такое перемещение стад с одного места на другое обычно осуществляли немногочисленные пастухи.

В отдаленных районах Туркменистана широко распространен метод пергона скота. Весной скот перемещался на луг, где женщины доили мелкий скот и готовили различные виды молочных продуктов, а летом возвращались на луг и держали скот в загонах и стойлах недалеко от села. Состоятельные хозяйства нанимали опытных пастухов для ухода за своим скотом, а хозяйства с малым поголовьем присоединялись к артелям и нанимали пастухов вместе. Пастухи получали от своих хозяев различные товары, в том

числе одежду и обувь. Пастуху обычно давали стадо в 500–800 голов. Если в стаде есть дойный скот, то его хозяин приходил на его пастбище на месяц и готовил из молока разные виды молочных продуктов и уносил их домой. В период размножения овец и коз они расплачивались с пастухами натуральным молоком. Каждую пятницу, то есть раз в неделю, пастуху давали молоко от всех дойных животных. Вот почему этих пастухов называли «анначи» («анна» — в переводе с туркменского «пятница»). К этой группе относились не только пастухи, но и их жены, дети и родственники, занимавшиеся дойкой скота богачей.

В XIX в. в Южном Туркменистане был широко распространен выпас скота в молочный период. Кочевники, посеявшие пшеницу, ячмень, обычно возвращались в свои села со своими стадами во время жатвы, где кормили свой скот разнообразными кормами и дикорастущими травами. Даже стабильные оседлые условия не мешали туркменам во время летнего кочевья перемещаться в горы и пустыни со своим скотом. Например, нохурские туркмены ежегодно переселялись в горные долины в конце мая, то есть после окончания полевых работ, и оставались там до середины августа, пока в садах не созревали фрукты и виноград. Но со временем в эти места стали переселяться только хозяйства, имеющие богарные поля [Аннанпесов 1995, с 65].

В XVIII–XIX вв. туркмены умели выявлять ценные породы скота и улучшать их. Они вывели прекрасных ахалтекинских и йомудских коней, выносливых одногорбых верблюдов, сторожевых алабаев и быстроногих охотничьих собак и т.п. В XIX в. марыйскими текинцами была открыта сараджинская порода овец, которая до сих пор не утратила своего значения в народном хозяйстве. Этот вид овец отличается большими размерами, мягким мясом и белой шерстью. Помимо сарыджинской породы разводят также местные породы, такие как «туркменская» (кудрявая, грубошерстная), «арабская», «курдская», а позже и «каракульская» породы овец.

В XIX в. большинство овец в Средней Азии принадлежало к курдской породе, и хвосты у них были длинными и толстыми. Овцы «бакган» также были выведены из курдской породы, и их живая масса достигала 60–80 кг. [Вамбери 1868, с. 232–233]. У некоторых видов овец были такие большие хвосты, что к их хвостам прикрепляли специальные приспособления, облегчающие их движения. Верблюдоводство было наиболее развитой отраслью туркменского скотоводства. Одногорбые, засухоустойчивые верблюды (арвана), считающиеся особой туркменской породой, считались здесь основной породой, и преобладали над другими. Кроме них, были также гибридные верблюды, скрещенные с двугорбыми, купленными у казахов в Хиве.

Однако основное место в стадах большинства туркмен занимают овцы, а второе место занимает крупный рогатый скот (или верблюды, в зависи-

мости от местонахождения и состояния пастбища). Преобладание разных видов скота в стаде было разным в туркменских стадах, обитавших повсеместно. Туркменские племена, живущие на севере и по берегам реки Амударья, разводили крупный рогатый скот больше, чем верблюдов и лошадей. Увеличение поголовья крупного рогатого скота произошло не только у хивинских туркмен, но и в других земледельческих районах Туркменистана. Правда, вначале численность верблюдов преобладала над численностью лошадей и крупного рогатого скота из-за отсутствия пастбищ у туркмен, живших в Мерве и Сарахсе. А живущие в Ахале туркмены в основном разводили овец, верблюдов, а также лошадей, «известных всему Востоку своей статью, силой и выносливостью». Так, в 1-й пол. XIX в. в Южном Туркменистане поголовье крупного рогатого скота и лошадей было небольшим по сравнению с концом XIX в.

В отличие от оседлых, приморские районы, особенно побережье Каспия и предгорье Балканских гор, почти не имели крупного рогатого скота. Здесь внимание уделялось в основном стадам овец и верблюдов.

В 1-й пол. XIX в. в источниках не приводится, сколько скота было у туркмен. Количество и виды скота туркмен известны только в конце XIX в. Это играет важную роль в формировании представления о том, каким было положение туркмен до того, как они были включены в состав России. В этот период крупный рогатый скот по своей численности уступал только мелкому рогатому скоту. Но после 1890 г. поголовье крупного рогатого скота стало увеличиваться. В XIX в. туркмены, проживающие в среднем течении реки Амударья, также занимались скотоводством, но скотоводство здесь не имело такого значения, как в Северном и Южном Туркменистане.

В 70-х гг. XIX в. скотоводство в Лебапе было широко развито только у эрсари, тогда как остальное население держало небольшое количество скота [Коморов 1887, с. 280]. У большинства туркменских земледельцев было 1–2 быка, а 3–4 и более коров были только в состоятельных хозяйствах. Бедные хозяйства, в основном, держали коз, но и это было очень ограничено. Верблюдов также было немного, и они использовались, в основном, для аренды. Большинство туркменских земледельцев, проживающих в Лебапе, держали быков, верблюдов и ослов и использовали их в основном для сельскохозяйственных работ. Всего в Чарджоуском и Керкинском районах (расположенных на левом берегу Амударья вместе с так называемым «афганским владением») было установлено наличие 5 761 быка, 5 551 коровы, 95 395 овец, 3 058 верблюдов и 2 203 лошади.

Труд людей, занимающихся скотоводством, очень тяжел, и вся их жизнь была трудной. Недаром у туркмен говорится, что «Дайханин в снегу успокоится, пастух — в горести». В буквальном смысле слова истинными пастухами считались не только люди, владевшие большими стадами, но и люди,

заботившиеся о своих животных день и ночь, кормя их, охраняя, доя и постригая их.

Крупные скотоводы XIX в. имели много стад овец, верблюдов и других животных. Среди туркмен, проживающих в Юго-Западном Туркменистане, были скотоводы со стадами в 15 тыс. овец, в 200 верблюдов и 20–30 коров. Туркмены, проживающие на юго-западе, имели больше скота по сравнению с мангышлакскими туркменами. Богатыми считались люди, владевшие стадом в тысячу овец. Состоятельные скотоводы перегоняли свои стада в Балканские и Этрекские районы. А на Мангышлаке у самого богатого человека было стадо в 40 верблюдов и 300–400 овец. Однако таких богачей на Мангышлаке «было всего 2–3 человека».

Среди туркмен, проживающих в Мервской и Сарахской областях, были зажиточные скотоводы, но число овец в их стадах редко превышало тысячу. В то же время большинство богачей имели стада в 200 и более верблюдов. Среди всех южных туркменских племен сарыки считались самыми кочевыми. А жители Пенди считались самыми богатыми скотоводами. «Сарыки — самые богатые среди туркменских племен; у большинства из них до 1000 овец; самые богатые имеют до 2000 овец и 60–70 верблюдов», — пишет П.М. Лессар.

Отличие от сарыков, в 80-х гг. XIX в. животноводство у салыров значительно снизилось, а поголовье лошадей и верблюдов у них было очень небольшим, а мелкого рогатого скота почти не было. Это связано с тем, что в то время они переехали из Йолатанского района в Сарахс.

Значение верблюжьего транспорта возросло с началом вторжения царской России в Туркменистан. Потребность в верблюдах очевидна при строительстве Закаспийской военной железной дороги. Тысячи верблюдов сначала покупаются за бесценок, сдаются в аренду, а затем собираются в качестве налогов. С началом Первой мировой войны спрос на верблюдов в Закаспийской области еще больше возрос. Царское правительство решило собрать верблюдов из туркменских земель для фронта [Rahymow 2015, с. 45].

Наши предки использовали верблюдов в быту для сбора дров, перевозки воды, перевозки товаров при поездках в дальние места для торговли, а также для устройства шатров для свадеб. Хотя копыта верблюда значительно утопают в песке, он может комфортно ходить с грузом в 200–250 кг. Нагруженный верблюд может пройти от сорока до восьмидесяти километров в час. Считалось, что верблюды породы арвана способны давать до 4 т. молока за 18 мес. Средняя продолжительность жизни верблюдов породы арвана составляет от 30 до 35 лет [Kuliýewa 2004, с. 6]. Знаменитые ткани «чекмени» ткали из верблюжьей шерсти. Русский военный П.М. Лессар, находившийся в конце XIX в. среди туркмен Йолатани и Пенди, пишет, что видел местный текстиль на рынке Йолатани. В то время чекмени,

сотканые из верблюжьей шерсти, стоили шестьдесят манатов. Если учесть, что цена лучшей овцы в конце XIX — нач. XX в. составляла 5–6 манатов, то ценность шерстяного сукна понятна. С другой стороны, П.М. Лессар пишет, что ткани из верблюжьей шерсти по стоимости равны со стоимостью 25–30 кошм [Лессар 1885, с. 53].

Производство этой ткани было очень тонким и трудоемким. Его ткut только из шерсти молодого верблюжонка. Используется нестриженная шерсть с горба, груди и шеи. «Туркмены ткut очень прочные и тонкие ткани из верблюжьей шерсти. Из него делают верхнюю одежду — дон. Эти доны известны в Восточной Европе под названием “Джубе Хорасан”» — писал К. Бодэ.

Ткани «чекмени», сотканые в регионах Йолатан и Пенди, привлекли внимание профессора Армения Вамбери из Будапештского университета. Венгерский ученый, побывавший в Туркменистане в 60-х гг. XIX в., пишет: «Их женщины славятся ткачеством агаровой ткани. Агар ткut из шерсти верблюжонка и кипятят в молоке пять дней. В результате шерсть обладает мягкостью и прочностью шелка. Эта ткань очень красивая и используется для изготовления донов (халатов). Его также можно найти на иранском рынке, и она всегда высоко ценится». Эта ткань упоминается и в трудах Кияшко. Отчеты Закаспийской области фиксируют информацию о торговле этой тканью. В районах Пенди и Йолатан старики дарили агарчекмен, когда звали жениха. Гулибеф де Блоквиль, вынужденный прожить в Мары четырнадцать месяцев, пишет, что такое полотно ткали и марыйские туркмены [Язлыев 1985, с. 92–93].

Во 2-й пол. XIX в. с оккупацией территорий Туркмении царской Россией, были достигнуты успехи в скотоводстве. Во-первых, установление колониальной администрации дало туркменам мирную жизнь. Они были спасены от нашествий соседних государств, притеснений и высоких налогов. Из-за давления соседних стран скот пастухов не вывозили на рынки больших городов и не продавали. В конце XIX в. развитие товарно-денежных отношений в Закаспийской области обусловило развитие скотоводства. Одним из основных товаров стали продукты скотоводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Аннанепесов М.* Туркменистаның тарыхындан материаллар (XVIII асыр — XX асырың башлары). А., 1995.
- Аннанепесов М.* Хозяйство туркмен в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1972.
- Вамбери А.* Очерки Средней Азии. М., 1868.
- Джикиев А.* Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961.

Коморов А.В. Краткие статические сведения о племенах эрсары, обитающих на левом берегу Аму-Дарьи от пограничного с Афганистаном селения Боссаги до Чарджуя // СМА. Вып 25. СПб., 1887.

Лессар П.М. Юго-западная Туркмения. СПб., 1885.

Марков Г.Е. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961.

Мошкова В.Г. Отчет о работе этнографической группы V отряда // Труды ЮТАКЭ. Т. 2. Ашхабад, 1953.

Штейнберг Е.Л. Очерки истории Туркмении. М.; Л., 1934.

Язлыев Ч. История и хозяйственное развития населения среднего Мургаба. Ашхабад, 1985.

Kuliyewa O. Düyé maly — dünýe maly. А., 2004.

Rahymow N. Taryhda düýäniň harby-strategik roly // Milli goşun. 2015. № 4.

M.A. Mommaliyeva

Ashgabat (Turkmenistan)

Turkmen State University named for Magtymguly

THE DEVELOPMENT OF THE LIVESTOCK
BREEDING OF TURKMEN COUNTRY
(THE 2nd HALF OF THE 19th CENTURY — THE BEGINNING
OF THE 20th CENTURY)

In this article the informations about the development of the livestock breeding economy in the 2nd half of the 19th century is described. All whole regions of the areas of Turkmenistan had natural opportunities in keeping livestock breeding. At the main time according to the natural opportunities Turkmen ranchers occupied with agriculture. If the families occupying with livestock breeding changed their hometown without belonging to their wish, they also passed to agriculture according to the natural conditions. In the second half of the 19th century with the occupation of the lands of Turkmenistan by the Russian King the achievements were gained in livestock breeding. Firstly the establishment of the colonial administration dedicated a peaceful life to Turkmens. They were saved from the attacks, invadings and heavy taxes of neighbouring countries. The exiling of the ranchers' animals to the big cities' bazaars and selling them because of attacks of the neighboring countries were eliminated. At the end of the 19th century the development of the financial relations created conditions in the livestock breeding.

Keywords: Turkmen country, Russia, livestock breeding, local breeds, products.

Научное издание

Европа в Средние века и Новое время:

Общество. Власть. Культура:

Материалы Десятой Всероссийской, с международным участием,
научной конференции молодых ученых.

Ижевск, 6-7 декабря 2022 г.

Печатается по решению Ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ
УрО РАН и Ученого совета Института истории и социологии
Удмуртского государственного университета

Авторская редакция

Оригинал-макет: И.В. Широбокова
Дизайн обложки: В.В. Долгов

Подписано в печать 23.10.2023. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 15,81. Уч. изд. л. 19,2.

Тираж 37 экз. Заказ № 1799.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел.: + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
426067, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34.
Тел. (3412) 50-82-00 Факс (3412) 50-79-59 <http://www.udman.ru>